

Гай Юлий
Орловский



Ричард Длинные Руки —
принц короны



Гай Юлий Орловский



Длинные Руки —
принц короны



Баллады
о Ричарде Длинные Руки



Гай Юлий Орловский



Длинные Руки —
принц короны



ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета
использован рисунок *В. Коробейникова*

Орловский Г. Ю.

О-66 **Ричард Длинные Руки — принц короны : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).**

ISBN 978-5-699-63856-7

Суровая северная зима засыпала глубоким снегом королевство Сакрант. Войны утихли до весны, даже до лета, когда не только растает, но и подсохнет. Но это не избавляет принца Ричарда от дежурства в покоях королевы эльфов, сложностей с тремя сестрами-принцессами, плащом Каина, жестокого соперничества с Аскланделлой, дочерью императора Вильгельма...

...а тут еще Вельзевул, властелин Ада, настойчиво добивается личной встречи с сэром Ричардом!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-63856-7

© Орловский Г.Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Часть первая

Глава 1

Морозец наконец-то выжег сырость, землю сделал твердой, а из тяжелых, словно свинцовых туч пошел снег, сперва хлопьями, потом мелкий, уже точно не растает.

Мир сразу стал просторнее, маслянистая грязь превратилась в каменные надолбы, а те спрятались под белым одеялом. Тучи третий день надвигаются с севера — тяжелые, едва удерживаются, чтобы исполинскую массу снега не обрушить целиком, постанывают от непомерного груза, но стараются донести до цели и распределить все это сверкающее богатство равномерно на большой площади.

На третий день после дерзкого захвата Генгаузгуза густой снег не просто пошел, а повалил, и сэр Альбрехт вздохнул с таким облегчением, словно он не барон Цоллерна и Ротвайля, теперь еще и граф, а простой крестьянин, и озимые погибнут, если снегопад не начнет-ся прежде сильных морозов.

— Теперь никакая армия не подступит...

— Из Зондерсгаузена и Эйтеля уже вышли две, — вежливо напомнил герцог Мидль, — и довольно большие. Тысяч по семь в каждой.

— Подступить легко, — уточнил Альбрехт, — на санях еще проще, чем на колесах... Да только

в шатрах на ледяном ветру не поночуешь... если не день-два, а недели. Или месяцы.

Норберт произнес ровным голосом и с самым непроницаемым лицом:

— Сегодня те армии повернули обратно.

— Наверное, — сказал Сулливан саркастически, — им раньше предсказывали, что зимой снега не будет?

— Боюсь, — сказал я, — на всю долгую зиму мы отрезаны от мира.

Альбрехт напомнил:

— Как и Мунтвиг...

— Да, — согласился я, — но у Мунтвига свои проблемы, у нас свои. Боюсь, запасы продовольствия в городе скоро иссякнут, а окрестных сел, как было до нас раньше, для снабжения будет маловато. Готовьте людей, которые установят связи с соседними городами. Торговые!

— А если откажутся?

— Пригрозите участью Вифли, — сказал я жестко.

Альбрехт добавил:

— А в качестве пряника напомните, что остальные города, сдавшие его высочеству Ричарду, не были ни в чем ущемлены.

— Верно, — согласился я. — Спасибо, барон.

Я поднялся из-за стола, все умолкли и обратили на меня вопрошающие взоры.

— Вернемся в главный зал, — сказал я. — Народу прибывает, нам нужно быть со всеми любезными, никого не отталкивать.

— Никого? — уточнил Альбрехт.

— Граф, — ответил я строго, — не придирайтесь. Это как правило, но из всякого правила бывают исключения.

Макс, редкий гость на совещаниях и обычно отмалчивающийся, предложил жизнерадостно:



— Пойдемте напрямик?

— Конечно, — ответил я, хотя собирался идти кружным путем по извилистым коридорам, а потом по гирлянде подвесных мостов. — Герои всегда выбирают прямые дороги, а мы кто?

В холле слуги поспешно набросили мне на плечи роскошную шубу, стражи так же быстро и с готовностью распахнули двери в заснеженный мир.

Широкое крыльцо уже вычищено от снега, даже прокопана узкая дорожка до конюшни, но двор весь покрыт этим чистейшим великолепием, уже скрывшим грязь и продолжающим щедро сыпаться из низких туч мелкими и частыми крупинками.

Главное здание дворца наискось через двор; я сразу провалился до колен в эту хрустящую чистоту. Пришлось идти, заматавая свой же след, как лиса хвостом, лапами роскошной шубы, а следом двинулись, весело поругивая погоду и ленивых слуг, мои полководцы.

В холле нас встретили испуганно — не ждали со стороны двора, а мы, оставив шубы, пошли в центральный зал, что отделан с невероятной для севера роскошью: стены сплошь закрыты коврами и гобеленами, пол в плитах из зеленого с прожилками малахита, явно рядом богатые месторождения, с потолка в ряд свисают четыре люстры из зеленовато-желтой меди, свечи горят ярко и жарко, а на столе, длиной примерно в пять ярдов, посередине изящно выполненные светильники из серебра, изображающие драконов с разинутыми кверху пастьми, куда вставляют свечи.

Вообще-то дворец разукрашен и расцвечен по моему приказу. Даже днем в залах, где из-за узких окон мало света, теперь горят все люстры, создавая праздничное настроение.

С поперечных балок и с перил балконов гордо свисают багровые, алые и пурпурные полотнища,

почти все с различными гербами, украшенные золотым шитьем, оскаленными мордами лютых зверей, — хотя бы один изобразил зайчика.

Слуги в праздничном, в холле пятеро музыкантов старательно тянут натужно веселую мелодию. Народу прибавляется, но пока что ни один из местных лордов не поспешил ко мне с присягой верности, все присматриваются, жарко обсуждают друг с другом случившееся и строят всякие планы.

Понятно, еще больше лордов собирается по замкам, где ловят слухи и сговариваются действовать совместно против захватчиков, как только определят как.

Мои лорды топают за мной гурьбой, готовы защитить сзади и с боков, а впереди, у трона, стоят в ожидании телохранители, отобранные Зигфридом и проверенные Скарлет.

— Лорды, — сказал я приподнятым голосом, — развлекайтесь и развлекайте гостей. Помните, пир бывает продолжением успешной войны. Мы должны побеждать не только в битвах!.. А вас, граф, прошу за мной.

Альбрехт подчеркнуто горестно вздохнул, остальные жизнерадостно заржали, а мы с Альбрехтом быстро прошли через дверь, расположенную справа от королевского трона, а там уже через две двери мой кабинет, где совсем недавно принимал решение король Сакранта Леопольд Кронекер.

Слуги почтительно распахнули перед нами обе створки, я вошел по-хозяйски, нельзя подавать виду, что малость мандражирую, это моментально ослабит не только меня, но и всю нашу армию, — со вздохом облегчения развалился в кресле за королевским столом и указал Альбрехту место в таком же роскошном и с позолоченной спинкой слева от стола.



— Присядьте, граф.

Он опустилсЯ с осторожностью, не отрывая от моего лица настороженного взгляда.

— Ваше высочество?

— Сэр Альбрехт, — сказал я официальным тоном, — назначаю вас вице-регентом по делам королевства Сакрант.

Он вскочил, поклонился.

— Ваше высочество, благодарю за честь, вы так ошеломительно щедры, что даже и не знаю, куда бежать и где прятаться... но вице-регент... это что?

— Это все, — сказал я с подчеркнутым злорадством, — все, дорогой друг! Теперь буду ехидничать я. Особенно когда расплатетесь, что ничего не получается, — такое будет, будет! Набирайте штат, привлекайте местных, знающих специфику... Хотя какая тут специфика? Хватай и грабь... Нет-нет, это не указание, а как бы шутка. Вы как вице-регент, так сразу и шутить разучились? Или только над другими можно?..

Он пробормотал:

— А не слишком ли велика для меня... гм... честь? Я перекрестился.

— Все мы несем ношу, возложенную Господом. Считайте, это Господь вас нагрузил как ослика, что порой несет больше, чем лошадь.

Он пропустил намек на его малый по сравнению с моим рост, хотя это получилось нечаянно, полюбопытствовал:

— Вы уже Господь?

— Господь ничего не делает сам, — пояснил я, — а только через его поверенных в делах. Так что, граф, не брыкайтесь.

Судя по его виду, побрыкаться очень хотелось, но вздохнул и поинтересовался кротно:

— А какие главные требования?

— Граф, — напомнил я, — вы же не только рыцарь, но и умелый хозяйственник. И даже кадровик! Вон за Норберта каждый день вас вспоминаю...

— То-то меня икотка душит...

— По-хорошему вспоминаю, — сказал я строго. — Представьте себе, что это ваша земля... ну, что ваши Цоллерн и Ротвайль несколько расширились. Но порядок нужно навести и в расширенности, и в дальнейшей расширяемости. И чтоб все работало. Для нас это жизненно важно, ибо мы сейчас не волки в овечьей стае, а пастухи, что хоть и режут отдельных незнательных овец пожирнее, но за остальными следят и ухаживают, отращивая где мясо, где шерсть.

— Гм, — сказал он задумчиво, — а нельзя ли учредить должность двух вице-регентов?..

— Зачем?

— Я буду резать, — пояснил он, — а другой кормить и ухаживать.

— Нет уж, — сказал я, — такое должно быть в одних руках. Сами понимаете почему.

Он понимал, судя по мрачному лицу, сказал с тяжелым вздохом:

— Хорошо, переговорю с Рэджилом Роденберри, так зовут городского старшину? Он показался вменяемым человеком.

— Правильный выбор, — сказал я с одобрением.

— Считаете? — ответил он. — Или сбиваете с толку? Если дать больше власти... скажем, как в наших городах, этот Роденберри землю будет рыть копытами и рылом.

— Да и другим цехам, — подсказал я, — больше прав, самоуправления, право на герб...

— Не сбивайте, — огрызнулся он. — А то у вас такой вид, что сразу хочется сделать наоборот.



— Вы тоже, — проговорил я важно, — в правильном направлении роете, граф. Уж и не знаю чем.

В кабинет заглянул Зигфрид, лицо хмурое и настороженное.

— Ваше высочество, к вам гости.

— Кто? — спросил я.

— Местные лорды, — доложил он.

— Где они?

— Я их отвел в малый зал тут рядом, — сообщил он. — Там хорошая охрана, если где что пойдет не так.

Альбрехт заметил обеспокоенно:

— Не совсем же они дураки; хотя почему нет? Дураков все-таки на свете больше. Ваше высочество, я все понял, ухожу осличать.

Зигфрид проводил его непонимающим взглядом. Я сказал нетерпеливо:

— Хорошо, пойдем. Не будем заставлять ждать, выкажем уважение.

Во всем дворце залы огромные, неуютные, я то и дело замечаю, как от стен дует холодным ветерком через неплотно подогнанные гранитные глыбы. Где-то из щелей выпал мох, которым прокладывают на стыках, и теперь только гобелены спасают от кинжальных сквозняков давно уже не летнего воздуха, но не могут перекрыть ему дорогу в залы вообще.

Все эти дни я даже завтракал в королевских покоях, что не совсем по этикету, а вообще-то это полагается делать вот в этом зале, длинном, унылом и рассчитанном на целый полк.

В малом зале, что даже не зал, а большая уютная комната, в огромном камине полыхают толстые берзовые поленья, несет приятным сухим жаром.

Трое дородных мужчин повернулись в мою сторону, но я шагнул к камину, теплый воздух коснулся лица, и я с наслаждением протянул к огню озябшие руки.



Зигфрид придвинул мне кресло, поклонился и вышел. Я молча сел, а ноги в сапогах опустил на каминную решетку из темного и почти обуглившегося от жара металла, но затем убоился за их сохранность и убрал.

В комнату вошел Норберт, поклонился и застыл у двери, дескать, сегодня его почетная очередь из наиболее знатных лордов прислуживать за столом обожаемому сюзерену.

Я повернулся вместе с креслом в сторону гостей, все трое ждут молча и терпеливо. Я окинул их внимательным и хозяйским взглядом, проговорил приветливым голосом всемогущего лорда, строгого, но доброжелательного:

— Садитесь, господа, вон там кресла. Кто вы и что вы?

Все трое очень немолодые, уверенные настолько, что я нарочито продемонстрировал свою власть и напомнил себе, что надо не забыть еще пару раз в беседе дать понять, что здесь хозяин я, а не они, хотя мы и в Генгаузгузе, самом центре королевства Сакрант.

Первый произнес с едва заметным поклоном:

— Вильдграф Вильдан Зальм-Грумбах, лорд земель Ирмии и Нирда, куда входят города Зальм-Кирбург и Зальм-Даун.

Норберт с самым почтительным видом приблизился ко мне — короля играет свита — и сказал тихонько:

— Это справа от Генгаузгуза.

Ясно, сказал я себе, что не бургомистр, туда выбиваются из простого народа, а от этого веет вереницей предков, что сражались и погибали в боях, защищая или завоеывая, и редко доживали до старости. Породистый во всех смыслах, что значит при нем и рост, и размах плеч, и несокрушимое здоровье, что позво-



ляет легко переносить тяготы воинской жизни в любом возрасте.

Вильдграф отступил, все такой же ровный, невозмутимый, но без излишней надменности, сел в центральное из указанных кресел, подчеркнув свою главную роль в их тройке.

Второй, похожий на быка в камзоле, сказал густым голосом:

— Маркграф Джонатан Берген. Лорд земель Изенбурга и Бирштайна. Также и Хорна, но это далековато и можно во внимание не принимать.

Я промолчал; если можно не принимать, то можно было и не упоминать, но раз упомянул, то в тех землях явно нечто особенное, придающие ему добавочный вес и уважение.

Он сел, тоже из породы тех, кто мечом и напором создает свои империи, пусть и крохотные, продолжая дела предков, ростом уступает вильдграфу, зато в плечах ширина необыкновенная, массивен, а голова громадная, как пивной котел.

Третий сказал вежливо:

— Барон Герберт Оберштайн. Мои земли от Генгезгауза слева, в них входят города Фирнебург, Изендорф и Шайдвилд, под стенами которых ваши люди уже побывали.

Этот моложе остальных, но тоже из тех, кто мечом раздвигает пределы, его не спутаешь со старшиной города или главой гильдии, хотя те могут быть богаче.

Норберт произнес негромко, но так, чтобы его услышали и гости:

— Ваше высочество, под стенами всех остальных городов появлялись только конные разъезды. Думаю, сакрантцам не стоит подавать дело так, что ваши войска пытались взять эти города штурмом, а они героически отбили от превосходящих сил.

Молодец Норберт, мелькнула мысль, следит за высказываниями и вовремя замечает, когда кто-то пытается упрочить положение, принижая наше. А еще умеет и язвить. Это не в его натуре, но общение с Альбрехтом сказывается.

Я сказал бодро:

— Что ж, а кто я, уже знаете. Мы все люди военные, потому не будем терять времени. С чем прибыли, господа?

Глава 2

Норберт поставил на стол четыре фужера из тончайшего стекла, настолько прозрачного, что в таких видно только вино, как будто стекло вообще исчезает, меня распирает гордыня от осознания, что могу создавать для бахвальства такие штуки.

Я сказал так же бодро:

— Лорды, давайте пересядем к столу и обсудим наши проблемы. Прошу вас!

Они так же молча пересели на ту сторону, и потому что все сакрантцы, и потому что у них общая позиция, а еще и затем, чтобы между нами оставалась широкая столешница, через которую до меня труднее дотянуться.

Норберт, расставив фужеры перед гостями и своим сюзереном, взял серебряный кувшин и бросил в мою сторону быстрый взгляд. Я чуть наклонил голову, он поднес кувшин к фужеру вильдграфа Залыц-Грумбах.

Из изящно загнутого носика полилось горячее вино солнечного спектра, и снова я невольно подумал, что стекло слишком хрупкое, может лопнуть в грубых лапах этих лордов, чьи пальцы привыкли сжимать рифленые рукояти тяжелых мечей.



Вильдграф с недоверием посмотрел на легкий парок над фужером, перевел взгляд, полный подозрения, на меня...

— Подогретое вино?

— Глинтвейн, — объяснил я. — Наш национальный напиток на Юге. Зимой, да еще в такой снегопад... вам понравится.

Он осторожно отхлебнул, прислушался к ощущениям, сделал еще глоток и задержал во рту, стараясь понять странные и неведомые ощущения.

— Что за добавки?

Я отмахнулся.

— Знаю только, что корица, гвоздика, лимонная корка, мед, черный перец, душистый перец, еще какая-то хрень, это дело поваров и виноделов, а я... ха-ха!.. усердный потребитель.

Маркграф Берген, глядя на соратника, сделал глоток побольше, застыл, стараясь справиться с неведомым и не подать виду, что огорошен. Ему из того же кувшина фужер наполнился горячим грогом, но я не стал разбавлять ром наполовину горячей водой, как требует рецептура, а просто добавил корицу, гвоздику, имбирь и лимон, а также сахар, что в такую холодную погоду для организма как спасательный круг, брошенный утопающему в море.

Норберт медленно перешел на сторону барона Оберштайна и задержал пустой кувшин над его фужером. Я чуть прикрыл глаза, подавая знак, дескать, я готов. Норберт наклонил изящный носик над краем тончайшего стекла.

На этот раз струйка вина выглядит темно-коричневой, насыщенной, плотной, хотя это всего лишь коньяк, правда очень старый, коллекционный. К счастью, мой метаболизм не только ускоряет заживление ран, но еще и бережет от простуд и опьянения. Ко-

ньяк, которым я наполнил два фужера, барону и себе, для меня всего лишь эссенция виноградного сока, и, кроме жгучего вкуса, ничего с тем прежним коньяком общего.

Барон сделал большой глоток, задохнулся, лицо побагровело, едва-едва не закашлялся, глаза полезли на лоб, но справился, начал отхлебывать мелкими глотками.

Напряженное лицо расслабилось, наконец он проговорил с непонятным выражением:

— А это вино не подогревали, как вижу, однако в моих внутренностях теперь бушует пламя... Нет-нет, приятное такое пламя. Согревающее. Как вы это делаете?

Я небрежно отмахнулся.

— А это все Юг, там много всякого... ну, делающего нашу суровую жизнь чуточку приятнее.

Он чуть усмехнулся, но глаза оставались настороженными.

— Да, но... из одного кувшина разные вина?

— Такие кувшины стоят дорого, — согласился я. — И продаются только на самых больших базарах. Где появляются покупатели с немалыми деньгами... Так о чем вы пришли поговорить?

Вильдграф сделал большой глоток и, не выпуская из руки фужера, где на дне остается еще около трети глинтвейна, произнес намного более деловым голосом:

— Мы прибыли поговорить о взаимоотношениях. Сразу хочу предупредить, мы остаемся лояльными императору Мунтвигу! Это обсуждению и пересмотру не подлежит. Однако мы хотим избежать неизбежных разрушений, грабежей, бесчинств и убийств...

Он запнулся, посмотрел на меня настороженно: не слишком ли много вывалил сразу.

Я кивнул.



— Продолжайте. Я тоже хочу избежать грабежей. Армия, которая начинает бесчинствовать, теряет управление. Это не в моих интересах.

Он посмотрел на своих за поддержкой, снова обратил взор на меня.

— В Генгаузгузе, — сказал он чуть увереннее, — несмотря на огромные запасы зерна, все же недостаточно продовольствия, чтобы кормить вашу армию всю зиму, а потом еще и весну. Ваши войска вынуждены будут разбрестись по окрестностям, что нежелательно как для вас, так и для нас...

— Вы сформулировали все очень четко, — ответил я. — Что вы предлагаете?

Он чуть смешался, явно готовился подходить к этому вопросу долго и осторожно.

— Мне трудно, — сказал он откровенно, — что-то предлагать, так как я, вы верно сказали, человек войны. Но мои управители в один голос вопят, что нужно на каких-то условиях посылать вам продовольствие, чтобы избежать неизбежных грабежей.

Барон Оберштайн вставил осторожно:

— Мы, как вы понимаете, в состоянии запереться за крепкими стенами и держать оборону. Однако, как рыцари и христиане, мы обязаны защитить все наши села и деревни, а также мелкие города, которые огорожены лишь простым частоколом для защиты от волков, лис и мелких грабителей.

Маркграф вставил с пылом:

— Если бы мы могли пойти в бой и погибнуть, но спасти наших подданных, мы бы это сделали!..

— Но это была бы бесполезная жертва, — сказал я с сочувствием. — Согласен, ситуация неважная. Мы все за этим столом — люди войны и стремимся к жарким сражениям, подвигам, блеску мечей, грохоту топоров по щитам и шлемам противника, кри-

кам трупов и ручьям горячей хлюпающей крови под нашими подошвами. Желательно, чтобы по колено. По колено в крови — это звучит и наполняет гордостью! Однако все мы — рыцари, а это значит, как вы правильно только что сказали, красиво и возвышенно, мы должны защищать тех, кто сам защитит себя не в силах. Потому я готов к такому сдержанному сотрудничеству, которое не умаляет ни моей, ни вашей чести, а также не задевает достоинства, а служит только спасению тех, кого мы обязаны защищать.

Вильдграф Зальц-Грумбах перевел дыхание, вытер вспотевший лоб. Я повел бровью в сторону Норберта, тот молча наклонил над его фужером носик кувшина.

На этот раз я наполнил доверху коллекционным коньяком. Вильдграф сграбастал фужер в широкую ладонь и одним глотком отправил в рот, закашлялся, глаза полезли на лоб.

Барон, что сразу понял по цвету, что его старшему соратнику наливают то же самое, что и ему, наблюдал с некоторым злорадством и одновременно сочувствием.

Отвлекая внимание от кашляющего и фыркающего вильдграфа, он проговорил сдержанно-деловито:

— В какой форме это можно устроить?

— Вариантов много, — ответил я, — но не лучше ли оставить самый простой? Который никого не задевает и ни на кого не бросает тень?.. Крестьяне будут привозить в город продукты, как и привозили. А мы будем платить по тем же ценам, что были здесь до нашего... появления. Таким образом снимутся многие неудобные вопросы. Разумеется, никакого насилия над крестьянами чиниться не будет, это не в наших интересах. Пусть война идет между армиями, не задевая тех, кто эти армии кормит и одевает.

Вильдграф заметил осторожно:

— Это приемлемый вариант...



— На данном этапе, — добавил я, помогая ему, — на данном этапе. А что будет потом, оставим будущему. Сейчас же вы и мы, как вы заметили исключительно верно, заинтересованы в зимнем перемирии.

Норберт снова неспешно, давая мне время сосредоточиться, наполнил их фужеры, сам не зная, что наливает, а я сосредоточенно создавал ром, джин и виски.

Маркграф Берген, которому достался старый выдержанный джин, сперва понюхал, поинтересовался с видом знатока:

— Вино из можжевельника? Удивительно...

Я улыбнулся.

— Да там много чего намешано. Вкус на любителя, но в такую погоду нужно что-то крепкое.

Он отпил, прислушался, невольно заулыбался.

— Чудесный вкус... Я велю управителю пополнить запасы моего винного погреба этим чудесным... как он называется?

— Джин, — ответил я. — А вы, господа, наверняка возжелаете добавить в свои коллекции ром и коньяк?

В залах главного здания на втором, третьем и последнем, четвертом этаже везде полумрак, в металлических держакках, приклепанных к стенам, торчат наготове факелы, а свечи, как я понял, — это уже шик, они только в главном зале, а также в тронном и королевском кабинете.

Альбрехт, что исходил здесь в первый же день все вдоль и поперек, не выпуская из руки обнаженного меча, сказал самодовольно:

— Вся наша Армландия выглядела бы здесь как лучший из залов королевского дворца!

— Зато здесь люди мужественные, — заметил я.

Он посмотрел на меня с укором.

— А в Армландии?

— В Армландии тоже, — согласился я. — Вообще Армландии повезло. Люди в ней по-северному отважны, честны и благородны, однако из-Сен-Мари через перевалы проникло достаточно всякого, чтобы Армландия почти не отставала от нее по уровню культуры, но не разнежилась до такого состояния, как рыцарство Сен-Мари.

— Да, — согласился он, — мы взяли Сен-Мари с легкостью, хотя там доспехи и оружие намного лучше нашего. Надеюсь, здесь с нами такого не случится.

— Не случится, — заверил я. — Культурные люди умеют воевать не хуже дикарей, а то и лучше. Мы это уже показали.

Он церемонно поклонился.

— Ваше высочество, как я понял, вас вон там на террасе дожидается этот, как его... оруженосец Зигфрида.

— Скарлет, — сказал я. — Не прикидывайтесь, что ничего о ней не знаете.

— Ах да, — сказал он и хлопнул себя по лбу. — Скарлет! А я уже и забыл, что это за странный оруженосец. Я всегда забываю такие вещи, ваше высочество.

— За это я вас тоже люблю, граф, — сказал я.

Терраса завалена снегом, слуг не хватает даже для работы на кухне, и Скарлет стоит в этом сверкающем на солнце крошечке почти по колено и, склонившись над парапетом, рассматривает двор внизу.

Вообще-то она всюду старается держаться в тени, я даже не замечаю ее присутствия, не то что шумного и размашистого Зигфрида, однако сейчас вот увидел ее во всем блеске изящного оруженосца благородной крови, то есть в великолепнейшей блестящей кольчуге, что укрывает капюшоном голову, защищает плечи,



спину и грудь, руки прячет по самые запястья, а от пояса опускается до колен, а также в новеньких брюках из тонко выделанной кожи и дивно изящных сапожках на едва заметных каблукках.

— Скарлет, — сказал я с удовольствием, — прекрасно смотришься.

Она в нерешительности поклонилась. Это получилось несколько неуклюже, все-таки женщинам это несвойственно, их с детства учат красиво приседать, придерживая с боков края платья сорока различными способами, то растягивая, то приподнимая, оттопыривая то по три пальца с каждой стороны, то лишь грациозно мизинчики, а голову то скромно и стыдливо вниз, то, напротив, запрокидывая и глядя в глаза сюзерену открыто зовущим взглядом готовой к случке самки.

— Спасибо, ваше высочество...

— Говори, — велел я.

Она округлила глаза.

— Ваше высочество?

— Ты что-то хотела сказать, — пояснил я нетерпеливо. — Иначе продолжала бы прятаться.

Она повела взглядом в сторону двери моего кабинета. Я понял, сам распахнул для нее, пропустил вперед и плотно закрыл за собой. Скарлет прошла от двери подальше, повернулась ко мне, лицо бледное, глаза начали трагически расширяться.

Я сказал дружелюбно:

— Скарлет, можешь обращаться первой. Ты не придворная, а на службе. К тому же мы не на парадном приеме, а ты не дама в вот таком платье... хотя и с вот такими.

Она попыталась улыбнуться, но губы так и не сумели потянуться в сторону. Напротив, лицо словно сковало льдом, а страх в глазах стал заметнее.

— Ваше высочество...

— Говори, — подтолкнул я. — Ты чего-то боишься?.. Может быть, сядешь?

Она вздрогнула, судорожно покачала головой из стороны в стороны.

— Н-нет, такое нужно говорить стоя.

— Ты все-таки боишься, — повторил я. — Явно не мечей и стрел... Магии? Кому угрожает? Тебе или Зигфриду?.. Судя по твоему страху, Зигфриду. Вы настоящая пара, редко я видел такую преданность со стороны женщины.

Она покачала головой.

— Не Зигфриду.

— А кому?

— Вам, ваше высочество.

Голос ее прозвучал уже тверже, а взгляд на этот раз прям как туго натянутая тетива. И даже бледность покинула губы, оставшись только на щеках.

— Мне угрожают все время, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал легко, хотя по телу пробежал холодок. — Такая у меня на земле должность! Что-то конкретное?

Она кивнула.

— Да, ваше высочество.

— Говори, — сказал я тише. — Я никому не скажу, разрази меня Господь, как он же когда-то черепаху.

Она сказала шепотом:

— Даже Зигфриду?

— Да, — ответил я. — Даже Зигфриду.

Она огляделась, приблизила ко мне голову, голос ее стал едва слышным:

— Некто... с Той стороны ищет встречи с вами.

— С той, — переспросил я так же тихо, — это какой?.. Со стороны Мунтвига? Это же прекрасно, я предвидел раскол и шатания в их некогда сплоченных рядах.



Она покачала головой.

— Ваше высочество, все гораздо серьезнее. И страшнее.

Я спросил настороженно:

— Тогда кто?.. Маги?.. Те, кто служит Злу?

Она тяжело вздохнула и произнесла так, словно бросилась в ледяную воду с плавающей там снежной крошкой:

— Со стороны противников... самого Господа.

Я вздрогнул, по телу пробежал сильнейший озноб. Кровь отлила от щек, я это ощутил, а ногам стало холодно.

— Значит, ты...

Она прошептала со слезами на глазах:

— Нет! Я не служу Злу... И никогда не служила. Даже магия моя древняя, дохристианская.

— Тогда почему?

Она опустила голову и сказала в пол:

— Однажды... только однажды... я освоила одно заклинание, его называют сатанинским, ибо оно уже от новых черных, которые появились во времена Христа и вели с ним борьбу... Но как мне было иначе? Мой маг-мучитель знал все старые заветы, я могла освободиться только чем-то новым!.. Но я с тех пор, как мой побег удался, никогда больше, клянусь...

Я кивнул, сказал трезво:

— Понятно, одна ниточка есть для связи, для них этого достаточно, чтобы... ну, не руководить тобой, а передать ту весть, которую сами передать не могут. Так?

Она сказала с благодарностью:

— Вы очень хорошо все объяснили!

— Работа такая, — пробормотал я, — все объяснять и формулировать, вот такой я формуляр... или формулятор. Что они хотят?

— Встречи, — прошептала она, плечи передернулись, сказала так же тихо: — Умоляю, не ходите!.. Это опасно.

— Выманивают, — спросил я, — чтобы убить?.. Ты что-то почуяла?

Она сказала с неуверенностью:

— Нет. Напротив, меня уверили, что ничего злого не замышляют. И что вы уйдете обратно целым и невредимым.

Я пожал плечами.

— Ну, силам Зла соврать, что сплунуть. С другой стороны, в некоторых оговоренных случаях слово держать надо, ибо недержание... или несдержанье?.. навредит и тому, кто дает слово. Что сказали конкретно?

— Встреча, — ответила она покорно, — может состояться в полночь или чуть позже, в эту или следующую, на Проклятом Болоте. Это совсем близко от Генгаузгуза, две мили налево по северной дороге. Простите, ваше высочество, но в замок или во дворец они не могут... И вообще в те места, где прошли священники, освящая землю.

— Странно, — проговорил я мрачно. — И подозрительно. Скажу только тебе, иногда меня посещает сам Сатана. И ничего! Поговорим и расходимся.

Она вздрогнула, посмотрела расширенными в ужас глазами.

— Сам Князь Тьмы?..

Я кивнул.

— Да. В любом месте.

Она с трудом перевела дух.

— Ну, это же сам Князь... к тому же приходит не сам, а по вашему вызову. Это только слабые и лживые люди говорят, что Сатана приходит незванным и совращает! Врут, оправдывая свою слабость и ничтожество. Господь не зря дал человеку свободу



выбора, и кто не хочет быть совращенным, тот не со-
вратится.

— Погоди, — прервал я. — Раз этот некто не мо-
жет прийти сюда, как это делает Сатана, он по рангу
ниже?

Она вздрогнула.

— Да... Но Сатана, как понимаю, это верховный
руководитель, который сам не пытается, не убивает...
Ваше высочество, я уже вижу по вашему лицу, что
поедете. Умоляю не делать этого! А если поедете, за-
паситесь всем-всем против сил Зла!

— Против такого Зла, — ответил я медленно, —
защитой может быть только одно... Хорошо, сегод-
ня же узнаю, чего от меня хотят в аду.

Глава 3

Она выскользнула за дверь, а я продолжал напря-
женно разматывать предыдущую мысль насчет того,
что встречной дерзкой акцией мы, похоже, остано-
вили натиск Мунтвига. Сейчас он, судя по всему, либо
в одной из своих армий, либо где-то собирает новую
рать. Однако, несомненно, удар мы ему нанесли если
не сокрушительный, то сотрясающий.

Вся его империя содрогнулась, а любители по-
грабить чужие королевства с ужасом только сейчас
начинают соображать, что жертвы почему-то обиде-
лись и сами пришли грабить, а также мстить за обиды
и поправное достоинство.

В идеале отыскать бы Мунтвига и покончить с ним
одним ударом. И неважно, сколько у него осталось
жизней, все осуществимо. Главное, тогда распадет-
ся огромная империя, каждое королевство поспешит
укреплять кордоны и свою власть, начнут грызться

друг с другом, а это то замечательное время, когда приходи и бери их голыми руками.

Сегодня, на третий день с момента захвата Генгаузгуза, впервые организовали совместный пир всех глав похода, а также его участников. И хотя напряжение все еще присутствует не только в городе, но и во дворце, который защищают лучшие воины Макса, однако просто необходимо провести такую показательную акцию для всего Генгаузгуза: захватчики пируют в королевском дворце и уходить не собираются.

Норберт на всякий случай и последних слуг из числа местных услал обслуживать народ в других зданиях дворца, велел перекрыть для них обратно все висячие мостики и переходы, а здесь их обязанности на себя временно приняли ратники Макса, пусть неуклюжие в обслуге, зато свои.

Чтобы поразить местных размахом и щедростью, красным бархатом и прочей тканью красного и алого цвета устлали все лестницы, крыльцо и даже обширный двор перед королевским дворцом. Свечи зажглись везде, где их только можно было приткнуть, так что все залы оказались залиты радостным огнем, словно в летнее солнечное утро.

Везде, куда ни оглянись, взор натывается на золотую и серебряную утварь, на изящные статуи, вывощенные из тайников и выставленные напоказ, на столы и столики из редких пород дерева, и вообще те сокровища, которые Леопольд хранил в казне, а я велел вынести и расставить как в главном зале для пиршеств, так и по дороге к нему.

Я оглядел зал быстро и внимательно, все вроде бы в порядке, за моим столом герцоги Мидль, Клемент, Сулливан, графы Альбрехт и Макс, барон Дарабос... не видно только епископа Геллерия. Как духовному лицу, ему полагается сидеть рядом с правителем свет-



ским, однако он предпочел уйти в соседний зал, где накрыты столы для благородных рыцарей ниже рангом, а то и еще дальше, где точно так же веселятся простые конные воины и ратники Макса.

Длинный стол для верховных лордов на небольшом возвышении, остальные уходят от него двумя рядами, покрыты такими же празднично-красными скатертями. Единственное отличие, кроме возвышения, — за нашим столом два кресла отличаются от остальных высокими спинками, что превращает их в троны, на которых обычно сидели король Леопольд и его супруга.

На пирах всегда возникает тайное соперничество, кому где сидеть, потому и установлена строгая иерархия, и хотя я предпочел бы рядом посадить Альбрехта, но место справа принадлежит одному из герцогов, а кому, нужно решить побыстрее, пока они еще не явились... В проеме распахнутой двери, где постоянная теснота из-за шмыгающих взад-вперед гостей, внезапно стало чисто, свободно, затем появились в почтительной тишине принц Сандорин, церемонно поддерживающий под локоть принцессу Аскланделлу.

Именно сопровождающий, а не ведущий; ни у кого, уверен, не возникает сомнения, что дочь императора идет сама по своей воле, а весь мир прогибается под ее воздушно-чугунной поступью.

Все мои суставы протестующе закрипели, когда я заставлял себя подняться навстречу, а потом еще и поклонился.

— Ваше высочество...

Она приветствовала меня едва заметным наклоном головы. Сандорину я кивнул, как приятелю.

— Принц, садитесь без церемоний и хватайте, до чего дотянетесь. Как понимаете, вам уже не могу уделить внимание.

Принцесса величественно опустилась в соседнее со мной кресло с высокой спинкой, на котором раньше сидела королева Сакранта. Я перехватил с дальнего конца стола прицельный взгляд Альбрехта, он прищурился и приподнял кулак с бодро оттопыренным сверху большим пальцем.

Я зло сжал челюсти. Со стороны это в самом деле выглядит, как будто на троне король с королевой. Может быть, Аскланделла даже больше королева, чем я король... а что там может быть, точно королева и даже императрица, а я всего лишь полевой вождь, Чингисхан, Агтила, захвативший трон...

Похоже, она в самом деле уверена, что оказывает этим мне великое одолжение, так как по титулу в главном кресле должна сидеть она.

Я сказал очень любезно:

— Вашему высочеству удобно в предоставленных вам покоях?

— Спасибо, принц, — ответила она ровным голосом. — Весьма мило, что вы о такой мелочи вспомнили.

— Какая мелочь, — ответил я еще любезнее, — у вас есть и рост, и плечи, и... все остальное. Совсем не мелкое. А как общее впечатление от Генгаузгуза? Вы в нем уже бывали?

Она как будто и не услышала вопрос, проговорила тем же церемонным, как надлежит разговаривать венценосным особам, голосом, но и в то же время как бы легко, мы же не на приеме, а за пиршественным столом:

— Должна заметить, ваше оружие и доспехи превосходят по качеству изделия мастеров северных стран.

Я милостиво наклонил голову.

— Это точно, ваше императорское.

Она добавила небесно кротко:



— Что, без всякого сомнения, говорит о вашей трусости и желании скрыть недостаток силы и мужества за прочными доспехами.

Я чуть не подавился куском мяса, с трудом проглотил и прохрипел сдавленным голосом:

— Вы правы, ваше высочество. Мы предпочитаем, чтобы красиво и гордо гибли в сражениях наши противники, а мы с победой возвращались к своим женщинам. Можно даже с головами врагов, мы же варвары, нам все можно!.. Вам положить вот эту птичку?

Она поморщилась.

— Нет, положите вон ту.

— Хорошо, — проговорил я сквозь зубы, она ж должна была отказаться, — сейчас положу... Ух, какая здоровенная! И вы такую слопаете в одиночку? Это же целый лебедь! У вас прекрасный аппетит.

— У вас что-то со зрением, — произнесла она с сочувствием. — Это скворец. Ваше высочество, сражаться в таких доспехах против тех, у кого только мужество и мечи из сырой стали... не совсем достойно.

Я поинтересовался:

— Ваше высочество, а если бы доспехи такой выделки привезли в армию Мунтвига или вашего батюшки... вы уверены, что там бы отказались? Чтобы героичнее совершать безумные подвиги?

Она проигнорировала мой недостойный выпад и занялась жареной птичкой, что хоть и не лебедь, но и не скворец, а по размерам больше похожа на вальдшнепа.

Говор за столами быстро стал похож на грохот морского прибоя. Я улавливал отрывки разговоров о Мунтвиге, Вильгельме, оставленных королевствах Варт Генца, Бриттии, Мезии, кто-то упомянул Сен-Мари, меня как иголкой ткнули прямо в сердце,

а еще многие горячо обсуждают варианты будущих осад столицы и какие у нас шансы выстоять.

В зал вкатывали бочонки с вином, а разливали большими ковшами в кубки и чаши. Перед Аскланделлой поставили было кубок из чистого золота, я кивнул слуге, тот моментально примчался с фужером из тончайшего стекла, на которое даже дохнуть страшно, и поставил перед нею.

Она посмотрела с любопытством.

— Ваше высочество?

— Золото идет цвету ваших волос, — ответил я, — но кубок из золота тяжеловат для женской руки. Поэтому из золотого буду пить я, выказывая мощь моей длани, а вы из этого вот...

Она произнесла в сомнении:

— А не будет ли урона моей чести?

— В чем? — спросил я удивленно.

— Это сотворено не руками человека, — заявила она.

— Но не в аду же, — оскорбленно сказал я. — Там все грубо, уж поверьте!

Она произнесла медленно:

— Поверю. Вы знаете, о чем говорите.

И хотя это прозвучало как комплимент, я что-то в нем засомневался, а когда дошло, как до жирафа, что она имеет в виду, реагировать уже как-то поздно, иначе заслужишь репутацию мудреца, что задним умом крепок.

— Это дар, — договорил я запоздало, — из более... прекрасных сфер.

Она покосилась на мое лицо, в ее глазах странное выражение, где и насмешка, и превосходство, и даже сочувствие, но когда осторожно пригубила вино, на щеках проступил некий румянец.

— Рад, — сказал я с сарказмом, — что вам хоть что-то понравилось.



Она грациозно вскинула брови (зараза, у нее даже это получается грациозно), большие серьезные глазницы оглядели меня с высокомерным изумлением.

— Почему же, — произнесла она неспешно, — мне многое понравилось...

— Например? — спросил я и приготовился услышать хоть что-то приятное.

— Вы прекрасно украсили дворец, — сказала она. — Всю роскошь, что собирали король Леопольд и его предки, выставили наружу и, конечно, на разграбление. Сразу чувствуется, вы сами понимаете, что скоро придется удирать, поджав хвосты. Золото, конечно, постараетесь забрать, но громоздкую мебель, огромные ковры, статуи, столы из янтаря, колонны из редчайшего мрамора или драгоценного малахита... увы, придется бросить.

Я спросил с любопытством:

— Что, в самом деле можно так подумать?

Она посмотрела с пренебрежением.

— А разве не так?

Я взглядом позвал Норберта, он торопливо поднялся и, обогнув стол, подошел ко мне.

— Ваше высочество?

Я кивнул в сторону Аскланделлы.

— Ее высочество обеспокоена реакцией туземного населения на подобную щедрость. Здесь все скупые и жадные, потому сочтут, что мы собираемся отступить, забрав все ценное, а громоздкое оставить...

Он бросил беглый взгляд на сразу застывшее лицо принцессы, перевел его на пирующих, снова посмотрел на императорскую дочь, на этот раз уже с огромным уважением.

— Сэр, — сказал он с чувством, — ее высочество абсолютно правы. Позвольте немедленно принять меры, пока слухи еще не покинули пределы дворца?

— Действуйте, — сказал я. — Если нужно... то и жестко.

Он поклонился и немедленно исчез, а я повернулся к Аскланделле.

— Спасибо за сотрудничество, ваше высочество.

Она надменно искривила губы.

— Что вы себе такое надумали? Я с вами не сотрудничаю! Вы наглые и грубые враги, подлые захватчики чужих земель!

— Ну да, — согласился я мирно, чувствуя сладость победы, — конечно же, чужие земли может захватывать только Мунтвиг. Да еще, видимо, император Вильгельм.

Она снова вскинула брови.

— Император?... Император никогда не захватывал чужие земли!

— Почему? — полюбопытствовал я.

— У него их достаточно, — отрезала она.

— Тогда терял? — поинтересовался я. — Мир такой... кто не приобретает, тот теряет.

Она произнесла с поистине императорской небрежностью:

— Он не терял.

— Разве император Вильгельм правит всего неделю? — спросил я. — Как-то мне пришлось слышать о нем... уже давно.

Она посмотрела искоса.

— Не пытайтесь что-то выведать, принц.

Глава 4

Удалой пир я покинул почти в полночь, но едва вышел из здания, во дворе наткнулся на группу всадников в легких и тяжелых доспехах. Вперед выехал Зигфрид и сказал непререкаемым голосом, словно он здесь король, а я вообще неизвестно кто:



— Ваше высочество, отряд сопровождения собран!

Я с тоской оглядел рыцарей; Зигфрид собрал лучших из лучших рыцарей, сотню лучников и двадцать арбалетчиков, а также с полсотни лордов, что считают своим долгом сопровождать сюзерена, куда бы того ни понесло.

— И охота вам ночью, — пробурчал я, а они ответили нестройным хором, что да, охота, еще как охота, они счастливы, с готовностью послужат и отдадут жизни...

От них распространялось мощное облако винных паров, я чуточку успокоился, все-таки не совсем лишил пира, все напротив: и погуляли, и приключение какое-то среди ночи...

Над головой угольно-черное звездное небо, с утра будет морозец, копыта звучно стучат по мерзлой земле, за спиной встревоженно фыркают кони, ночная скачка в темноте дневным животным никак не нравится.

Болото я узнал по тому, что там нет деревьев, а когда подъехали ближе, увидел, как из грязно-желтого льда торчат промерзлые стебли болотных растений.

— Подождите здесь, — велел я.

Палант, возглавивший отряд сопровождения, горячо запротестовал:

— Ваше высочество, мы не можем позволить вам подвергать жизнь опасности...

Граф Андреас Райсборн, один из молодых и амбициозных героев, уточнил учтиво, но твердо:

— В одиночку.

— Да, — подтвердил Палант поспешно, — в одиночку! Позор будет преследовать нас всю жизнь.

— Палант, — сказал я, — про твои сапоги я помню, но, поверь, у меня там личная встреча. Интимная, можно сказать. Потому присутствие даже лучших друзей нежелательно.

Его глаза округлились.

— Ваше высочество... с дамой?

— Да, — ответил я, — с местной. Да воззавидует сэр Растер!

Граф Райсборн только вертел головой, не понимая намеки ни про сапоги Паланта, ни насчет славы Растера, остальные рыцари благоразумно помалкивали.

Арбогастр двинулся по льду, а когда тот тут же проломился под нашим совместным весом, сделал рывок и понесся стрелой, оставляя за собой только хруст и треск.

Из болота часто торчат заросшие травой кочки с промерзшим мхом, кое-где даже выступают, как спины доисторических животных, островки земли, там иначе хрустит под копытами, промерзлая корочка лопается со смачным хрустом, будто прожаренные ломтики хлеба, но холодный воздух дует в лицо, взметывает мелкие колючие снежинки, я чувствую, как иногда бьют в лицо... но так, не слишком; доспех Нимврода дает ощутить, что это снежинки, но защищает даже от их крошечных укулов.

Слева, где гладь грязно-желтого льда, донесся сильный треск, я тут же придержал Зайчика. Под нами качнуло, а в том месте, где трещало, взметнулись жаркие струи воздуха, превращая лед в пар.

Обнажилась широкая впадина с сухой землей, что пошла неприятными трещинами. Со злобным шипением в небо ударил широкий столб багрового пламени. В нем проступила массивная фигура красного гиганта с чудовищно переразвитой мускулатурой и короткими, но массивными рогами по краям головы.

Адский жар превратил воду в пар и выжег болото на десятки ярдов вокруг, но даже, стоя во впадине, красный гигант все равно выше меня, хотя я сию в седле и на арбогастре.



Багровое пламя исчезло, чудовищный гигант стал зримее и опаснее. Я чувствовал, что такому раздавить меня, что мне муху, и хотя вижу рога, но это все равно хищник с низким лбом и жутко огромной нижней челюстью.

Лик его ужасен, все пороки, какие только можно вообразить, отпечатались на его лице, и, похоже, он этим гордится.

Я сидел не двигаясь, а он как с момента появления в столбе багрового огня вперил в меня ненавидящий взгляд, так и не отводил его, но молчал, не двигался. Я запоздало вспомнил, что это только в рассказах дураков и невежд Сатана, дьявол или простые вампиры могут явиться к человеку незванными и даже войти к нему в дом, на самом деле они даже заговорить не могут первыми, за исключением тех, с кем уже установились какие-то дружеские или приятельские отношения.

— Сэр, — проговорил я, чувствуя, как отчаянно бьется сердце, — меня зовут Ричардом. Я пришел, как понимаю, по вашей просьбе. Надеюсь, вы не предложите мне ничего недостойного, иначе разговор будет тут же окончен.

Гигант тут же ожил, наклонил голову, словно старался рассмотреть такое ничтожное создание получше, а под нависающими костяными утесами толстых надбровных дуг вспыхнули багровые глаза.

— Я Вельзевул, — прогрехотал он таким голосом, что я сразу подумал и о грозových тучах, и о подземных толчках. — Я... говорить...

Я ответил осторожно:

— Говорите, я как бы слушать.

— Сорок лет назад, — сказал он грохочуще, — я заключил сделку с одним из достаточно известных рыцарей.

— На душу? — спросил я с пониманием.

Он чуть наклонил голову, мне показалось, что это стоит ему такого же усилия, как мне согнуть столетний дуб.

— А что у человека есть еще, кроме души?

— Резонно, — пробормотал я.

— Тогда вы понимаете...

— А в чем проблема? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и не выказал мой страх.

Он ответил тем же грозным голосом, в котором прозвучала с трудом сдерживаемая безумная ярость:

— Он не выполнил условия!

— Не творил зло?

Он мощно качнул огромной башней головы из стороны в сторону.

— Зло творил. Много, что хорошо. Но когда истек срок, не явился!

Мой страх перед чудовищем быстро испарился, я аристократически поморщился.

— А разве можно и не явиться? Насколько я слышал, как только срок заканчивается, черти утаскивают такого без его согласия.

Он прорычал глухо, на этот раз глядя себе под ноги:

— Нашел лазейку в договоре.

— Тогда просто дождитесь его смерти, — посоветовал я свысока с апломбом лорда, привыкшего разрешать конфликтные ситуации простолюдинов. — А там пусть ответит и за непослушание. Договоры исполнять нужно! Тем более, если он рыцарь.

— Нельзя, — ответил он, — по договору он получил бессмертие.

Я охнул:

— Здорово! Ну, шельма... ну и молодец.

Он взглянул исподлобья, маленькие свиные глазки вспыхнули жутким багровым огнем, затем стали от ярости совсем белыми.



— Радуетесь?

— Не без этого, — ответил я скромно.

Он прорычал так же грохочуще, но я уловил нотки отчаяния и того чувства поражения, когда уже все испробовано, однако решения нет.

— Понимаю по вашей торжествующей улыбке, что, дескать, так дьяволу и надо. Кто-то сумел обмануть его — это же прекрасно!..

Я сказал с удовольствием:

— Совершенно верно. Обмануть самого дьявола — разве не подвиг, которым можно хвастаться?

Он переступил с ноги на ногу, и я насторожился, Вельзевул вовсе не прикован к месту, может в один гигантский шаг оказаться рядом и ухватить меня громадной лапой.

— Это как поглядеть, — прорычал он. — Он продолжает убивать и грабить, насиловать и бесчинствовать... разве ваша мораль это оправдывает?

— Ого, — сказал я с сарказмом, — как вижу, вы что-то знаете и о современной морали?

Он оглядел меня из-под низко нависающих скальных выступов надбровных дуг, в глазах впервые появилось нечто похожее на злую насмешку.

— А что, ад заселен одними дураками?

— Ну, — ответил я уклончиво, — там, как догадываюсь, не лучшие люди...

— Как сказать, — отрезал он. — Это в Царство Небесное идут дурачки, нищие и простаки, а в аду полно мыслителей, рыцарей, королей... И священники есть... даже высокого ранга. В минуты скуки я часто развлекаюсь беседами с ними... И знаю о всех переменах. Даже о модах слышал, представьте себе.

Я тоже окинул его с головы до ног таким же критическим взглядом. Как-то не вяжется образ этого тупого мясника с словами «мода» и «мораль». Хотя,

с другой стороны, за тысячи лет жизни можно чему-то и научиться, думаю. Хотя... не знаю.

Я поторопился сменить тему:

— Почему я?

Он развел громадными руками — такими можно обхватить половину болота, а когтями проткнуть и подцепить на каждый палец по матерому кабану.

— Репутация.

Я переспросил настороженно:

— Что, какая репутация? Меня знают и в аду?

Он посмотрел с сомнением.

— Там говорят, что вы хитры, изворотливы, не слишком разборчивы в средствах... Это верно?

— Кто говорит?

— Те, — ответил он, — кого вы к нам отправили.

И хотя дрожь то и дело пронизывает меня с головы до ног, все же я ответил почти бодро:

— Гнусная клевета! И вообще... значит, я убивал не таких уж невинных овечек!

Он буркнул:

— Насчет овечек не знаю, те идут в другое место, куда нам вход закрыт. Так что, возможно, овечек вы убили даже больше. Но мы обращаемся к вам потому, что барон Вимборн, так зовут этого мерзавца, тоже хитер и весьма изворотлив. Он не посещает те места, где мы в силах появиться, но вы можете.

Я поинтересовался:

— Не скажу, что меня ваше предложение заинтересовало. А еще интересно: как же его убить, если он бессмертен?

Он прорычал нечто настолько лютное, что земля вокруг него вспыхнула белым пламенем, но тут же погасла, оставив широкое кольцо расплавленной магмы.

Арбогастр беспокойно переступил ногами, фыркнул, но не попятился.



Я переспросил:

— Так как?

Он смотрел бешеными глазами.

— Как убить?.. Не знаю. И никто в аду не знает!..

Но его убить нужно.

— Почему?.. Он делает то, что вы одобряете.

Он прорычал:

— Да, но... то, что грабит и убивает, — прекрасно, мы бы так его и оставили, но он обманул...

— Обидно?

— Обидно ли? — повторил он с ревом. — Это оскорбление! Потому он должен попасть в ад, где и заплатит за все самую страшную цену!

— Так верните, — ответил я безмятежно.

Он развел руками, которые я все равно называю лапами.

— Очень не хочется признаваться, сэр Ричард, но мои руки связаны договором. А вот ваши совсем не связаны.

Я поморщился.

— С какой стати я стану делать вашу ищейно-хвотальную работу? Да чтоб я стал помогать аду... да никогда в жизни!

Он тяжело вздохнул, стена прозрачного пламени колыхнулась, и лед с той стороны растаял еще на несколько ярдов, даже превратился в пар. Запах серы стал сильнее и заметно щекотал ноздри.

— Значит, — прорычал он с гневом, — барон Вимборн будет убивать и грабить, упиваясь безнаказанностью. Особенно он любит сдирать кожу живьем с молодых женщин...

— Женщин? — переспросил я невольно. — Молодых? Мужчин, да еще сакрантцев, еще можно, но женщин... мерзавец! Женщины все наши. Это посягивание на права! Наши законные права.

Он спросил хмуро:

— Тогда, может быть... хотя бы за женщин?

Я ответил почти тем же злобным рычанием:

— Сэр Вельзевул, это нечестный прием!

— Да, — согласился он, — но хорош?..

— Низвержение в ад сделало вас политиком?

Он рыкнул:

— А что сделало им вас?

— Тоже ад, — огрызнулся я. — Думаете, у нас намного лучше?.. Что ж, все в этом мире делается для этих дур, да, думаю, в аду тоже... Но вы мне так ничем и не поможете?

Он развел руками.

— Если совсем уж правду... то в этом случае помог бы. Да только нечем. Барон Вимборн для нас оказался недосягаемым.

Я пробормотал:

— Хорошо, подумаю. Но ничего не обещаю!.. Где его земли?

— Далековато, — ответил он, — но не для вашего коня. Да-да, я знаю. Не больше двухсот миль. Даже меньше.

— В какую сторону?

— На запад, — сказал он. — Там справа будет такая горная цепь, не очень и высокая, но гребень похож на скелет допотопного зверя... Его ни с чем не спутать. Замок барона как раз напротив второго шипа, считая с запада.

— Ничего не обещаю, — предупредил я.

Он выпрямился, будто на плечи давила вся земная твердь, а теперь снова на месте, проговорил так же грохочуще, но уже без обреченности в голосе:

— Хорошо. Это уже что-то...

Ноги его начали погружаться в кипящую магму. Я ожидал, что так пойдет и дальше, пока властелин



ада не скроется целиком, но вокруг него коротко вспыхнуло яростное пламя, он исчез разом, будто никогда здесь и не было, только остался быстро исчезающий аромат серы.

Во впадину хлынули желтые смрадные воды болота. Арбогастр брезгливо фыркнул, попятился. Копыта его начали погружаться в грязь, он отступил еще, оглянулся на меня.

Я зябко передернул плечами и сказал хриплым голосом:

— Возвращаемся.

Глава 5

Меня встретили встревоженными, но понимающими взглядами. Похоже, за время моего отсутствия Палант успел рассказать о Растере и его особой репутации, потому на меня и смотрели несколько странно, хотя и восторженно.

Палант воскликнул с восторгом:

— А какой там столб света ударил, ваше высочество!.. Самого неба достиг, точно!..

— А в конце, — мечтательно сказал граф Райсборн, — вообще взрыв адского пламени, словно проснулся вулкан, ваше высочество!.. Это весьма, это запоминательно...

Я чувствовал с досадой, что обо мне могут пойти слухи еще более причудливые, чем о Растере, тем более что никто ничего не видел, придумывать можно все.

— Возвращаемся, — велел я коротко. — Благодарю за службу, друзья! Всегда приятно возвращаться в той же теплой компании.

Все мгновенно взвеселились, короткая прогулка по морозному воздуху чуточку выветрила хмель,

но только чуточку, а дикарское веселье продолжает бушевать и требовать выхода.

Палант спросил бодро:

— Продолжим пир?

— Конечно, — ответил я, — а как же!.. Вся наша жизнь либо пир, либо ожидание пира.

Они с грохотом пронеслись к воротам, там нас осмотрели сверху внимательно, как стражи, так и священники с алхимиками, вдруг да нечто под личинами, ворота распахнулись, и мы победно ворвались в город.

Я продолжал думать о странной просьбе Вельзевула. Первой мыслью было, конечно же, отбросить это дикое предложение и вообще забыть об этой встрече, хотя теперь ничего не забываю, или просто не вспоминать, других дел хватает.

С другой стороны, если уж совсем честно, даже самые демократические страны вынуждены сотрудничать с самыми жестокими и бесчеловечными режимами. Не только тайно, но даже явно. Все-таки живем на одной планете и бывают проблемы, что затрагивают всех, будь то природные катастрофы или спасение утопающих.

А появление барона Вимборна можно рассматривать как природную катастрофу местного масштаба, которая вредит всем.

Счастливые странным приключением на зимнем болоте, рыцари отправились пировать с новыми силами, аппетит за время прогулки нагуляли отменный, я сказал, что приду, возможно, попозже.

По дороге к королевским покоям меня перехватил Альбрехт, всмотрелся очень внимательно:

— Все в порядке, ваше высочество?

— Нет, — огрызнулся я, — но что это меняет?..

— Да я просто спросил, — пояснил он, защищаясь. — Вежливый я. А так мне все равно, что там у вас в порядке, а что нет.



— Порядок, — сказал я зло, — будет только в Царстве Небесном. Да и то... пока нас там нет. А у вас?

— А у меня порядок, — заявил он с апломбом. — Только не везде, не во всем и не всегда, а так вообще-то жить можно. Ваше высочество, хотел бы уточнить ряд вопросов...

— Понятно, — определил я, — работать не хочется.

— Как не хочется, — воскликнул он, — весь горю от некой странной жажды, как бы поработать еще где! Вот у меня сейчас к вам только те вопросы, которые не в моей юрисдикции. Например, что с теми тремя принцессами, дочерьми короля Леопольда? Будем ли устанавливать какие-то отношения с императором Вильгельмом? Каков статус конкубины?

Я посмотрел на него исподлобья и с подозрением.

— Пойдемте в кабинет, граф. Не хочу задавать вам трепку при всех.

Он вздохнул и с самым сокрушенным видом развел руками, а я по дороге в покои короля вспомнил, что за суматохой текучки все никак не могу выбрать времени повидаться снова с дочерьми короля Леопольда, только и распорядился держать их взаперти в собственных покоях, кормить и не обижать, что значит оставить в покое до моих новых распоряжений.

В кабинете Альбрехт опустил в кресло, едва я указал взглядом, чтобы без всяких шуточек насчет моего величества, и устремил на меня вопрошающий взгляд.

— Трепку? — спросил он.

— Ну да, — отрезал я. — Что-то у вас все непонятки... женские. С женщинами связанные.

— Император не женщина, — напомнил он.

— Но устанавливать связи, — сказал я едко, — возжелали из-за Аскланделлы? До этого и мыслей таких не было?..

— Это высокая дипломатия, — возразил он. — Нам в загребушие попала драгоценность, почему не использовать?

— Какие-то странные у вас желания, — сказал я с холодком. — Пусть эту драгоценность пользуется ее муж.

— Я говорил о ситуации, — вставил он быстро. — Ее использовать!

— Рано, — отрезал я. — Не до Вильгельма пока. Надо разобраться с тем, что прямо щас сыплется на голову.

— Гм, — произнес он, — а что с конкубиной?

Я посмотрел с понятным неудовольствием, но не ответишь же, что не его собачье дело, у правителя даже личные дела не личные, если затрагивают интересы общества герцогов и графов, а также части баронов.

— А что вам непонятно?

— Ну... в первую очередь, — пояснил он смиренно, — как относиться нам. Ваши мотивы понять даже не стараемся, ваше высочество...

Я ощутил в его словах нечто большее, чем шуточку. Приближенные всегда должны понимать своего сюзерена или считать, что понимают, иначе наметится опасная трещина, что имеет тенденцию расширяться.

— Это конкубина Леопольда, — напомнил я. — Мы все сейчас стараемся создать у местного населения какое впечатление? Правильно, изменился только правитель, а так все идет по-прежнему.

Он сказал с сомнением:

— Значит, когда наши священники заставляют всех креститься слева направо и посылают на костер тех, кто упорно крестится справа налево... это они поддерживают прежний стиль жизни?

Я поморщился, быстро зыркнул по сторонам, словно мы еще в людном зале, и сказал тихо:



— Вам, граф, и только вам скажу по большому секрету: мне абсолютно неважно, с какого плеча начинают налагать крест, как и то, тремя пальцами или двумя... да-да, есть и такие христиане!.. Но церковь столь могучая сила, что она должна идти с нами, а не против нас.

Он посмотрел странно:

— А не мы с церковью?

— Граф, — сказал я осторожно, даже с Альбрехтом нельзя позволить себе полную откровенность, — церковь занимается душой человека, а мы живем в телесном мире, не так ли?

— Так, — согласился он. — Это я к тому, что здесь тоже церковь.

Я вздохнул.

— Да. Но это неправильная церковь. Чем? Да тем, что апостольская слабее по своей сути. Не просто слабее, а намного, очень намного!.. Народ ее не уважает, над попами смеется... Вот вам старый анекдот. Один сакрантец зовет другого: «Эй, пойдем в церковь!» Тот отвечает: «Не пойду, после дождя такая лужа прямо перед домом, не выйти...» А тот снова: «Тогда пойдем в кабак!..» А второй: «Ну-у, разве что по самому краешку...»

Альбрехт коротко хохотнул, глаза его живо и весело блеснули.

— Сегодня Норберт рассказал, как самый свежий. Ладно-ладно, понял, такое не стоит и стараться понять. Значит, особого сопротивления не ждать?

— Отдать жизнь за апостольскую церковь, — сказал я, — готовы единицы совсем уж фанатиков, а за римскую поднимутся все... или почти все. Наша помощь епископу Геллерию и его священникам почти не понадобится.

Он сказал осторожно:

— А если местным священникам напоминать почаще, что римская церковь не подчиняется светской власти?

— Правильно роете, граф, — сказал я с воодушевлением, — хотя графы вроде бы не роющие?.. Священники — тоже как бы люди, особенно апостольские, у них и семьи, и дочки на выданье, и коровы в хлеву... Они тоже хотят большей независимости и большей власти. Я имею в виду священников.

Он кивнул с самым деловым видом.

— Значит, начнем переманивать... А насчет конкубины, просто кланяться и не обращать внимания?

Я ответил тихо:

— Девочка очень грамотная, понимает, что запрашивать много рискованно. Потому сама не высунется из норки, пока властелин не позовет. Вот пусть и сидит там, а дальше будет видно. Она конкубина короля Леопольда, не так ли?

— Да, ваше высочество.

— Ну вот, переходной период потому так и называется, что переходит, проходит и где-то исчезает в туманной дали, уступая чему-то постоянному и временно твердому, солидному.

— Чему?

— Пока не знаю, — ответил я сердито.

— Понятно, — сказал он. — Спешу доложить, жизнь в городе налаживается. Перед вашим возвращением примчался гонец, завтра из сел придут первые обозы с продовольствием.

— Наши награбили?

Он пояснил с удовольствием:

— Нет, крестьяне сами привезут. Правда, цены задрали до небес...

— Все правильно, — оборвал я. — Плата за риск, они ж первые. Платите! Завтра цены пойдут вниз, другие тоже возжелают заработать.

Он поднялся, коротко поклонился.



— Сэр Ричард...

— Сэр Альбрехт, — ответил я.

После его ухода слуга, в котором я узнал одного из людей Норберта, принес охапку березовых поленьев, уже заботливо расколотых пополам, но не мельче, а то слишком быстро прогорят, сразу пахнуло лесом, заинтересовался почтительно:

— Какие указания на ночь, ваше высочество?..

— Подбрось дровишек в камин, — ответил я. — А разденусь сам, я все еще в походе, как догадываешься.

Он сдержанно улыбнулся.

— Все мы в походе. Какие-нибудь особые указания?

Я вспомнил надменное и полное спеси лицо Аскланделлы, высокомерный взгляд из-под слегка припущенных ресниц, сказал хмуро:

— Где-то здесь покои леди Ялиссы. Приведи.

Он поклонился и молча исчез.

Конкубина, судя по тому, что переступила порог через несколько минут, либо всегда готова к вызову, либо ее покои где-то совсем близко.

Впрочем, на ней плащ с надвинутым на лицо капюшоном, умница, дает мне возможность пока скрывать ее, не спешит демонстрировать свою близость к новому повелителю.

Я сдвинул капюшон ей на затылок, обнажая уже распущенные волосы рыжеватого цвета. Она подняла лицо, по-детски чистое и ясное, нежный румянец разгорается все ярче, словно я снял не капюшон, а обнажил ее всю.

— Ого, — сказал я с удовольствием, — у тебя под плащом только ночная рубашка?.. Ладно, сбрасывай и ее, потом марш под одеяло!

Она улыбнулась, на щеках появились умильные ямочки.

— Ваше высочество...

Рано утром я облачился потеплее, чтобы никаких подозрений, арбогастр приветствовал меня довольным фырканием. Стражи во дворе сразу заволновались, один прокричал:

— Ваше высочество!.. А вы не забыли, что мы в чужом городе?

— Ошибаетесь, — возразил я весело. — Этот город — наш!

В окне флигеля мелькнуло женское лицо, но тут же исчезло. Кто там, я рассмотреть не сумел, но, насколько помню, примерно там разместили принцессу Аскланделлу.

Ага, теперь начнет обвинять меня в захватничестве. Если слышала, конечно. Да ладно, кто из нас не захватчик, все что-нибудь да захватываем, утверждаемся и самоутверждаемся. Без этого вообще не возникло бы человечества, а было бы какое-нибудь муравьечество... лет еще миллионов через сто, муравьи не особенно и спешат, вся эволюция впереди.

Город в самом деле тих и подавлен, как и его окрестности. Чересчур молниеносный и жестокий захват столицы посеял панику и разговоры, что пришельцы с коварного Юга истребляют всех, в ком хотя бы заподозрят попытку к сопротивлению, — узнаю работу Альбрехта. Потому везде все тихо, а местные спешат убраться с дороги.

Арбогастр мчится, не выбирая дороги, разве что леса и горы обходит стороной, но и тогда недоволен фыркает, выражая готовность снести их напрочь, а за нами тянется длинный хвост снежной бури, что намного красочнее пыльного облака.

Двести миль на запад, пусть даже немногим меньше, это уже королевство Мордант, но Вельзевул вряд ли знает такие мелочи, да и к чему они



ему, у него в аду территории наверняка побольше, да и явно перенаселено, судя по нашему образу жизни...

Когда проскакивали через рощи и перелески, где деревья стоят редко, с потревоженных веток срываются пласты снега, но обрушиваются на землю далеко за нами, там все в снежной пелене, словно в неистовом снегопаде...

Впереди появилась и начала приближаться небольшая горная цепь. Сердце мое тревожно застучало, вон те удивительно тонкие и заостренные горы, издали похоже на гребень исполинского чудовища.

Я взял левее, впереди возник и пронесся мимо замок, но этот расположен примерно напротив первого пика, промчались покрытые снегом крыши домов двух сел, небольшого города, пустое пространство пашен и лугов...

Вон он, замок, почти напротив второго шипа, как сказал властелин ада! В самом деле больше похож на шип, чем на пик, не такой высокий и намного шире, хоть и с заостренной вершиной, похожей на исполинский наконечник стрелы.

Я придержал арбогастра, он рассматривает замок барона Вимборна почти с таким же вниманием, как и я. Возведен из серого камня, из-за чего выглядит простой облагороженной скалой, массивная и достаточно высокая башня с зубцами переходит в такой же серый и широкий донжон, вокруг на десятки ярдов широкий двор без следов построек, ничего лишнего, никаких украшений.

Еще одна башня на самом краю двора, тонкая и высокая, явно для наблюдений, а от нее зачем-то каменная стена к донжону, словно некто начал строить защитную стену, а потом передумал.

Вчера выпал снег, но дворня усердно вычистила до каменных плит, лишь за пределами двора белые

горы с желтыми пятнами, да узкая дорога ведет в сторону леса.

На колокольне звонят в колокола, на расчищенном от снега дворе чернеют большие бочки с вином. Люди в доспехах веселятся, а когда я подъехал ближе, увидел трех полуголых молодых женщин, которых пьяные солдаты пинками поднимают с кучи хвороста и заставляют плясать.

Я услышал горестный и безнадежный плач, ярость моментально вскипела так бурно, что я на мгновение задохнулся, затем ощутил на ладони рукоять запрыгнувшего туда в ответ на мой зов меча.

Арбогастр все понял, из галопа перешел в нечто немыслимое, двор надвинулся моментально, я начал дико рубить эти тупые пьяные рожи, кровь моментально запятнала каменные плиты.

Раздались исполошенные крики:

— Это кто?

— Бейте его!

— Спасайтесь, это сам дьявол!

— У кого арбалет, у кого арбалет?

Я носился по двору и неистово рубил и рубил, за это время дважды ощутил едва слышные толчки, а потом увидел два арбалетных болта на снегу.

Арбалетчик торопливо карабкался по ступенькам почему-то на четвереньках, но на самом верху, уже на стене, выпрямился и оглянулся на меня со страхом и ненавистью.

— Тварь, — процедил я.

Стрела Арианта ударила его в переносицу и пробила череп так, что между глаз осталось торчать только белое перо.

Сраженный даже не вскинул руки тем характерным жестом, когда хватаются за пораженное место,



молча рухнул во двор, а там ударился о камни плит и распластался, как раздавленная колесом лягушка.

Все три женщины испуганно вскрикнули, одна заплакала еще горше, как плачут несправедливо обиженные дети.

Я взглянул на ее юное лицо с распухшими губами и огромным кровоподтеком под левым глазом.

— Не отчаивайтесь, сестры! — крикнул я. — Теперь о вас знают!.. И вас освободят!

Двери донжона распахнулись, выскочили двое стражей, а ними быстро вышел крупными шагами мужчина в теплой одежде, чуть за сорок, самый расцвет мужской силы, крупный и широкий в плечах, за плечами красный плащ, скрепленный на груди большим рубином в массивной золотой оправе.

Огромное лицо дышит важностью, спесью и гордыней, грудь широка, весь словно вырублен из гранитной глыбы, которой лишь слегка придали человеческие очертания, не заботясь о мелочах.

Несмотря на бешенство, я дрогнул и торопливо наложил на тетиву новую стрелу. Он двигается в мою сторону быстро, несмотря на всю свою громоздкость, взгляд прикован к моему лицу.

— Кто такой? — прорычал он. — Как посмел?

Я торопливо натянул тетиву. Барон был уже шагах в пяти, когда я отпустил кончик стрелы. Не желая рисковать, я нацелил ее прямо в его левый глаз и отчетливо видел, как стальное острие ударило точно в середину.

И... стрела отлетела в сторону. Барон все так же смотрел на меня немигающе, на губах появилась торжествующая улыбка.

— Смертный, — проговорил он со вкусом, — смертный... человечешко...

Я заорал:

— А ты кто?

— Бессмертный, — с удовольствием ответил он и даже остановился, любуясь моим потрясением. — А вот ты, мелкая букашка...

Я молниеносно выхватил меч, арбогастр сделал скачок, я обрушил тяжелый клинок на непокрытую голову. Удар едва не вывернул мне кисть. Нечто непостижимое отбросило лезвие с такой мощью, что я с трудом удержал рукоять.

Арбогастр с готовностью развернулся для нового удара, но барон уже сам неспешно движется ко мне, голова чуть наклонена, взгляд стал прицельным, а шаги начинают убыстряться с каждым шагом.

— Прочь! — заорал я. — Зайчик...

Ветер засвистел в ушах, а когда я рискнул оглянуться, даже замок на горизонте совсем крохотный продолжал уменьшаться. Если барон и гнался за мной, то совсем недолго.

Как хорошо, мелькнула стыдливая мысль, никто не видит. По мнению моих рыцарей, я не должен падать до такого неслыханного позора, как отступление. Это лишь по моему мнению, кто убежал — тот может и вернуться, в отличие от погибшего, пусть даже очень красиво, возвышенно и доблестно.

Арбогастр перешел на шаг, я сперва удивился, потом сообразил, что он откликается на мое невысказанное вслух решение, еще даже не оформленное, но уже почти принятое.

Надо попытаться еще. Мне показалось, губы барона шелохнулись, когда я вскидывал лук и натягивал тетиву. А это значит, мог успеть произнести заклятие неуязвимости.

Однако это не значит, что подобная неуязвимость длится долго. Ничто не дается даром: либо неуязвимость всего на несколько минут, либо должна вы-



сасывать из него все силы, а на это непохоже, стоит вспомнить его цветущий вид.

— Разворачиваемся, — сказал я. — Зайчик... давай обратно, только теперь не прямо во двор.

Глава 6

Арбогастр фыркнул, мол, любая засада нам нипочем, однако понесся сперва по своим следам, затем чуть левее, где в прошлый раз я заметил довольно высокую и крутую грядку.

Барон уже на коне, выехал со двора, не обращая внимания на разбросанные трупы. Дворня утаскивает их через снежные завалы к ближайшему оврагу, женщин увели в помещение, а щедро пролитую кровь засыпают снегом.

Вряд ли барона тревожит вид крови, но ее пугают лошади, так что все объяснимо и правильно.

Я проследил за ним взглядом: направляется в сторону ближайшего села, что тоже понятно и объяснимо. Его вооруженную охрану замка я порубил, нужно срочно набрать новых крепких, сильных мужчин, способных управляться с оружием.

Лук Арианта с готовностью лег в мои руки, и пока барон неспешно едет, чуть покачиваясь в седле, я наложил стрелу, цель достаточно заметная, взял на прицел сперва лицо, потом взглянул на грудь, прикрытую толстой тканью обычного жилета, пусть и богато украшенного золотыми нитями.

Когда конь барона повернул на повороте и оказался ко мне мордой, позиция куда уж успешнее, я резко натянул тетиву и, держа взглядом левую половину груди барона, отпустил кончик стрелы.

На солнце коротко блеснула искорка, это соскочил крохотный зайчик с острейшего наконечника. Барон даже не вздрогнул, но чем-то заинтересовался, придержал коня.

Стрела, как я сам видел, просто исчезла, барон все так же невредим, даже не ранен. Сейчас вертит головой, словно даже не понял, что его старались подстрелить, наконец вскинул голову и увидел нас с арбогастром на косогоре.

Я услышал его крик:

— Кто?.. А ну, иди сюда!.. Ты тот самый?

— Щас, — ответил я вполголоса. — Вот прям так все брошу и приду. Зайчик, давай деру...

Голос мой, судя по реакции Зайчика, дрожит, потому что обеспокоенный арбогастр рванулся с такой скоростью, что меня едва не переломило в позвоночнике.

Значит, стучало в голове, дело не в заклинаниях. Он в самом деле неуязвим, даже святые стрелы не действуют. Они против нечисти хороши особенно, однако барон Вимборн человек, хоть и продал душу дьяволу...

Можно попытаться с арбалетными болтами моего малого арбалета, их мощь чудовишна, однако, думаю, получится то же самое. Если бы дело было в простой регенерации, пусть и сверхбыстрой, красная стрела решила бы проблему, она разносит жертву на мелкие кусочки и разбрасывает так, что никакая сила не соберет воедино... ну, думаю, не соберет. Однако барон достиг бессмертия более простым, хоть и продвинутым способом, ставши неуязвимым не только для старости и болезней, но и для всех видов оружия.

Я напомнил себе зло, что вообще-то есть способы, пусть большинство из них чисто теоретические; к примеру, можно обрушить на него гору, он останет-



ся жив, но никогда из-под нее не выберется. Разве что через полмиллиарда лет гора рассыплется в песок.

Или для верности заманить в ущелье, а там обрушить лавину камней. Хоть и трудно, но осуществимо. Это тоже на века и даже тысячелетия.

Правда, это не казнь, а просто помещение на время, близкое к вечности, в одиночную и очень тесную камеру. Предельно тесную. Но не казнь, за которой последует суд. Вот такой парадокс, сперва казнь, потом суд, а затем отбывание наказания в аду.

Через полупустой Генгаузгуз я проскочил на большой скорости, местные все еще выходят на улицы только по необходимости, вдруг да захватчики сорвутся с цепи и начнут бесчинствовать, как рассказывали священники; стража вокруг дворца приветствовала воинственно-ликующими воплями.

Во дворе навстречу с готовностью бросились слуги. Один закричал весело:

— Ваше высочество, я держу его, держу!

Арбогастр сделал вид, что да, его держат, а я соскочил и двинулся в соседнее здание, где обычно размещали высоких гостей короля.

Здесь, как и в главном здании, дворец все еще больше замок, чем дворец, те же массивные стены, залы широкие и низкие, лестницы тоже широкие, громоздкие, все из камня, вообще ощущение такое, что вырублено из цельных глыб. На некоторых красные ковровые дорожки, другие угрюмо смотрят голым камнем, перила широкие, можно скатываться лежа на спине.

Кроме многочисленной стражи полно монахов, я услышал разговор двух проходивших в сторонке:

— Брат мой, нам всем нужно знать, кому доверять в этой стране еретиков!

Второй пробубнил с тоской:

— Нам всем нужно знать, кому доверять вообще в этом странном непонятном мире...

Какой-то системы в расположении залов я не увидел, в разных одинаковые рыцарские доспехи, всевозможное оружие на стенах, чего не увидишь в королевских дворцах Сен-Мари или Вестготии, огромные головы медведей, снежных барсов и совсем уж редких зверей, имен которых я не знал, но выглядевших устрашающе.

Слуг почти не видно, зато священники и монахи попадают на каждом шагу.

— Ваше высочество...

— Ваше высочество?

— Все в порядке, — объяснял я по дороге. — Могу же возалкать духовной пищи?... Припасть к истокам?... И вообще как бы?

— Ваше высочество, — сказал один, — его преосвященство сейчас изволит молиться в часовне.

Я спросил настороженно:

— По мне видно, что иду к епископу?

Он ответил деликатно:

— Не пойдет же принц к простому священнику вроде меня?

Я взглянул на него внимательнее.

— А это зависит. Если будешь что-то значить, к тебе будут ходить и короли. А где та часовня?

— Желаете, — спросил он, — чтобы я проводил ваше высочество?

— Да, — изволил я. — Веди.

У двери часовни монах с толстой книгой в руках задрал очи к своду, губы что-то шепчут, но едва зашел нас, загородил дорогу. Мой монах поклонился и тотчас же попятился, а священник обратил в мою сторону бледный лик с покрасневшими от ночных бдений глазами.



— Его преосвященство сейчас молится в часовне, — сказал он твердо и добавил с неловкостью: — Подождите чуть, ваше высочество. Епископ вот-вот закончит.

Я сказал с одобрением:

— Короткие молитвы лучше длинных.

Он взглянул на меня искоса:

— Он молился все ночь.

— Ого, — сказал я с неловкостью, — тогда мне кажется, его преосвященство что-то скрывает.

Священник посмотрел на меня с иронией.

— А вам точно скрывать нечего?

И ушел, как Пилат от Христа, не дожидаясь ответа. Я хмуро смотрел вслед. Не люблю, когда последнее слово не за мной, однако, с другой стороны, что я мог ответить?

За дверью послышались шаги, скрипнули плохо смазанные петли. Геллерий, еще не отойдя после беседы с Богом, вышел бледный, изможденный, явно взволнованный, на меня посмотрел без всякого интереса.

Обычно мы отделяемся формальными приветствиями, и хотя он хорош, непримирим и очень силен, но я словно бы храню верность отцу Дитриху, потому больше ни с кем из лиц духовного звания не схожусь слишком уж близко и, конечно, не откровенничаю.

Он произнес с едва уловимым поклоном — не покорности, конечно, а элементарной вежливости:

— Ваше высочество...

— Ваше преосвященство?

— Ваше высочество, — поинтересовался он, — чем обязан столь высокому визиту?.. Давайте зайдем вот в эту келью...

Зал, в который он меня ввел, мало похож на келью, но я кивнул, соглашаясь, что да, по обстановке это почти келья.

— Присядете? — сказал он. — Хотя у нас тут простые лавки.

— С удовольствием, — ответил я, — даже лавки удобнее седла, которое то и дело подпрыгивает, а то и вовсе пытается сбросить узурпатора.

Он с неподвижным лицом смотрел, как я сажусь, расставляю ноги, это чтобы ощутить себя похозяйски, все мы нуждаемся в чувстве уверенности, затем сам медленно опустился напротив на простую деревенскую лавку, только и всех удобств, что остроуганную.

— Слушаю вас, ваше высочество.

Я постарался укрепиться духом, никто не должен чувствовать мой страх и мою растерянность, проговорил почти легкомысленным тоном:

— Как прошла беседа с Господом Богом?

— Я просто просил дать мне силы, — ответил он сумрачно. — И вразумить, как действовать в стране, что вся населена еретиками.

Я ответил осторожно:

— Кто надеется только на Бога, того он наказывает за легкоеверие. Бог думает о нас. Но он не думает за нас.

— Я не спрашивал у Господа, — сказал он, — как мне поступить. Но когда излагаешь свои доводы не другому человеку, а Господу, сам начинаешь смотреть на них несколько иначе. И видеть то, что не увидел бы, рассказывая даже лучшему другу.

— Да, — согласился я, — все мы что-то да весьма приукрашиваем, а когда излагаем Господу, то привираем совсем немножко. Это да, вы правы, ваше преосвященство. Может быть, сработает наглядное сравнение? Местное население увидит преимущества нашей жизни, высокий достаток, лучшую одежду, прекрасной выделки сапоги, здесь таких не делают, не говоря



уже о наших доспехах, оружии, великолепных конях, упряжи... а повозки на рессорах?

Он вздохнул, покачал головой, лицо помрачнело.

— Не пойдет, — ответил он кратко. — Вера невосприимчива к фактам и уступает только другой вере.

Я взглянул на него в некотором удивлении: а Геллерий еще и умен... Впрочем, он же не сельский попик, а епископ, дураки так высоко не пробиваются.

— Жаль, — сказал я, — но, уверен, вы сумеете доказать, что и вера наша лучше.

Он кивнул, посмотрел на меня уже очистившимся глазами, взгляд стал острым.

— Ваше высочество, вас привели ко мне не вопросы веры?

— Увы, — ответил я сокрушенно, — хотел бы я заниматься только высокими вопросами, как вот вы, но приходится идти по жизни, сжимая в руке не крест, а меч. У меня несколько необычный вопрос, ваше преосвященство... Чем можно убить человека, который сам по себе бессмертен?

Его брови полезли вверх, а взгляд стал еще острее.

— Ваше высочество?

— В буквальном смысле, — пояснил я. — Убить человека... в смысле, убить его тело. На душу я не посягаю, это дело... гм... Господа.

Он уловил мою заминку, но не придал ей значения, не сводил с меня пронизывающего взора.

— Поясните свои слова, ваше высочество... Что значит бессмертен?

— А то и значит, — ответил я сокрушенно. — Я, собственно, ничего не имею против бессмертия, это и обещал нам Господь... ну, там далеко, в Царстве Небесном, однако уже сейчас по земле бродит один великий грешник. Даже величайший.

— Агасфер? — переспросил он и, видя недоумение на моем лице, пояснил: — Вечный Жид, некогда оскорбивший Христа и теперь дожидаящийся его возвращения, чтобы испросить прощения.

Я отмахнулся.

— Да тот пусть ходит, он не вредит, сам мучается, а это хорошо, когда другие мучаются, а не мы, они равновесие поддерживают для нас. А вот что барон Вимборн бессмертен и неуязвим, это не зело. Мерзавец упивается властью, мучает людей, наслаждается зрелищем их казней...

Он пробормотал:

— И такой человек обрел бессмертие? Это меняет дело... Он может нанести много вреда людям.

— Уже наносит, — сообщил я. — И нанесет еще больше.

Он уточнил:

— Целым народам.

Я вздохнул.

— Он может сделать намного хуже.

— Что, ваше высочество?

— Он может подпортить мою репутацию, — пояснил я. — Якобы не могу справиться.

Он посмотрел на меня несколько странно, но ничего не ответил, только покачал головой.

— Молитесь, сын мой, — произнес он после долгой паузы со скорбью в голосе. — Господь услышит вашу молитву.

— А ответит?

Он пожал плечами.

— Обязательно... но мы не всегда понимаем, что это и был его ответ. Неисповедимы пути Господни, так и его замыслы. Мы вообще не догадываемся, какие у него планы насчет всего человечества.

Я ответил кисло:



— Спасибо, ваше преосвященство. Но я предпочел бы от Господа ответ попонятнее. Думаю, если лишить жизни барона Вимборна, это и будет волей Господа, да только как?

Геллерий задумался совсем уж надолго, лицо стало очень озабоченным, перекрестился с усердием.

— Мало у нас своих трудностей, — пробормотал он. — Неуязвимый злодей, гм... Это Норберт о нем узнал?

Я ответил уклончиво:

— Не совсем. Его... опередили.

— Интересно, — сказал он отстраненно, — кто же это? Обычно Норберт собирает все данные еще до того, как что-то случится.

Я скупно улыбнулся.

— Да, ваше преосвященство, с Норбертом редко бывает, чтобы кто-то его опередил. Так что подскажите?

Он покачал головой.

— Ваше высочество, мои умения лежат... в области воздействия на массы воинов. Я не силен в одиночных схватках...

— Полноте, — возразил я, — мне приходилось видеть, как вы одним словом уничтожали нечисть, а нежить при одном вашем появлении превращается в слизь и пропадает.

— То была слабая нечисть, — пояснил он. — Вообще-то я не боец и плохо знаю, как сражаться с главными демонами... или даже просто могучими.

Я с досадой ударил кулаком по столу.

— Но Вимборна нужно остановить!.. Он сеет ужас своей неуязвимостью. Аппетиты его быстро растут. Пока что он наслаждается полной свободой грабить и насиловать, но если ему вздумается захватить власть и стать королем?

— Прольются реки крови, — пробормотал он. — Это... недопустимо. Господь такое не допустит.

— Господь и не такое допускал, — ответил я с досадой, заметил испуг в его глазах и уточнил благочестиво: — Разумеется, чтобы то ли наказать нас, то ли не дать возлежать на лаврах. Потому мы должны сами. Ковчег Ною не Господь строил!

Он некоторое время вздыхал и мялся, лицо стало совсем желтым, наконец сказал с неохотой:

— В вечночерном лесу, что в королевстве Аганд, живет аскет... Говорят, он знает все. И у него есть ответы.

— Тоже на все? — спросил я с придыханием.

— Так говорят, — подтвердил он. — Однако есть трудность...

— Еще бы, — сказал я с тоской. — Хотя бы что-то досталось мне без трудностей!

— Значит, — сказал он строго, — Господь вас замечает и к чему-то готовит. Кто ему неинтересен, того не нагружает и того не испытывает... В общем, к тому аскету практически нет дороги. А если и есть, то ее не находят. А самое главное, он редко отвечает даже тем, кто проявил чудеса доблести и все-таки добрался и узрел его воочию.

— Час от часу не легче, — сказал я упавшим голосом. — Аганд, вечнозеленый лес...

— Вечночерный, — напомнил он. — Да, такой там лес. На северо-западе.

— А как находят аскета?

Он пожал плечами.

— Кто-то амулетом, кто-то талисманом, а есть такие, что магией.

— Магией?

Он кивнул.

— Аскет давно принял веру Христа, но принимает и своих собратьев, дабы показать им свет Христова учения.



— Ладно, — сказал я упрямо. — И хотя, скорее всего, придется бросить эту затею, но попытаться стоит.

— Только не в ущерб своей миссии, — напомнил он. — Мы должны принести свет истинной веры в эти погрязшие во тьме еретизма земли!

Глава 7

Королевство Аганд небольшое, очень гористое, граничит с Мордантом на юге и Сакрантом на юго-востоке. О нем ничего не знаю, хотя оптеродактилил, когда уточнял географические особенности Морданта и Сакранта.

На моей карте это пока лишь зеленое пятно с неопределенными очертаниями, на нем из множества рек только две крупные, их с ходу не форсируешь, еще с десятков неприятных и довольно длинных горных хребтов, такие не только конница, но и не всякая пехота преодолеет, и уж во всяком случае не обозы...

Еще, к счастью, отмечен лес.

Карты я делал для себя и своих военачальников, потому леса старался отмечать как проходимые для конницы, так и непроходимые, и сейчас внимательно всматривался в одно место на карте, где лес затушеван особенно сильно, как дремучий, непроходимый и вообще чем-то опасный.

Это на северо-западе карты, где наверняка земли Аганда.

Дверь распахнулась, Зигфрид сказал с порога громыхающе:

— Ваше высочество, к вам один из местных.

— Ты прям церемониймейстер, — заметил я, еще во плену мыслей, как достичь аскета в дальних



землях. — Может быть, оденешься в его форму? А то здешний сбежал.

Он трижды сплюнул через левое плечо, все мы еще не совсем христиане, сказал угрюмо:

— Так пропустить или гнать в шею?

— А вот проверим твой глаз, — сказал я, — пропусти.

— Слушаюсь, — ответил он и, чуть помявшись, предупредил: — Но вы поосторожнее. Маги еще не установили постоянную защиту.

— Справлюсь, — ответил я.

Он вышел, а через минуту через порог переступил придворный, так я понял, не лорд и не герцог, а просто придворный, с виду состарившийся именно здесь во дворце. Весь он как будто часть его, такой же старый, массивный, чопорный, очень благообразный, в трех одеждах, выглядывающих одна из-под другой, а сверху еще и тяжелая шуба, распахнутая на груди, где видна большая золотая звезда на массивной цепи.

Штанов под шубой не видно, сапоги добротные, дорогие, но без шпор. Он в свою очередь, при всей своей неподвижности и непроницаемости, быстро осмотрел меня с головы до ног и теперь всматривался в лицо, стараясь быстро определить характер, склонности и привычки и, конечно же, надеясь угадать также слабые места.

— Слушаю, — произнес я.

Он поклонился, ответил сдержанно:

— Я Гангер Хельфенштейн, советник короля Леопольда. Занимался по большей части хозяйством.

Я поинтересовался:

— Страны или дворца?

— Одно от другого неотделимо, — сообщил он с таким видом, словно открыл передо мной одну из важнейших государственных тайн.



— Хорошо сказано, — согласился я. — Скромно и со вкусом. С чем пришли?

Он заговорил, как мне показалось, с некоторой натугой:

— Я был советником короля и остаюсь им... как и его верным и преданным слугой... однако на данном этапе мне кажется более разумным ограничить войну некоторыми правилами.

Я сказал чуть живее:

— Разумные люди издавна стараются ограничить войны, раз уж не удастся их прекратить вообще. И даже есть перечень военных преступлений, которые нельзя совершать даже при великом ожесточении. Мне ваш подход нравится, потому садитесь... вон в то кресло, очень удобное, сам там иногда воздыхаю о разном.

Он с прежней настороженностью сел, посматривает исподлобья, словно подозревает во мне самозванца. Вообще-то Ричард Завоеватель должен быть постоянно гневен, орать по любому поводу, хвататься за рукоять меча, грозить жестокими казнями...

— Сейчас нам подадут горячего вина, — сказал я, — а пока напомним вам, что во все времена все народы, ожесточенно воюя друг с другом, продолжали торговать, ездить друг к другу в гости, размещать на землях противника крупные заказы, в том числе и военные...

Он проговорил медленно, я видел, что сбил с толку, когда сам первым сказал то, что намеревался сказать он:

— Да, ваше высочество... Я, будучи лояльным подданным короля Леопольда, тем не менее полагаю, что в гражданских делах необходимо сотрудничать и с оккупантами, дабы свести к минимуму ущерб населению.

— Прекрасно, — сказал я деловито, — давайте определим, что мы можем сделать.

Зигфрид не ошибся, этот сановник из тех, кто может успешно рулить некоторыми частями огромной государственной машины. Та тройка в составе вильдграфа, маркграфа и простого барона, что явились первыми, взялись снабжать мою огромную армию продовольствием, дабы мы не разбрелись по окрестностям, грабя простой народ и сжигая мелкие города, а этот, судя по его подробным рассказам о жизни в Сакранте и Генгаузгузе, может помочь наладить взаимоотношения с крупными лордами.

Я слушал очень внимательно, не просто запоминая, но и делая быстрые выводы, наконец сказал с чувством:

— Уверен, Его Величество король Леопольд будет счастлив узнать, что вы, оставаясь его верным подданным, не покинули свой государственный пост, а мужественно продолжаете верно служить своему королю, спасая город и страну от разорения и бесчинств победивших войск!

Он чуть откинулся на спинку кресла, лицо неподвижное, но я умею читать в глазах, а там вижу изумление и благодарность за понимание.

— Ваше высочество...

— Не нужно слов, — сказал я, останавливая его властным жестом, — уверен, вы укрепите свое положение при дворе короля Леопольда, закрепившись при моем дворе. Вот такой парадокс! Я сообщу о вас своему вице-регенту графу Альбрехту.

— Благодарю, ваше высочество.

— Пустое, — сказал я. — Мы оба действуем на благо Сакранта. И вам, и мне его лучше видеть богатым и процветающим. В смысле, королю Леопольду лучше



получить его обратно богатым и неразоренным. У вас во дворце был кабинет?

Он поклонился.

— Да, именно в главном здании...

— Прекрасно, — заявил я великодушно. — Можете занять его снова. Даже привлечь к работе своих помощников, если не слишком далеко разбежались.

Он сказал в восторге:

— Ваше высочество!

— Разумеется, — добавил я, — среди них будет и наш человек, для которого должны быть открыты все бумаги и все секреты.

Он поклонился.

— Несомненно, ваше высочество. Я понимаю и одобряю эти необходимые предосторожности. Если бы вы их не предприняли... я не знал бы, что и думать.

— Тогда приступайте, — сказал я бодро. — Во славу Сакранта!

Он ответил с чувством:

— Во славу Сакранта!

Зигфрид распахнул перед ним дверь, а когда тот вышел, плотно притворил и спросил кисло:

— Я ошибся?

— Молодец, — одобрил я, — чутье у тебя отменное.

— Тогда почему во славу их Сакранта?

Я удивился:

— Их? Это наш Сакрант.

А через час мы с арбогастром и Бобиком уже неслись через заснеженный мир в сторону северо-запада. Когда закончился Сакрант и пошел Аганд, не могу предположить даже приблизительно, однако еще после часа бешеной скачки за добротными деревьями, красиво усыпанными снегом, въехали в лес,

неопрятный, черный, с голыми стволами, огромными дуплами.

Дорогу то и дело теперь загораживает паутина, больше похожая на рыбацкую сеть по толщине всех нитей, комья снега там угнездились огромные, некоторые смерзлись в лед и грозно звенят, когда я обо-зленно рублю направляющие струны.

К счастью, клейкие комочки давно засохли, лез-вие ни разу не прилипло, хотя повозиться пришлось так, что вспотел.

Бобик бежал впереди и грозно скалил зубы, по-ворачивая голову то направо, то налево, а так как он делал это с частотой механизма, я понял, что пока не видит того, кто может напасть, но сам лес очень не нравится.

Я держал меч наготове, дергаясь на каждый скрип дерева, пригибая голову при каждом взмахе крыльев, но даже не успевал увидеть, что за странные птицы в странном лесу.

— Бобик, — сказал я негромко, — ищи человека... Запах человека!

Он посмотрел в недоумении, в чистых, честных глазах ребенка я прочел недоумение: кто же из людей станет здесь жить, но я смотрю твердо, он вздохнул и побежал, высоко задирая голову и приносясь.

Искать пришлось не больше четверти часа, затем Бобик радостно взрыкнул, подпрыгнул и понесся между черными мертвыми деревьями, что стоят как живые и не думают падать от ветхости.

Видимо, аскет не моется уже не первый год, че-рез некоторое время запах услышал не только Бобик, но и я.

На той стороне промерзшего до дня ручья высится полуразвалившаяся избушка, донельзя ветхая, с про-дырявленной крышей. Так бы и не увидел, снег ле-



жит сверху толстым слоем, но дыра очень уж, а снизу ни пара, ни вообще признаков жизни.

Мы перешли ручей, лед звучно трещит, в одном месте даже брызнула вода, но обычно везде под толстым слоем льда такая же промерзшая земля, будто в этой части леса зима круглый год.

Когда вскарабкались на невысокий склон, избушка вблизи показалась еще отвратительней и, конечно, абсолютно нежилой.

Бобик подбежал, понюхал покосившуюся дверь. Я видел, как его хвост в нерешительности качнулся из стороны в сторону, указывая, что внутри есть нечто живое.

Чувствуя недоброе, я соскочил с седла, ноги ушли в снег по самую развилку, оذлился и пошел к Бобику. Судя по нетронутomu снегу, здесь давно уже никто не ходил. Нет даже звериных следов...

Я толкнул дверь, не подалась, но я сообразительный, с третьей попытки догадался потянуть на себя, как вообще-то и положено ставить любую дверь с точки зрения пожарной безопасности да и простого инстинкта спасения.

Изнутри пахло таким холодом, что показалось снаружи почти лето. Я стиснул челюсти и, раз уж приехал в такую даль, все же заставил себя шагнуть вовнутрь, а Бобик протиснулся, отодвинув меня, вперед и остановился.

Комната показалась просторнее, чем вся избушка выглядит снаружи, но все равно те же черные прокопченные бревна, земляной пол, посреди выложенный камнями очаг с давно погасшими обугленными поленьями...

А в углу из-под кучи старых полуистлевших шкур торчат человеческие ноги: голые и покрытые коркой засохшей грязи, с потрескавшимися ступнями, подо-

швы толстые и начинающие ороговевать, будто обе вот-вот станут копытами.

Бобик посмотрел на него в нерешительности, на меня. Я осторожно пнул носком сапога в пятку, изрезанную трещинами будущих ущелий.

— Эй, хозяин?.. Если живой, то вот тебе радость — гости!..

Ноги подтянулись под шкуры, как рожки улитки, затем там зашевелилось, раздался мощный вздох, и шкуры сдвинулись, когда хозяин сел, упираясь руками в пол.

Измощенный до полускелетного состояния, ребра торчат вызывающе, живот прилип к спине, а по лицу видно, как будет выглядеть его череп.

Он вперил в меня злой взгляд, совершенно не обращая внимания на Адского Пса, что продолжал рассматривать его с вялым интересом.

— Что за гости?

Голос его прозвучал достаточно мощно, даже трубно, словно он, выходя изредка из хижины, закатывал проповеди всему лесу, стараясь охватить поголовье зверей на мили вокруг.

Я смерил его все еще недоверчивым взглядом.

— Гм... один великий мудрец сказал, что в человеке все должно быть прекрасно: и душа, и тело, и мысли, и одежда, и геморрой...

Он переспросил с сомнением:

— Мудрец?

Я подумал, уточнил:

— Скорее, великий гуманист. А гуманисты, сам знаешь, немножко прибабахнутые, почему нам всем и нравятся. Мы сразу себя чувствуем выше.

— А сам ты кто?

— Странник, — ответил я смиренно, — что ищет способ, как остановить бессмертного, что теперь,



не опасаясь угодить в ад за грехи и преступления, чинит насилия мирному населению.

Он продолжал сверлить меня злым взглядом.

— А немирному?

— Тем тоже, — согласился я, — но тем как бы можно, у них в руках мечи и топоры, а безмечейных и бестопорных мы все должны защищать, полагая их мирными, пусть даже скандалисты и преступники.

Он буркнул:

— Ну да, а то кого же будете грабить?..

— Разделение труда, — объяснил я. — Если человек должен пахать и в то же время защищаться, то плох будет в том и другом. Цивилизация началась с дифференциации.

Он посмотрел исподлобья.

— Ишь, грамотный. И рыцарь?

— Даже читаю умею, — ответил я с достоинством. — Правда, только печатными.

Он спросил:

— Это... как?

Я ощутил, что допустил промах, ответил небрежно:

— Да теперь книги не переписывают, а... печатают. Так быстрее и точнее. Скажи, святой отшельник, ты можешь чем-то помочь? Все указывают только на тебя.

Он снова оглядел меня с головы до ног, чем-то ему не нравлюсь, хотя особым провидцем быть не обязательно: когда двое мужчин альфа-самцового типа встречаются, они обязательно молча сравнивают рост друг друга и ширину плеч, это у нас даже не от питеков, а от амев и хламидомонад.

— Ты взялся за это от безделья, — в голосе отшельника прозвучало отвращение, — но если все-таки выполнишь... это тебе зачтется.

— Да? — спросил я живо. — Это я люблю, а то чистое благотворительство как бы не совсем в моей натуре. Хоть маленький пряник, но надо бы получить...

Он буркнул с неприязнью:

— Говори быстро, у меня мало времени. Что он сделал? И как получил бессмертие?

— Да-да, — сказал я торопливо, — вы тут так торопитесь, так торопитесь... В общем, дело в том, что...

Я рассказал подробно, особенно напирая на то, что тот гад с каждым днем все больше творит бесчинств, убивает, грабит и насилует, и умалчивая, чью просьбу выполняю.

Глава 8

Отшельник задумался, а я смотрел на его голый торс и вспоминал, что йоги в мороз накидывают на голое тело мокрые простыни и высушивают их своим телом, чего-то там добиваясь, а этот просто не чувствует мороза, взвинтив свой теплообмен до такой степени, что вон вокруг его тела едва заметно струится нагретый воздух, а дыра в крыше — это затем, чтобы перегретость уходила наружу.

После долгой паузы он встрепнулся, сказал с раздражением:

— Я не вижу никакого оружия, которым его можно убить. Я не вижу ловушки, в которую можно завлечь, чтобы он там умер.

Я спросил упавшим голосом:

— Совсем-совсем?

Он отрезал:

— Абсолютно!.. И хотя способ есть, но его условия исключают друг друга.

Я спросил быстро:

— А с этого места можно подробнее?

Он подвигал худыми голыми плечами, такого же цвета от грязи, как земля под ногами.



— Твой противник, — сказал с неохотой, — предусмотрел все. Он защитился всеми возможными заклятиями и наговорами от любого оружия, вплоть до мечей архангелов!.. Более того, он как-то исхитрился получить полную и абсолютную защиту от любого оружия Тьмы!.. Отныне никто не может ему повредить, ни простой человек, ни святой подвижник, ни самый великий грешник... Я жил долго, но такого еще не встречал. Надеюсь, впереди еще и другие неожиданности.

Я спросил машинально:

— А сколько вам?

Он небрежно отмахнулся.

— Четыре тысячи лет, это неважно. Мне еще много нужно прожить, чтобы понять сокровенное и объять необъятное.

Я пробормотал ошарашенно:

— А с виду вам не дашь больше трех тысяч девяти-сот... Холод сохраняет молодость, теперь верю. Четыре тысячи... обалдеть! Ну да, теперь понятно, почему вы торопитесь, впереди осталось всего-то несколько сот тысяч лет... ну, пусть несколько жалких миллионов, все равно мало. То-то ваша речь показалась мне... грамотной. Значит, этот монстр пойдет дальше? Ощувив вкус насилия, которое никто остановить не может, он сперва начнет подчинять себе деревни, затем села, потом города, королевства... И настанет царство Тьмы и Ужаса?

Он сказал с раздражением:

— Я сам впервые за последние пятьсот лет сталкиваюсь с вопросом, на который не могу ответить.

— Совсем?

— Совсем, — отрезал он. — Потому что нет на свете человека, который мог бы взять в руки святое оружие и в то же время быть Тьмой.

Я спросил робко:

— А это... как?

— Каждый, — произнес он неистово, — идет либо к Свету, либо к Тьме. Нельзя идти по этим двум дорогам одновременно, они ведут в разные стороны. Поэтому каким бы ни был герой, он может получить либо святое оружие, либо оружие Тьмы.

— Гм, — сказала я, — это в самом деле... неразрешимо. Но, на всякий случай, можно мне знать немножко больше? К примеру, если один возьмет святое оружие, а его напарник — оружие Тьмы и вдвоем завалят того мерзавца?

Он посмотрел на меня с отвращением.

— Думаешь, я не подумал об этом в первую очередь?

— Простите, — сказал я торопливо, — каждый человек полагает себя самым умным, это у нас в крови и ведет к техническому прогрессу.

Он сказал зло, не обращая внимания на мое умничание:

— Светлый и темный сразу же вступят в яростную схватку друг с другом, не обращая внимания на того, кого поклялись убить. Это тоже у нас в крови!

Я вздохнул.

— Да, это в нашей натуре. Спасибо, что ответили, а не вдарили. А можете сказать, каким святым и каким темным его можно завалить, как кабана при удачной охоте?

— Могу, — ответил он. — Это жезл Моисея, скипетр Аарона, меч Мафусаила, праща Давида... и много чего еще. Но тебе до них не добраться, герой.

— Почему?

— Это все в Царстве Небесном, — буркнул он. — Или в другом месте, вряд ли там держат оружие... во всяком случае, под охраной архангелов, а тех ни подкупить, ни уговорить.



— Ясно... А что насчет темного?

Он зябко поежился.

— Вообще-то все оружие на свете... темное. Как бы о нем красиво ни пели. Но есть особо темное, которое вообще невозможно облагородить никакими ухищрениями. Это Молот Чумы, Копье Холеры, Плащ Засухи, Шляпа Саранчи... Им уничтожались целые народы. Они тоже где-то под строгой охраной.

— Чьей?

Он посмотрел с насмешкой.

— Какая разница? Не дадут ни те ни другие.

Я пробормотал:

— Ну да, соглашение о контроле за оружием массового уничтожения в действии... А как насчет исключений?

— Исключения только у Господа, — отрезал он. — Потому они и называются чудом! Но ты не о том думаешь, младенец. Любой человек, который взял бы в руки то и другое, мгновенно превратился бы в пепел. К счастью, такое невозможно.

Я ответил устрaшенно:

— Я герой, но в то же время не совсем дурак.

Он устало повторил:

— Либо — либо. Я знаю только одно место, где если Оружие Тьмы не спрятано под охраной, то хотя бы там о нем знают.

Самая дурацкая фраза, которую когда-либо слышал: «У тебя нет выбора». Или «у нас». Или «у меня». И повторяют ее так часто, словно хотят из нашей новой эры вернуть в то дикое время эллинизма и прочей пещерности, когда над всем властвовал рок, фатум, судьба, и даже нити жизни богов пряли какие-то отвратительные старухи-парки или мойры, не помню.

У христианина выбор есть всегда. В любой ситуации. Даже самой безнадежной. Я, например, могу отказаться. На самом деле, если подумать, даже в масштабах королевства барон Вимборн не может причинить особенного зла. Таких замков тысячи, а деревушек вообще десятки тысяч.

Чтобы пересечь королевство из конца в конец, придется потратить пару месяцев, да и то в сухую летнюю погоду. Потому просто убить он может не так уж много, рождаемость легко покрывает гибель от его меча.

Однако опасность в том, что он скоро пресытится насилием над отдельными женщинами и единичными убийствами после пыток. А когда за ним соберется отряд, а потом армия — это будет уже в самом деле опасно.

Епископ Геллерий не забыл наш разговор, и едва разнеслась весть, что великий лорд Ричард вернулся с конной прогулки, во время которой нагуливал аппетит, явился на прием.

Зигфрид распахнул перед ними двери, и епископ переступил порог с суровым лицом и вопрошающим взглядом.

— Ваше преосвященство, — сказал я.

Он чуть наклонил голову.

— Ваше высочество...

— Проблемы? — осведомился я вежливо.

— Думаю, — ответил он, — их больше всего у вас... вообще, а не только в связи с той странной, хотя и очень благородной затеей, что тревожит вас сейчас. Судя по вашему лицу, вы побывали у святого отшельника?

Я кивнул.

— Вы умеете читать по лицам, ваше преосвященство.



— Вам нужно больше следить за своим лицом, — ответил он. — Другие тоже стараются что-то да прочесть, а для противников это еще и оружие.

— Буду стараться, — пообещал я.

Он смотрел на меня, не сводя радостно-изумленного взгляда.

— Поверить не могу... А говорили, он почти недоступен.

— Смотря для кого, — сказал я скромно. — Я видел его и... поговорил.

Он поинтересовался жадно:

— И что он сказал?.. Интересуюсь потому, что он почти никому не позволяет тревожить свой покой.

Я ответил уклончиво и весьма благочестиво:

— Мы поговорили о высоком, после чего он посоветовал мне молиться.

Геллерий посмотрел, как мне показалось, с недоверием, но я ответил чистым ясным взглядом человека верующего, у которого ни в чем не бывает сомнений.

— Больше крови, — произнес он со вздохом, — было пролито из-за услышанных молитв, чем из-за неслышанных.

Я спросил с иронией:

— Что, Господь стал плохо слышать?

— Из-за оставленных без ответа, — уточнил он.

Я подумал, покачал головой.

— Что-то не сходится. Либо Господь реагирует на все просьбы, либо ни на одну. Иначе как-то нечестно.

Он грустно улыбнулся.

— Вся жизнь нечестная штука.

Я подумал, что сходиться может только в случае, если получающий ответ на молитву получает и жирный минус в репу, то есть в репутацию, как говорили в старину. А тот, кто не просит, а добывается своими силами, у того минуса этого нет. Ну, как на экзамене,

когда просишь другой билет, милостиво разрешается, но оценка автоматически снижается на балл.

И даже если ответишь блестяще, но с такой вот скидкой, то можешь все же не пройти в желаемый универ.

— Ваше преосвященство, — попросил я, — я наслышан, как вы яро утверждаете нашу веру, но... прошу вас, не налегайте слишком уж на паршивость апостольской церкви! Здешние люди к ней привыкли, а нашу не знают. Начнем приучать их помаленьку. Когда увидят разницу, сами придут в наши соборы.

Он кивнул.

— Да-да, конечно. Так что вы решили насчет... того бессмертного?

— А я должен?

Он ответил бледно:

— Зная вас, ваше высочество, ваше высокое рыцарство, которое вы тщательно скрываете за дурными манерами...

— Я разве скрываю? — изумился я. — Напротив, выпячиваю!

— Да-да, — согласился он. — Значит, все-таки не оставили эту затею?

— Пока нет, — ответил я с неохотой. — Постараюсь что-то сделать. Если, конечно, Господь поможет.

Он перекрестил меня двумя широкими взмахами.

— Вы постарайтесь, а уж Он постарается.

После его ухода я велел позвать Альбрехта, тот явился настороженный, все такой же подтянутый, строгий и с насмешливыми глазами.

— Граф, — сказал я.

— Ваше высочество?

— Граф, — сказал я с досадой, — давайте без церемоний, вы же видите, здесь никого.

— А мы?



— А нам это до свечи, — отрезал я. — Как настроение в городе?

— Местные ходят на цыпочках и говорят вполголоса.

— Прекрасно. Какие слухи?

— Пораженческие, — сообщил он. — Откуда-то многим стало известно, что сюда идет еще одна огромная армия с Юга. Пошли слухи, что Мунтвиг убит, взят в плен, убежал, все бросив, скрывается где-то в горах среди пастухов...

— Ваша работа? — поинтересовался я с одобрением. — Зачастую слухи выигрывают войны! Потому и дальше не пренебрегайте. А, вот еще... Не забудьте установить контакт с вильдграфом Вильданом Зальм-Грумбахом, лордом земель Ирмии и Нирда, куда входят города Зальм-Кирбург и Зальм-Даун. Его земли справа от Генгаузгуза, запомнили?

Он кивнул с весьма ошарашенным видом.

— А еще с маркграфом, — добавил я, — Джонатаном Бергеном, лордом земель Изенбурга и Бирштайна.

Он сказал почти с испугом:

— Вы хотите убить меня такими неподъемными знаниями?

— А еще с бароном Гербертом Оберштайном, — сказал я злорадно. — Его земли от Генгезгауза слева, в них входят города Фирнебург, Изендорф и Шайдвилд, все запомнили? Я так и думал... Эти лорды хоть и патриоты Сакранта... или как раз благодаря тому, что патриоты, постараются помочь всему, что королевству на пользу.

— А нам во вред?

Я взглянул строго.

— Граф, есть масса областей, где сотрудничать можно для обоюдной пользы. В общем, дейстуй-

те активно, быстро и жестко, как вы умеете, когда не спите.

Он посмотрел исподлобья.

— Судя по наставлениям... снова планируете исчезнуть?

— На время, граф, — ответил я твердо. — На короткое время.

— Какое... короткое?

— Уж точно меньше четырех тысяч лет, — заверил я. — Граф, действуйте! Я вам дал все самое лучшее в работе. А сам вот пойду делать самую черную.

Мы вышли из кабинета вместе, дальше он пошел в сторону канцелярии, а я быстро поднялся по широкой лестнице наверх. Здесь личные покои трех принцесс, что и понятно, вниз могут спуститься только через третий этаж под бдительными взорами охраны, которая тут же доложит строгому отцу.

В коридоре напротив двери сидят прямо на полу двое стражей, оба из наиболее доверенных людей Норберта, одеты как молодые рыцари, хотя не в латы, а в блестящие новенькие кольчуги, штаны из кожи прекрасной выделки и в сапогах, что красотой и великолепием обрадовали бы и графа.

Оба торопливо вскочили, я издал махнул рукой, дескать, вольно, спросил негромко, подходя вплотную:

— Как они?

Старший ответил шепотом:

— Ни одна еще не показывалась. Служанка носит им еду, все тихо, жалоб нет.

— Пока нет, — сказал я. — Чтоб от женщин да не было жалоб?

Они распахнули передо мной двери, передняя комната для приема гостей широкая и просторная, резные полы из плотно подогнанных плит серого



гранита, на стенах привычные гобелены, но грубые и с намного более примитивными рисунками, чем в королевствах ближе к Большому Хребту, а также неизменные мечи, топоры, пики, что, на мой взгляд, совершенно неуместно в женских покоях, если только это в самом деле их покои, а не чьи-то, куда они прибежали прятаться.

Все на стенах развешано вроде бы правильно, но как-то чересчур старательно, не хватает преднамеренной беззаботной неряшливости.

Из раскрытых дверей в соседнюю комнату раздался испуганный голос:

— Кто здесь? Это ты, Марта?

Я пошел, громко топая, заговорил уверенно и успокаивающе:

— Милые принцессы, был занят, все до вас руки не доходили...

Спыхватился, посчитав, что могут понять по-своему, женщины все понимают по-своему, но слово не воробей, уже каркнул, будто и не принц, расслабился, хотя как раз в женском обществе и надо быть вздрюченным, словно на вражеской территории в глубоком тылу.

Глава 9

В дверном проеме возникла и тут же исчезла та бойкая принцесса, что говорила и за сестер, в комнате слышался испуганный писк.

Я приблизился рассчитанно медленно, давая им возможность закрыться хотя бы ладошками, как женщины особенно любят, если вдруг почему-то голые. Нет, в мило и очень по-женски обставленной комнате сгрудились все трое, одетые, испуганные, бледные,

уцепившиеся друг за друга, будто вот щас брошусь их растаскивать.

— Здравствуйте, — сказал я. — Простите, некогда было головы поднять! Да и сейчас некогда, но и дальше откладывать ваш вопрос как-то неловко.

Старшая, если она старшая, а не просто самая отважная, проговорила в страхе:

— Теперь что, будете нас насиловать?

Я вздохнул, развел руками.

— Увы, принцесса... надо. Кто мы против старинных обычаев, освященных веками и славой наших предков?.. Да и без этого чувствуется некая незавершенность композиции. Я, как эстет и гурман, будучи большим покровителем всяческих искусств, просто страдаю, когда в великолепной картине вижу незакрашенное пятнышко.

Она сказала жалобно:

— Но... может быть...

Я посмотрел, как она жутко залилась краской, даже лоб и шея покраснели, спросил в лоб:

— Что?

— Может быть, — сказала она еще жалобнее, — вы нас отнасилуете... в одиночку? Вы же принц, а вот все остальные...

— Герцоги, графы, — возразил я, но уже с сомнением, — тоже достаточно высоко. К тому же боевые соратники...

— Но не ровня вам, — сказала она чуть смелее, — никто не смеет равняться с вами и выдирать добычу из когтей льва!

Я спросил с сомнением:

— Это я лев?

— Ну да, — подтвердила она, — очень похожи!

— А где у меня хвост? — спросил я. — Ах да, простите, я недавно из боя, до сих пор не соображаю



и утонченные намеки не всегда втемяхиваю. Кстати, идея вообще-то не самая слабая... Вас как зовут?

— Джоанна, — ответила она. — Принцесса Джоанна. А это мои сестры, Рианелла и Хайдилла.

— Джоанна, — сказал я, — вы еще никуда не пытались выйти? Да-да, вижу по вашим принцессыим мордочкам. У вашей двери стража, но если все-таки кто и войдет спяну, вы всем говорите, что я на вас уже положил... львиную лапу. Или наложил? Нет, наложил — какое-то двусмысленное... Правда, положил... гм, тоже. Эх, как плохо быть грамотным интеллектуалом!.. Горе от ума, как сказал один великий мудрец, а второй вообще сокрушался: бороду-то сбрею, но умище куда девать?

— Ваше высочество?

Я с усилием потер ладонью лоб.

— Что-то туплю в последнее время. Недоизнасилованные стоят дороже, а я, как политик, заинтересован продать вас с хорошей прибылью. Если король Леопольд... гм... удалился из этих мест, то вами по праву старшего и альфа-самца распоряжаюсь я, верховный сюзерен всего, до чего дотягиваюсь. Поэтому... гм... скорее всего, я вас быстренько так это выдаю замуж.

Принцесса Джоанна испуганно вскрикнула:

— Замуж?

— Ага, — сказал я понимающе, — рады?.. Не пугайтесь, не за актеров. У меня полно неженатых герцогов. Да и графы красавец на красавце, все молодые и бравые...

Они прижимались одна к другой, как овечки, а Джоанна, действительно самая смелая, сказала гордо:

— Но мы дочери короля!

— Вообще-то, — сообщил я с достоинством, — у меня есть и принц, сын короля Буркхарта Третьего

из королевства Вендовер, но я ему приказывать, увы, не могу. Сами ему глазки стройте и постарайтесь очаровать. У кого получится, та будет впоследствии женой короля Вендовера, ибо принц Сандорин — единственный наследник. Остальным в мужья достанутся всего лишь герцоги.

Джоанна спросила с подозрением:

— Вы это всерьез? Вам-то это зачем?

— А династические связи? — напомнил я. — Если у вас мужьями будут мои полководцы, то и все королевство останется... гм... дружественным. В нашем особом понимании, демократическом.

Она подумала, ответила за себя и за сестер:

— Нет, мы не согласны!

— Тогда изнасилование, — ответил я со вздохом и развел руками.

Она подумала, глядя на меня пристально, буркнула, надув губки:

— Ладно.

— Ага, — сказал я довольно, — согласны на замужество?

Она посмотрела на меня в упор и ответила дерзко:

— Нет! На изнасилование.

С принцессами разговор пришлось прервать на полуслове, откуда-то снизу окно озарились страшным плазменным светом, и я выскочил в коридор и промчался, как конь, стражи едва успели распахнуть перед мной двери моих покоев, но все-таки успели.

В комнате полумрак, затем нещадный свет первого дня творения выжег даже намек на тьму, в двух шагах от меня возникла огромная пылающая неземным огнем фигура, я рассмотрел только крупное лицо со сгустками пламени на месте рта и глаз.



— Тертуллиан! — вскрикнул я. — Ты как никогда вовремя! Мне нужно...

Он прервал грозным голосом, прогремевшим как удар грома, что должен тряхнуть весь дворец до основания:

— Тебе нужно? Ты должен заботиться о том, что нужно другим!

— Так это другим, — объяснил я торопливо, — но сперва мне, чтобы другим...

— Сперва мне, — передразнил он голосом, полным отвращения, — еще бы! Сперва тебе, в этом ты весь, вся твоя суть в этом «сперва мне». Пора вышвырнуть тебя из паладинов, слишком уж перешел на другую сторону...

— Тертуллиан, — взмолился я, — только на секундочку... нет, на минутку останови свою ярость!.. Твой темперамент разнесет здесь все. Великая беда надвигается на мир, и только ты можешь ее остановить... ну, подсказкой, а всю грязную работу по совершению безумных подвигов и доблестному отрубанию голов беру на себя, как и презренное осыпание со стороны народа хвалой и улыбками благородных и не очень дам!

Он умолк озадаченно, вокруг него все еще кипит море бушующей плазмы, бозоны так и хиксят. С моих волос по всему телу срываются крохотные искорки электрических разрядов, хотя вряд ли электрических, но все равно пусть электрических.

— Ты о чем?

Голос его был грозен и обрекающ, но Тертуллиан дает шанс раскрыть рот и мне, даже готов выслушать, если буду краток, и я сказал торопливо:

— Барон Вимборн хитростью и коварством заполучил бессмертие и неуязвимость! Теперь он рушит

церкви и храмы, насилует монахинь и сдирает с них живьем кожу...

Он прервал меня грозным ревом:

— Так чего стоишь? Беги и убей его! Отправь прямо в ад!

— Как? — спросил я в лоб.

— У тебя еще есть лук Арианта, — напомнил он. — А сила твоя теперь столь велика, что можешь пользоваться без доспеха Арианта, и даже призывать его из другого королевства!

— Из другого, — признался я, — не пробовал, спасибо за подсказку. Но вот лук, уж прости, не пробивает даже шкуру. Да пробовал я, пробовал! Еле ноги унес. Ну, почти еле унес.

Он отшатнулся с такой силой, что едва не весь ушел в стену. Белый плазменный огонь вспыхнул еще ярче, хотя секунду назад я считал, что это немыслимо.

— Как... не пробивает?

— Да так, — ответил я с тайным злорадством, хотя и со скорбным видом и печальным до трагического голосом, ну есть такое даже у паладинов, или хотя бы таких, как я. — Не пробивает!.. Если бы хоть поцарапало, я бы его до смерти зацарапал, а так даже не задело. Потому, Тертуллиан, это и личное оскорбление тебе самому. Даже вызов! И ты потерпишь?.. Ты, с твоим темпераментом уроженца Африки?

Он пронесся к противоположной стене и обратно, покачался, как огненный смерч, на месте, снова сдвинулся, похожий на столб яростного белого пламени.

Глаза и рот почти исчезли в кипении плазмы, наконец из огня прогрохотало:

— Что с того, если не потерплю я?

— Я тоже не терплю, — сказал я быстро. — Тертуллиан, ну?



Голос его остался мощным и грохочущим, но я уловил в нем непривычную для Тертуллиана нервность и неуверенность:

— Даже не знаю... Есть такое, чем можно... но это вообще не на земле...

Я спросил жадно:

— На других планетах?

Он переспросил недовольно:

— Где-где? А что это?

Я спросил с тоской:

— Неважно. Очень далеко.

— Не на земле, — повторил он, — не на грешной земле, Ричард.

— Ах да, — сказал я. — Понятно. Тогда шансов нет...

— Нет, — проговорил он медленно, — нет, Ричард...

Я прислушался к его голосу, спросил быстро:

— Тертуллиан! Ты что-то недоговариваешь. Что за оружие?

Он помолчал, гигантское лицо страшно кривилось.

— Знаешь, Ричард... это не всегда оружие. Просто старые вещи тех людей, которые... ну, вошли в летописи...

— В церковные? — уточнил я.

Белый шар головы изменил цвет на серый, оттуда прозвучал измененный голос:

— Не обязательно. Ты знаешь, что всем древним вещам приписывают что-то... ну, какие-то особые свойства. Чудесные. На самом деле это полная ерунда...

Я сказал тоскливо:

— Знаю. Но что-то да есть?

Из огненной бездны раздалось гулкое, но чем-то не похоже на привычный напористый рев Тертуллиана:

— Только в отношении вещей... действительно великих. Неважно, церковников или великих злодеев. Их вещи, которые были с ними в течение жизни, со временем набирают, что ли... в общем, под особой охраной находится камень, которым Каин убил Авеля, жезл Аарона, праща Давида, кольцо Соломона... в общем, ты понял.

Я пробормотал:

— Понял. И все это... недостижимо?

— Увы, — ответил он.

Я сказал с тоской:

— Значит, этот мерзавец будет глумиться над всеми, наслаждаясь безнаказанностью?

Огненная бездна расширилась до размеров всей комнаты, а голос заполнил ее всю так, что зазвучали все четыре стены:

— Ты мерзавец, Ричард!.. Ты вынуждаешь меня к тому, чего я никогда бы не сделал...

Я спросил шепотом:

— Тертуллиан?

Из огня прогремело:

— Мой посох!.. Он так и лежит там, где я его оставил. О нем знают, что существует, его разыскивают... но вряд ли найдут, люди слишком глупы и ленивы. Я дам тебе на время... для этого случая.

Волна ликования нахлынула с такой силой, что я едва не завизжал в восторге ликующим поросенком, затем меня словно окунули голым в Ледовитый океан.

— Тертуллиан, — проговорил я мертвеющим голосом, но все еще не теряя надежды, — а где он?

Бездна пламени начала сокращаться в объеме, через несколько мгновений посредине комнаты покачивался, как пруттик под ветром, почти прозрачный призрак, тень неистового Тертуллиана.



— М-да, — проговорил он озадаченно, — об этом как-то не помыслил...

— Где?

— В пещере, — ответил он, — Керенея, это мое небольшое имение вблизи Карфагена. Когда стал пресвитером, от странствий пришлось отказаться. Потому отбиваться от бродячих собак, разбойников и грабителей больше не было нужды.

— И сейчас он там?.. В Киринее?

— Увы, — сказал он, — там. Даже не знаю, что ныне там и есть ли вообще великий Карфаген? Что ныне над тем благословенным городом: море, горы или выжженная пустыня?

Глава 10

Три часа стремительного ночного лета чуть ли не в стратосфере над высокими горами, напоминающими лунный пейзаж, и я увидел, что великий аскет, знающий все на свете, указал место достаточно точно: странный горный хребет в виде кольца в самом деле похож на исполинскую корону, такие же тонкие стенки и даже застывшие на вершинах каменные шарики размером с замок средних размеров.

Похоже, крупный астероид врезался в земную кору, выплеснул расплавленную магму, что удивительно быстро застыла, словно замерзла в самом всплеске. В самом центре круга, на дне, как и получается при падении астероида, торчит высокий пик.

Я снизился и рассмотрел у самого основания темный вход, все как и обрисовал великий аскет, бывал ли здесь лично или у него такие вот видения, не знаю, но таким знаниям позавидовать можно, если для этого не нужно будет жить в вечночерном лесу.

Местность мертвая, я чувствовал себя в самом деле как на другой планете, когда вернулся в личину человека и с сильно стучащим сердцем двинулся к мрачно зияющему входу.

Сам пик похож на мрачный храм каннибалов или чего-то очень темного и недоброго. В ночи он смотрится особенно зловеще, и чем ближе я подходил ко входу, тем учащеннее стучало сердце. В груди страх и желание повернуться и бежать отсюда сломя голову.

Перед самым черным зевом, что выглядит как вход в могилу, я создал шарик света и послал впереди себя. Тот через пару секунд погас, я очутился в черной вязкой тьме, даже мои глаза не адаптируются моментально.

Наконец, когда стал видеть как в темных сумерках, я наклонил голову и вошел под своды храма. Тот в самом деле под тяжестью веков погружается в твердую землю, как в вязкое болото, и скоро придет час, когда скроется даже его заостренный верх.

С детства не мог понять, почему древние города обязательно раскапывают, словно их кто-то нарочито зарывает, или почему кости динозавров находят на большой глубине, словно для этих погибших от озоновых дыр или чего-то еще гигантов кто-то старательно рыл могилы, но теперь вот вижу, как это происходит.

Рядом пронзительно каркнул огромный, как гриф, черный ворон, неотличимый от тьмы. Я от неожиданности шарахнулся в другую сторону и, налетев на груды камней, упал и перекатился через голову, где и остался лежать, прислушиваясь к звукам.

Ворон потоптался на месте, я слышал по скрипению острых когтей по камню, сухо шелестнули огромные маховые перья, это сложил крылья, улетать не собирается...



— Чтоб тебя, — прошептал я в злобном бессилии, — а еще мудрая птица...

И все-таки хоть какая-то жизнь, а мудрые тоже любят поприкалываться над невеждами или просто гаркнуть над ухом «Беги!» и смотреть, как перепуганная жертва несется сломя голову, натываясь в темноте на стены и выступы.

Я осторожно прошел по узкому проходу к довольно просторному залу. Под дальней от меня стеной высится черный трон, а на нем сидит мужчина с черным лицом и длинными седыми волосами. По его позе видно, что вот так восседает едва ли не века, и это ему не доставляет неудобств, расположился с комфортом, ноги твердо стоят на ступеньке из черного гранита, руки на широких подлокотниках лежат свободно и властно.

Я подсознательно ждал, что трон будет из человеческих черепов или чего-то не менее отвратительного, однако тот вырублен целиком из солидного черного гранита, никаких украшений, все солидно и весомо.

— Хорошая ночка, — сказал я, — правда?.. Приветствую, Хранитель.

Он вперил в меня взгляд мертвых глаз.

— Зачем пришел?

Голос его прозвучал скрежещуще, словно мельничные жернова работают без зерна, истирая друг друга.

Я постарался ответить, несмотря на мой вздрагивающий голос, как можно проще и беспечнее:

— Мне нужно оружие. Самое мощное оружие. Но если не найдется, то согласен и на доспехи.

Он проскрипел с мрачным удовлетворением:

— В мире много оружия. Это хорошо. У кого в руках топор, тому все люди кажутся поленьями.

— Нет, — сказал я, — у меня мечей и топоров полно. Как и арбалетов. Мне нужно самое мощное оружие Тьмы. Хотя нет, все-таки лучше доспехи.

— Так что же, — переспросил он тем же неприятным голосом, — оружие или доспехи?

— Все хочется, — признался я. — Такой вот я загребатель и покоритель, а еще обожаю убивать и грабить. Но если выбор или — или, то, наверное, доспехи.

Он спросил настолько скрежещающе, что я едва разобрал слова:

— Зачем тебе доспехи?.. У тебя, как вижу, доспех лучше и не бывает...

— Некто, — ответил я с жаром, — настолько свят, что его не берет никакое оружие, созданное человеком, гномами или эльфами! А всякие там кобольды и фэйри ковать его не могут.

Он медленно кивнул.

— Не умеют. А жаль, верно? Вот была бы потеха, если бы еще их оружие тоже хлынуло в мир.

Я постарался улыбнуться хищно, как волк при виде стада жирных, откормленных овец.

— Верно сказано!

Он вроде бы чуть улыбнулся, хотя замороженное лицо осталось таким же, только взгляд стал еще острее.

— А сумеешь ли ты с ним справиться?

Я постарался улыбнуться еще зловещее.

— Я?

Он хмыкнул.

— Видишь, вон там гора костей?.. Это все, что осталось от героев, приходивших за этим оружием, способным сокрушить империи. От лучших из них.

— А что с теми, что попроще?

Он поморщился.

— Те просто сразу в пыль. Никто из них не был достаточно... достаточно готовым взять в руки такую мощь.



У меня душа затряслась, как овечий хвост, но ответил я уверенно и нагло:

— Тьма и так переполняет меня, что мне грозит? Я готов.

Не поднимаясь и даже не поворачивая головы, он медленно, словно двигаясь в густом клее, указал пальцем влево.

— Смотри, вон там плащ Каина.

Я спросил осторожно:

— Он чем-то... хорош?... А то ведь был парнишка простым скотоводом, какой там у него был плащ...

Он кивнул.

— Верно. Если бы о Каине забыли, это и осталось бы простым плащом. Но чем чаще о Каине вспоминают, тем большей мощью наполняются все вещи, которыми он пользовался. Тот, кто вот это набросит на свои плечи, обретет неслыханную мощь... однако даже для того, чтобы дотронуться до него, мало быть потомком Каина.

— А что надо еще? — спросил я тихонько.

— Надо быть и по духу, — проскрежетал он, на его мертвом лице проступила такая же мертвая улыбка. — Так что дерзай... а я посмотрю, быстрой ли будет твоя смерть...

Возможно, он хранитель не только наследия Каина, но сейчас я видел только этот черный плащ со странно туманными краями. Это наследие лежит крайне небрежно на большой плите, словно некто сбросил его на ходу и отправился обедать.

Террос, сказал я мысленно, мы сейчас возьмем самое мощное оружие на свете. Возрадуйся! А потом убьем бессмертного, чего раньше никогда и никому... Тебе это понравится.

Жар начал разрастаться во внутренностях, я напругся, удерживая боль. Террос был огненным богом,

мог сжигать целые города, а после заточения выбрался из темницы, используя пробуждающийся вулкан. Потому сейчас, когда он просыпается по моему зову, я чувствую, как неистовое пламя уже лижет мои внутренности.

— Террос, — сказал я шепотом, — давай... давай, соберись. Нам отдадут то, чем мы сможем убить бессмертного!

Жар начал сжигать внутренности так, что я готов был взвыть во весь голос, и лишь тогда я, шатаюсь и стараясь удержаться на ногах, взял черный плащ...

...нет, только коснулся, и волна неистового холода прокатилась от кончиков пальцев по руке, заморозила внутренности и ударила о встречную стену жара от Терроса.

Хранитель наблюдал с ленивым интересом. Во мне сшиблись две вселенные, мертвая и только что вспыхнувшая, в череде звон, грохот, перед глазами багровая пелена, но я сцепил челюсти и, ломая в себе страх и сопротивление, заставил негнущиеся пальцы взять плащ.

Все тело вздрогнуло и затряслось, словно дерево под ударами топора. Я держал дыхание запертым в груди, пока неуклюже развернулся и набросил плащ на плечи, давно уже не кожу, а больше похожую на плотно сотканный мрак.

Жар исчез, как и холод, только внутри меня что-то часто дрожит и перекачивается, словно мечется испуганная мышь в коробке.

Я повел плечами, расправляя плащ, сидит вроде бы неплохо, развернулся лицом к Хранителю.

— По-моему... коротковат?

Он впервые шевельнулся, даже привстал на сиденье, охнул и рухнул обратно. Бледное мертвое лицо перекошилось судорогой.

— Что?..



— Мелковат был Каин, — произнес я с удовольствием и чувством превосходства более рослого самца. — И в плечах чуточку жмет... Но ладно, дареному коню в пасть не смотрят. И вообще... никому не заглядывают.

Он в великом и, как мне показалось, злобном изумлении качал головой, в длинных седых волосах искорки мрака поблескивают, как крупинки драгоценного агата.

— Но... как тебе удалось?

— Когда-то, — ответил я, — кто-то все равно бы сумел.

Он проговорил зло и разочарованно:

— Что ж... забирай. Я обязан отдать любому, кто сумеет удержать на плечах. Впрочем...

Он умолк, я спросил с подозрением:

— Что?

— Этот плащ, — проговорил он со злобной усмешкой, — скоро вернется на это же место.

Страх прокатился во мне, как лавина льда, сорвавшегося с ледника на берегу северного моря, но ответил я твердо:

— Что я захапал, то не отдам!

— Он сам вернется, — сказал он и уточнил злорадно: — После твоей скорой гибели.

— С гибелью подождем, — ответил я небрежно, — хотя и должны рыцари гибнуть гордо и красиво во цвете лет, но я это уступаю своим противникам и даже помогаю им в этом.

— Ты одиночка? — спросил он внезапно.

— Историю делают одиночки, — заверил я. — Ну, я спешу...

— Спешешь? Куда?

— Делать историю, — сообщил я. Подумал и уточнил: — Или хотя бы мифологию.

Арбогастр несется, как черный вихрь, а я на нем, как сгусток первозданного мрака, каким был мир до сотворения. Плащ за моей спиной развевается, как крылья, я на миг оглянулся и больше поклялся не оборачиваться: плащ словно бы тянется на мили, там все исчезает в густом мраке, будто темный хаос поглощает мир...

А еще слева у седла посох Тертуллиана, больше похожий на дубинку. Когда я совсем было пал духом и готов был отказаться от идеи сокрушить бессмертного, Тертуллиан сам вспомнил о моем умении призывать вещи. Конечно, с родины Тертуллиана я не смог бы перенести к себе и перышко, однако как только он присоединил свою мощь, а посох узнал хозяина, все получилось с обманчивой легкостью: посох просто возник посреди комнаты, откликнувшись на наш общий зов, а перехватить его было уже моей заботой.

Как понимаю, вещи древних героев, впитавшие их мощь, а со временем набравшие еще больше силы, самая лакомая находка для искателей сокровищ. Часть их, как вон доспех Нимврода, все еще в разных уголках света, иные церковь собрала и тщательно хранит в сокровищницах Ватикана...

Арбогастр с разбегу промчался по глади замерзшего озера, вздымая по обе стороны осколки льда и брызги воды, а я высматривал горный хребет, похожий на спину стегоцефала со вздыбленными иглами.

Я именно тот, мелькнула уstraшенная мысль, в ком и высокая паладинность, ее привычно прячу за шуточками и приколами, чтобы не казаться слишком хорошим, это неприемлемо с детства, и в то же время я достаточно циничен, чтобы в случае проблем идти за советом не в церковь, а к адвокату, а также помню, что если не пойман, то вроде бы и не вор.



Небо на востоке начинает светлеть, но пять остро-конечных гор я рассмотрел еще на фоне звезд. В долине ночь, замок почти неотличим от приземистой скалы, сердце мое стучит мощно и злобно, а рука то и дело тянется к дубине отца церкви.

Из темноты выметнулись с горящими факелами в отведенных в сторону руках всадники на тяжелых конях.

В слабом и меняющемся свете видно только, как со звонким цокотом по булыжной брусчатке проскакали все строго один за другим, словно опасаясь ловушек в земле, одетые тепло и в плащах с наброшенными на голову капюшонами.

Я не стал провожать их даже взглядом, с уверенным видом въехал на расчищенный от снега двор, где совсем недавно показал, насколько я крут, когда имею дело с пьяными мужиками, возомнившими себя воинами.

Арбогастр воинственно фыркал и мощно бил в камень под ногами крепкими копытами, а я старался представить себе, что это за схватка, когда у меня в руке дубина святого... да что там святого, Тертуллиан куда круче, он создавал основы самой церкви, а на плечах плащ Каина, самого подлого, по мнению церкви и простого народа, человека на свете, «от которого и пошло все зло».

Вообще-то братья друг друга стоили, оба дети Змея, а то, что убил первым Каин, а не Авель, так просто, как старший, Каин был чуточку посильнее, только и всего.

Я сделал круг по двору, наконец сверху раздался сильный голос:

— Что там за блоха скачет?

— Чего сидишь в темноте, — крикнул я, — как сыч поганный?.. Денег нет на факелы? Спускайся, прямо на морде подвешу!

— Что-то больно уверен, — прорычал он мощно. — Может быть, даже не убежишь, когда выйду?

— А ты в самом деле выйдешь? — крикнул я. — Или тебя придется искать под перевернутыми корытами?

— Подожди минуту, — сказал он, — люблю таких вот уверенных...

Я ждал, арбогастр фыркал и нервно переступал копытами, наконец двери донжона распахнулись. В слабом рассвете возникла мощная фигура в дверном проеме.

Глава 11

Одет он тепло, но доспехами пренебрег, что должно вселить в меня уверенность и не дать пуститься наутек. Дескать, как бы ни был силен, бездоспешного зарубить нетрудно, даже меч у него на поясе какой-то несерьезный, словно длинный кинжал.

— Молился ли ты на ночь, Дездемон? — спросил я. — Господь дарует прощение!.. Я, правда, не Господь, у меня с милосердием туговато, все истратил в детстве... еще во внутриутробном, но ты можешь попробовать, вдруг да капли какие где-то остались на донышке.

Он рассматривал меня с покровительственной насмешкой, очень уж быстро эта сволочь свыклась с неуязвимостью. Бессмертие еще не прочувствовала в полной мере, а вот неуязвимостью просто наслаждается...

— Уважаю наглых, — сказал он, — ты еще сопляк, не знаешь, что мир совсем не таков, каким кажется.

— Ну да, — сказал я, — и ты не такой?

— И я, — согласился он.



— Мордой не вышел, — сказал я нагло. — Ты без доспехов... и меча? Хочешь на кулаках? Ты здоровый бык, но я здоровее!

Он захохотал.

— Люблю наглых. Сам такой, но ты вообще... Хочешь, возьму на службу?

Я изумился.

— С какой стати?

Он сказал торжествующе:

— Мне было предназначено править миром!

— Все пророчества ложь, — отрезал я. — Ты еще о конце света расскажи. Да и не было такого пророчества, думаю...

Он расхохотался..

— У меня в замке астролог. Он все прочел по звездам! А они никогда не врут.

— Астрологи?

— Звезды, дурень!

Я спросил ядовито:

— А сами астрологи?

— Мне соврать побоится, — объяснил он загадочно.

— Ну да, — согласился я, — если побоится, тогда угодное тебе напроорочит.

Он поинтересовался:

— И ты?

— Любой интеллигент, — уточнил я.

Он нахмурился, услышав незнакомое слово.

— А ты кто?

— Я уж точно не интеллигент, — ответил я с достоинством. — Где ты видел интеллигента с мечом в крепкой длани?

Он ответил со смешком:

— Ты мне нравишься, наглец. Я беру тебя на службу.

Я взялся за дубину.

— Если победишь.

Он посмотрел с интересом на посох Тертуллиана.

— У тебя же меч в ножнах!

— Но ты же без меча? — сказал я с достоинством.

Он захохотал.

— Ну наглец...

Он пошел на меня, растопырив руки, даже не пытаясь уклониться от удара. Я с трепещущим сердцем, больно не нравится его уверенность, сказал люто:

— Получи!

Он безбоязненно смотрел на мой замах. Я с силой треснул его по голове. Он ахнул, ноги подломились, рухнул на колени, а в глазах даже не страх, а дикое непонимание.

Услышал его болезненный шепот, переходящий в хрип:

— Но я же...

Я хотел сказать что-то красивое, надменное, возвышающее меня и принижающее его, однако ощутил, как губы затряслись, потом затрясло всего, и я заорал, почти не осознавая, что выкрикиваю:

— Ничтожество!.. Тварь болотная!.. На что употребил свое бессмертие?.. Если бы помогал бедным людям... хотя на хрен им помогать, я бы сам не стал... ага, если бы стал ученым алхимиком, раскрывал тайны природы... я бы сам тебя в жопу поцеловал!.. За вечную жизнь можно так продвинуться, все бозоны открыть... А что сделал ты?

Он прохрипел затравленно:

— Но я... а ты бы не так?

— Не так, — отрубил я.

Он попытался подняться, я торопливо спрыгнул на землю, арбогастр фыркнул и отступил, пятясь задом.

Я задержал дыхание и торопливо ударил снова, на этот раз увереннее и куда сильнее. Череп барона



треснул, как глиняный горшок, долго простоявший на солнце.

Кровь из щелей ударила горячими фонтанчиками. Он завалился на бок, вытаращенные и уже мертвые глаза вперили взгляд в мое лицо, я отступил на шаг и без сил оперся на палицу, внутри нарастает жажда продолжать крушить, я же могу разнести весь замок, перебить там все, нет на свете невинных, убивать, крушить, истязать, сажать на кол...

Я напряг тело, по нему идут горячие волны и бьют в мозг. Террос, пользуясь случаем, пытается выбрать-ся из заточения и взять верх, мое «я» позорно отступает, слишком уж тоненькая и слабенькая человечность в двуногом, что стало царем природы именно за счет жестокости и бесчеловечности...

— Нет, — прохрипел я. — На место, тварь рычащая... Или я найду способ вообще убить тебя... Без остатка.

Из-под земли поднялись угольно-черные тени с размытыми очертаниями. Они показались похожими на ключья грязного тумана, но в них исчезает не только свет, но и, как мне показалось, даже материя.

Я даже не рассмотрел, сколько их там, они то сливаются в одну общую массу, то разделяются, а когда окружили тело барона Вимборна, у того из раскрытого рта неохотно начал подниматься черный дым.

Все происходило совершенно бесшумно, но я отчетливо слышал или ощутил их ликующий визг, совершенно нечеловеческий. Черные лапы ухватили этот дымок, выдернули целиком из тела, будто нечто скользкое и отчаянно барахтающееся.

Я слышал отчаянный крик Вимборна, а тени, держа крепко его черную душу, стремительно ушли в землю.

Из меня дрожь постепенно уходила, как мне почудилось, тоже в землю, та принимает все и всех, а когда сзади на затылок упала горячая волна воздуха, я уже не подпрыгнул с диком криком паники, а сказал, не оборачиваясь:

— Зайчик, я тебя тоже люблю. Сейчас домой... погоди чуть, а то ноги трясутся, в седло не поднимусь.

В поместье Вимборна я задержался ненадолго, только для того, чтобы догнать тех орлов, что на рассвете галопом мчались мне навстречу из замка.

Они уже были в деревне, где, упиваясь безнаказанностью, вытаскивали из домов девушек и молодых женщин себе и хозяину на потеху, с удовольствием били всех встречных, это же какое наслаждение для подонков: бить и не получать сдачи!

Порубил почти всех, воины из них никакие, а двух расвирепевшие крестьяне завалили сами, связали и попросили оставить им, таким сволочам простой казни мало.

— Верно, — согласился я. — Посадите их на колья, чтоб с недельку корчились!.. Им все равно смерть, а вам приятно. Да и других мерзавцев устрешит... хоть немного.

— Спасибо, господин!

— Принц Ричард Длинные Руки, — сказал я с достоинством. — Всегда стоит на защите демократии, что значит... ну, вас защищаю, морды! Замок можете взять на разграбление, а можете и сами там устроить коммуны.

— Спасибо, добрый лорд!

— Следите друг за другом, — сказал я, — чтобы никто не стал на место барона, больно это соблазнительное место...

Они прокричали:



— Спасибо, лорд!

По-моему, они так и не поняли, что я не просто рыцарь Ричард, а тот самый Ричард, здесь мое имя еще не прогремело, как жаль, я привстал на стременах, улыбнулся белозубо, пусть запомнят такого благородного красавца.

Они кричали, женщины поднимали на руках младенцев и показывали им меня, а я повернул арбогастра в сторону юга и сказал ему тихонько:

— Давай, Зайчик, но не сразу, не сразу...

Он дал, через несколько секунд все убыстряющей-ся скачки я увидел далеко позади снежный вихрь, что безуспешно пытается следовать за нами, разметался...

Когда показались высокие стены Генгаузгуза, я снял плащ Каина и сунул в мешок, где он занял удивительно мало места, словно материальное давно выветрилось, а осталась некая субстанция зла, материализованная в самом Каине и всех его вещах.

Над воротами и на стенах блестят наконецники острых копий, шлемы и панцири наших солдат, еще больше их на башнях, откуда зорко наблюдают за всеми передвижениями, несмотря на то, что конные разъезды Норберта всякий раз привозят успокаивающие вести.

Я вскинул руку в победном жесте, лорд должен быть радостен и внушающ, со стен и ворот довольно закричали.

— Бдите, — прокричал я звучно, — даже если враг спит!

Они довольно расхохотались, как же, спит он, когда в его королевство вторглись те, кого здесь считают слабыми, изнеженными и трусливыми. Теперь, как всякий мужчина, должен только и думать, как победить или умереть, пытаюсь.

Из соседнего с главным здания выскочил и едва не упал, путаясь в длинной рясе, епископ Геллерий.

Я увидел, что он спешит ко мне, остановился на крыльце уже перед открытой услужливыми слугами дверью.

Он подошел торопливо, издали всматриваясь зорко и взволнованно, лицо бледное, щеки запали, а скулы выпирают еще острее.

— Ваше преосвященство, — сказал я.

Он воскликнул:

— Ваше высочество!.. У вас такое лицо...

— Какое? — полюбопытствовал я, никто не удержится от соблазна продолжить разговор на эту тему, если начинают говорить о вас, таком замечательном.

— Сияющее, — ответил он и добавил совсем тихо: — Вам удалось?

— Как ни странно, — ответил я, — это было не трудно. Я даже слегка разочарован.

— Что... случилось?

Я сказал честно:

— Ожидалось нечто масштабное, эпическое, а там оказался даже не человек, а обычная пьющая, жрущая и совокупляющаяся тварь. Как трудно взбираться наверх и как легко и быстро, оказывается, скатиться!.. Он был уже этим, скатившимся.

Он перекрестился.

— Вы просто очистили мир от еще одного пятнышка скверны.

— Когда на охоте убиваю оленя, — признался я, — и то у меня на душе больше вины.

— Ну, — протянул он, — то оленя.

Я поддакнул:

— Вы правы, ваше преосвященство. Человека никогда не жалко. Вот уж не думал, что убью, а вме-



сто угрызений совести чуть ли не запел осанну! Это такое, нечто веселое. Как я думаю.

Он произнес с неудовольствием:

— Животные все безвинны, их такими сотворили. А человек, если вступил на дурной путь, то это он сам вступил!

— Да уж, — согласился я. — Никаких оправданий. Только что-то вы на меня как-то странно смотрите... Я еще не вступил на дурной путь! Вообще-то я уже давно на нем, но время от времени схожу на верный путь праведности. Довольно часто удается сохранить невинность.

Он помялся, спросил негромко:

— А все-таки... как вам удалось?

Я перекрестился и ответил благочестиво:

— Ваше преосвященство, я сам стараюсь забыть побыстрее. Нехорошо смаковать сцены убийства, хоть и весьма приятно. А я, как победившая сторона, как бы бахвалюсь подвигом, а это для христианина неприемлемо, хоть и очень хочется.

Он вздохнул, перекрестил меня.

— Твоими устами глаголет сам Господь, а я, увы, грешен, поддаюсь мирским соблазнам. Ваше высочество...

— Ваше преосвященство.

Я с некоторой неловкостью шагнул в распахнутые двери, оставив его на крыльце. Конечно, похвастаться я бы еще как, умею и люблю, но пришлось бы признаваться или что-то врать насчет плаща Каина, что, во-первых, пришелся мне по плечам, пусть и тесноват, а во-вторых, что это олицетворение Зла оставил себе, а еще подумываю, как бы выцыганить и дубинку Тертуллиана. Пусть сейчас вроде бы и без особой надобности, но я человек хоть и не скупой, но осторожный и запасливый.

Глава 12

Полдня я разбираю дела, встречаюсь с главами местных гильдий, издал манифест о вольностях, вызвавший неудовольствие епископа Геллерия, в котором я провозгласил, что мы не заставляем отречься от апостольской церкви, просто позволяем священникам римской ветви проводить обряды по своим канонам. Кто желает приобщиться — милости просим, кто не желает — вольному воля.

Следующим манифестом даровал вольности городам и весям, заодно разрешил в них самоуправление. Мои лорды ворчали и хмурились, но я заверил, что это ударит гораздо сильнее по Мунтвику, который все держал в железном кулаке, не давая вспискнуть ни торговле, ни ремесленничеству.

— А что мною дано, — сказал я наставительно, — то и взад можно забрать, когда придет удобное для нас время.

Их лица посветлели, хорошие наивные люди, уже и немолодые вроде, а доверчивые, как дети. Ну, все верно, сюзерену нужно доверять, иначе что за жизнь? Я в свою очередь защищаю их и вознаграждаю, но это не значит, что буду вести ту политику, которая соответствует их пониманию.

Геллерий, все еще недовольный, явился без приглашения, донельзя рассерженный, глаза мечут молнии.

— Ваше преосвященство? — сказал я. — Всегда рад вас видеть. Садитесь вот сюда, здесь самое мягкое сиденье.

Он отрезал сухо:

— Я ненадолго. Ваше высочество, а как вы планируете дать доступ в Сакрант римской церкви, если не собирались передавать ей здания, принадлежащие апостольской?



— Ваше преосвященство, — ответил я, — певца можно убить чем угодно, а вот мелодию только другой мелодией... Мы имеем дело не с людьми, а с верой, как вы догадываетесь. Говорят же, что коня можно силой привести к ручью, но нельзя силой заставить его пить.

— Ваше высочество? — спросил он с неприязнью в голосе.

— На мысли, — пояснил я, — следует нападать с помощью мыслей. По идеям не стреляют из луков или арбалетов, они не умирают даже под топорами палачей. И вообще плохая репутация будет у римской церкви, если отнять у апостольской все ее здания.

— Но у нас нет времени, — возвысил он голос, — чтобы строить! Да и места нет.

— Место найдем, — пообещал я. — А пока что можно начинать служить по римскому обряду в брошенных или оставленных хозяевами зданиях. Их в городе много!.. Выбирайте любые, даже дворцы. Народ обязательно придет... просто из любопытства. А там уже ваша задача, чтобы доказать преимущества римской церкви. Или вы в ней сомневаетесь?

Он посмотрел на меня зло и буркнул:

— Не дождетесь.

Я перевел дыхание, когда он повернулся и вышел. Хороший человек, человек церкви, которая ведет человечество медленно и вдумчиво, должен бы привыкнуть к ее темпу, но он человек и потому торопит события, не ощущает, что идеи могут быть побеждены только другими идеями. Это знает только сама церковь.

Мунтвиг поднял все королевства на священную войну с проклятым Югом, но мне все-таки кажется, что дело на самом деле не в вере, правитель не может быть религиозным. Ну, мелкий может, но не такого масштаба, как Мунтвиг.

Мунтвигу для удовлетворения его чрезмерных амбиций как раз и необходим, так сказать, византийский вариант, при котором император становится и главой церкви. И тогда у него в руках уже вся власть, как над телами, так и над душами.

Безграничная власть... мечта любого короля, а король — тоже человек и не может заглядывать вперед на столетия. Иначе видел бы, что все страны, где у правителя была власть над телами и душами, стали самыми бедными и нищими.

Впрочем, это видение вряд ли остановило бы, все думают лишь о своей славе. Потому Мунтвиг не свернет... к счастью для нас.

Я вздрогнул — прямо из стены выплыл бледный и размытый призрак рыцаря в доспехах. Наплечники сорваны, панцирь в жестоких зарубках, глубокая рана зияет в боку, вторая у шеи, левая сторона головы в темном, явно запекшаяся кровь.

Он беззвучно открывал рот, но, похоже, даже призраки не могут заговорить первыми со старшими по титулу, я спросил вздрагивающим голосом:

— Сэр... что-то случилось?

Он остановился посреди комнаты, покачиваясь, как сохнувшее белье под ветром, видна только верхняя часть от пояса, нижняя истончилась до незримости, обратил ко мне бледное лицо с темными пещерами на месте глаз.

— Сэр, — проговорил он потрясенным шепотом, — вы в самом деле меня видите?

Я кивнул.

— Не слишком уж отчетливо...

Он воскликнул:

— И слышите? О, это благословение небес!.. Не зря я, израсходовав остатки сил, прибыл к вам! О вас столько говорят... всякого. Я прошу вас, сэр,



как бы вам ни было трудно... заклинаю вас всем святым на свете... передайте моей жене то, что я хотел сказать перед тем, как отправиться на войну... и не успел...

Я, чувствуя себя потрясенным не меньше, ответил с трудом:

— Говорите, сэра.

— Передайте, — попросил он, — что я ее любил и продолжаю любить... и буду любить, куда бы ни попал, в рай или ад. Я ее любил еще тогда, когда она не подозревала обо мне, а я подглядывал из-за кустов за нею, дочерью соседского сеньора, с которым мой отец не особенно и общался... И еще передайте, сэра, что пусть выйдет замуж за достойного человека, потому что я желаю ей счастья так же сильно, как желал раньше.

Он замолчал, я ответил торопливо:

— Да-да, передам...

— И чтобы она поверила, — договорил он, — что это от меня, скажите ей, что я перед отъездом оставил в нашем тайничке сто золотых монет и с полсотни бриллиантов, которым нет цены. Мы его соорудили, когда собирались бежать от родителей и тайно повенчаться... Если у нее будут трудности, эти драгоценности помогут справиться.

— Скажу, — ответил я. — Давайте адрес, сэра.

— Алемандрия, — ответил он, — это на восток от Сакранта, севернее Ирама... графство Гонзер, там есть имение Мокрые Плесы. Моя жена Матильда там сейчас еще не знает, что ее муж никогда не вернется с этой войны с Галли...

Я охнул, как-то не думал, что это так чудовищно далеко, раскрыл рот, надо же объяснить насчет занятости, но он вздрогнул, дико посмотрел мимо меня.

— Уже пора? Как мало я успел...

Возле него возникли двое: справа фигура вся в белом огне настолько, что не могу разглядеть очертаний, а слева — сплошная тьма, черная и холодная, словно дыра в пространстве и материи.

Они мощно и умело ухватили призрак рыцаря. Я не успел хлопнуть глазами, как понесли с громадной скоростью и тут же исчезли из поля зрения. Умчались не вверх или вниз, а в сторону, где, как догадываюсь, состоится короткий суд, на котором определяют его окончательное место — в Царстве Небесном или в аду.

Я перевел дыхание и, не ожидая, пока успокоится бешено стучащее сердце, открыл дверь и крикнул Зигфриду:

— Срочно отыщи ландхофмейстера!

Он запнулся, глаза полезли на лоб.

— Это... чего?

— Это наш Палант, — сказал я строго. — Не знаешь?.. Да как ты можешь вообще жить без такого важного знания?.. Как можно не знать, что такое ландхофмейстер в нашей общественной и повседневной жизни?

Он пробормотал:

— Увы, как это я мордой о стену, винюсь... а что это?

— Уже не помню, — ответил я, — но словцо запомнил. Красивое, правда? Торжественное такое, с вывертами!

Он сказал ошалело:

— Еще бы... но за неделю-другую выговаривать научусь, хоть и мозоль набью. И буду везде его называть этим самым. Щас позовем, ваше высочество!.. Но если ехать куда намылились, то я с вами!

— Ехать? — изумился я. — Туда в холод, в зиму?



Он ухмыльнулся, кивнул одному из стражей в коридоре, тот бегом сорвался с места и пропал за поворотом на лестницу.

Палант перешагнул порог, ясноглазый и румяный, но с бурно поднимающейся и ниспадающей грудью, явно бежал сломя голову через двор, а потом по лестнице на третий этаж, и хотя молод и силен, однако в подражание своему кумиру с утра и до ночи не снимает тяжелых доспехов, так что разругались не только щеки, но от всей фигуры несет жаром.

У порога он и остановился, глядя чисто и светло, широкий в плечах и тонкий в поясе.

— Палант, — сказал я.

— Ваше высочество!

— Палант, — повторил я, — я хочу тебе поручить важнейшее задание...

Он воскликнул:

— Ваше высочество! Наконец-то! Только прикажите!

— Ты в каких отношениях с сэром Ульрихом? — спросил я. — Знаю, он тебе уже одалживал своего чудесного коня, что глотает мили, как мы шаги, и если одолжит еще разок...

Он сказал с жаром:

— Еще бы не одолжил! Он из моих сапог и не вылезает!

— А что, — поинтересовался я, — они и по снегу, как по болоту?

— Еще лучше! Даже следов не оставляют!

— Хорошо, — сказал я, — тогда вот что тебе поручу...

Он вспыхнул счастьем, вытянулся, едва не перерываясь, как амеба при делении, весь само усердие.

— Ваше высочество?

— Тебе надлежит промчаться в королевство Алемандрию, — объяснил я, — оно граничит с Сакрантом с востока. Там есть графство Гонзер, в нем имение Мокрые Плесы, где пока что в отсутствие мужа хозяйничает некая Матильда. Она не знает, что уже вдова.

Он посерьезнел.

— И что я должен?

— Просто сообщить, — сказал я, — что ее муж красиво и благородно погиб.

— Как?

— При невыясненных обстоятельствах, — пояснил я. — Нет, они вполне могут быть ясными, просто не успел расспросить такие интересные подробности. Потому и ты избеги. Красиво и благородно — этого достаточно. Женщина не должна расспрашивать, это неприлично, а местами и непристойно.

— Хорошо, — сказал он послушно и добавил: — Ваше высочество!

— Но, конечно, — добавил я, — ради такой ерунды отпрапляться так далеко не стоило бы, однако передашь последние слова ее погибшего мужа, что он перед отъездом оставил в их потайном месте, о котором знают только они двое, сто золотых монет и несколько бриллиантов, которым нет цены. Эти драгоценности помогут ей справиться с трудностями и найти другого мужа, получше.

Он спросил шокированно:

— Так и сказать?

— Нет, это подразумевается, — ответил я. — Да она и сама так поймет, женщины куда практичнее нас существа, второе замужество у них всегда удачнее. Ну, с Богом!

Я хлопнул его по спине, Палант расцвел счастливой улыбкой и выбежал. Я слышал топот его ног,



в самом деле ринулся бегом, молодец, но я молодец еще больший, можно сказать, государственных масштабов, сам никак не налюбуюсь на такое чудо.

Раньше ринулся бы исполнять сам, да так и делал еще недавно, но теперь я принц, вот-вот принудят надеть и королевскую корону, а короли по таким пустякам сами не бегают.

Зигфрид заглянул в двери, оглядел быстро мой кабинет, не прячется ли там убийца с кинжалом в зубах, сказал в нерешительности:

— Там маг... как его, ага, Хрейдмар к вам просится.

— Хрейдмар, — поправил я, — хотя тоже постоянно путаю.

— Тогда, — сказал он практично, — переименуйте его в Хрейдмара. Всем будет удобнее.

— Хорошо бы, — признался я, — но, боюсь, моя власть не скоро поднимется до таких высот.

Он проговорил задумчиво:

— Да кто знает...

— И думать забудь, — велел я. — Зови!

Двери распахнулись широко, как перед королем, но вошел Хрейдмар скромно, остановился у порога, глядя на меня пытливо.

Я махнул ему приглашающе и сразу указал на свободное кресло у стола.

— Садись, рассказывай. Где прятался все это время, какие секреты нашей армии выведал, кому предал или продал, за сколько?.. И почему так дешево?

Он сел, по виду так это чувствует себя несколько неловко, взглянул искательно в мое монаршее лицо, исполненное, надеюсь, величия.

— Ваше высочество, мы с первого же дня установили кое-какую защиту от вторжения. Она вполне, однако...

— Не для долгого пребывания? — спросил я.

Он кивнул с благодарностью на лице.

— Да. От наскока защитит, но если начать долбить в слабые места...

— В уязвимости?

— Нет, — сказал он, — уязвимостей нет, но могут появиться, если долбить именно достаточно долго.

— Понятно, — сказал я. — Что нужно? Мне выметаться из кабинета?

Он развел руками.

— Если вашему высочеству не мешает, когда вокруг толпятся посторонние и что-то делают...

— Перетерплю, — сказал я великодушно.

— Однако им помешает, — произнес он виновато. — Иногда нужна очень уж высокая сосредоточенность, так как малейшая помеха... а вы, ваше высочество, как исключительная личность будете отвлекать внимание.

— Понял-понял, — сказал я, — скрипачи вы мои одухотворенные, чувствительные! Ладно, приступайте. Мне все равно где работать, лишь бы не работать. В смысле, я же лорд, должен лордствовать, а не...

— Мы все сделаем быстро, — пообещал он. — В кабинете можете побыть еще полдня, мы сперва спальню, обычно туда бьют чаще, там легче застать врасплох...

— Не спешите, — ответил я великодушно. — Делайте добротню. Мы пришли сюда надолго. А если и уйдем, то унесем половину Сакранта.

Он развел руками.

— Уж простите за хлопоты... Но если маг достаточно сильный, он сумеет вскоре продолбиться... И тогда здесь появятся те, кого вы совсем не хотели бы видеть.

— Да понимаю, — пробормотал я. — Не совсем уж и тупой.

Он сдержанно улыбнулся.



— Вы не тупой, ваше высочество, потому мы за вами идем так охотно. Не только потому, что вы дали нам защиту и оказали расположение и покровительство. Это слабые нуждаются в ней, а сильные... обходятся, скажем мягко. Но вы, хотя и не маг, магией пользуетесь вполне спокойно, не чувствуя себя предателем, отвергающим веру в Господа.

— Да я такая свинья, — согласился я, — все жру.

— Лишь бы на здоровье, — ответил он безмятежно. — Сейчас уберем остатки защиты прежних хозяев... и поставим новую. Уже привязанную к вам. Сейчас здесь уязвимо, будьте начеку.

Я сказал по возможности беспечно:

— Я и так стараюсь ночевать в чужих постелях.

Он сдержанно улыбнулся шутке, кивком указал на бесстыдно дрыхнущего Бобика.

— Если этот то... о чем в Регистре Альтера... ну, вы должны помнить, он учует любое появление чужих.

— Он чует, — ответил я сдержанно. — И не раз спасал мою драгоценную шкуру. Но я не хотел бы, чтобы вся защита лежала на хрупких плечах мой ласковой собачки.

— Хрупких? — спросил он с сомнением.

— Он может не успеть, — напомнил я, — если увлечен чем-то интересным... например, на кухне. А защита должна срабатывать сама по себе! Сперва сигнальная система, потом пассивная защита... ну там бронированная комната, захлопываются окна и двери, затем огнеметы бьют точно в цель... Или что у вас есть получше и понадежнее.

Он посмотрел на меня с уважением.

— Ваше высочество, вы обнаруживаете такие глубокие познания в магических системах охраны...

— Жизнь такая, — буркнул я. — Чем выше взлетаешь, тем больше тебя видит стрелков. А телохрани-

тели... сами знаете, это от пьяного дурака, что захочет тебя палкой по голове, но не от меткого стрелка из дальнобойного лука.

Он проговорил со значением:

— Как-то не верится, что вы вот так беспечно ходите без доспехов, в одной рубашке... чисто по дурости.

— Совершенствуется меч, — ответил я уклончиво, — совершенствуется и щит. И так все время, обгоняя друг друга. Я не уверен, что моя совершенная защита сегодня останется совершенной и завтра. А то и сегодня к вечеру.

Он поклонился.

— Ваше высочество, я счастлив служить именно вам. Можно начинать?

— Да, — ответил я и вышел в коридор, там двое уже немолодых мужчин в длинных одеяниях монашеского вида торопливо поклонились. — Приступайте, ребята!

Глава 13

В малом зале на втором этаже солнце проникает через узкие окна ослепительно яркими и почти весомыми прямыми лучами, широкими, как балки, а от них по полу пролегли такие же огненные полосы, расчерчивая зал на равные части.

Маги толпятся в королевских покоях, я вернулся в кабинет, настроение тягостное, сам загнал себя в эту нелепую ловушку, захватив Генгаузгуз. Просидеть зиму здесь невыносимо...

В ожидании, когда явятся маги и попрут меня и отсюда, начал создавать фужер новой суперизящной формы, что, похоже, становится моим дурацким хобби, а хобби все дурацкие.



Вообще-то в моем детстве была пара фужеров, очень простых, но намного более красивые видел у друзей, а вообще прекрасные как-то зрел в музее за бронированным стеклом, настоящие шедевры, и сейчас, восстанавливая их в памяти черточку за черточкой, заставлял возникать в своих ладонях эти чудесные выверты, поправлял, удлинял ножки, отхрустальничал у некоторых грани, а другие, напротив, старался истончить так, чтобы даже женщины страшились взять их в руки из-за кажущейся хрупкости.

Наконец удалось создать такой, что сияет недосягаемым совершенством, на высокой ножке, изящный, сверкающий холодной гордой красотой, словно ледник на вершинах гор, куда никогда не попасть, где никто и ничто не осквернит его совершенство...

Асканделла, стукнула мысль в голове. Она такая же, как этот драгоценный фужер. Холодная, прекрасная и такая же далекая, как те ледники.

Я поморщился, вот так шас и полезу к тем ледникам. Я, может, и дурак, но не сумасшедший. А если и сумасшедший, то не до такой степени. И сегодня назло пойду в постель к Джоанне.

Рассердившись, пошел искать комнату, занятую Альбрехтом. В коридорах сумрак, несмотря на горящие светильники.

Альбрехт сидит на корточках у старинного шкафа с толстыми томами на полках, а справа и слева на полу целые штабеля фолиантов и манускриптов. Но при кажущейся неразберихе все-таки самые толстые и массивные, что в медных или латунных переплетах и на петлях, аккуратный и педантичный граф расположил внизу, а сверху как те, что в деревянных переплетах, обернутых дорогой кожей с золотым тиснением, так и небольшие томики, созданные для женских рук дамы высшего света.

Там же на полу один фолиантище, огромный, как дверь, граф как раз с трудом перелистывал обеими руками страницу, опасаясь повредить хрупкий и наполовину истлевший от времени лист.

— Ага, — сказал я с порога, — нечестивые привороты ищите, граф?

— Отвороты, — поправил он. — Все думаю, как отвернуть... Или увильнуть, как правильнее?

Я молча прошел к ближайшему креслу, еще полдень, солнце царствует в морозном воздухе, но закат уже близок: зимние дни коротки, зато ночь длинна.

— Переведите дух, — посоветовал я, — а то подумаю, что знали о моем приходе и выказываете рвение...

— Чуял, — поправил он. — Мы здесь, как муравьи, что чувствуют приближение грозы или землетрясения. Как только вы приближаетесь, меня всего трясет...

Я создал бокал с вином, затем еще один и сунул его Альбрехту. Если его и трясет, то где-то глубоко внутри, но руки явно не трясутся, а взор ясен.

Он устроился по моему жесту в глубоком кресле напротив, непривычно расслабленный и благодушный, явно старается разблагодущничать меня, чувствует мои напряжение и скрываемую злость.

Я старался ощутить мир в ярком свете, все-таки все краски резкие, яркие, без полутонов, даже вино в моем бокале бодрит, хотя обычно у меня от него наваливается некоторая сонливость.

Альбрехт, откинувшись в кресле, не пьет, а смакует, отхлебывает даже не глотками, а как бы выбирает по капле. Я ему создал коньяк, самый старый из тех, которые когда-либо пробовал, сам в них не вижу вкуса, слишком крепковат, но для луженых глоток он в самый раз, а у графа, судя по его блаженному виду, именно такая.



— Перерыв на зиму? — спросил он медленно и лениво. — До чего же прекрасное вино... особенно в это время.

— Перерыв, — согласился я.

От камина идут жаркие волны тепла, багровые сполохи играют на стенах, соперничая с солнечным светом.

— А что потом? — спросил он. — Мы в центре враждебной страны. И не просто чужой, как Ламбертиния или Мезина! Здесь замешана религия, вот уж чего не люблю...

— Я тоже, — признался я. — Но что делать? Что имеем, то имеем.

— А если Мунтвиг все же начнет осаду? — спросил он. — Хотя это и невероятно трудно?

— Не знаю, — ответил я честно, — но у меня есть печальный пример другого полководца, который провел бесчисленное количество сражений и ни одно не проиграл, так вот он тоже надеялся успеть провести молниеносную войну.

— И как, получилось?

— Он собрал самую огромную, — объяснил я, — по тем временам армию, что-то типа шестьсот тысяч солдат...

Альбрехт охнул и опустил фужер:

— Сколько-сколько?

— Да-да, — подтвердил я, — сейчас такое невозможно, а он собрал и — двинул в поход. Но до зимы не успел сломить противника, сказались большие расстояния и отсутствие дорог, которым славилось то королевство. Правда, нанес ему жесточайшее поражение и захватил главный город, но отступающий император отказался сдаться, а зимой не воюют, и вторгнувшийся в чужую страну величайший полководец поневоле испытал это на себе.

Альбрехт спросил с жадным интересом:

— Как?

— Вся исполинская армия погибла, — ответил я, — а сам он едва-едва успел удрать...

Он некоторое время молчал, с задумчивым видом поворачивал в пальцах тонкую ножку фужера.

— Все, — спросил он приглушенным голосом, — это все шестьсот тысяч?

— Да, — ответил я. — Не знаю, где именно Мунт-виг застрял, но явно же там просидит до весны.

— Тогда почти до лета, — уточнил он. — По весенней грязи передвигаться еще хуже, чем по снегу.

Я долил ему вина, он кивнул с благодарностью, мы сейчас не лорд и его вассал, а старые друзья.

— А когда земля подсохнет, — сказал я, — сюда подойдут и мои армии. Но у меня не война с Мунт-вигом в голове...

Он внимательно поглядел поверх края бокала.

— Понимаю.

— И как?

— Стараюсь об этом не думать, — ответил он медленно. — В церквях пока спокойно, но весной будет наплыв. Все-таки конец света... пусть не окончательный и бесповоротный, но конец всем королевствам в том виде, в каком они есть. Нельзя надеяться, что потом выйдем из пещер и все восстановят... В некоторых местах лавой зальет все, никто не выживет даже в самых дальних и глубоких пещерах. Они просто не смогут пробиться наверх.

Я невольно передернул плечами.

— Жуткая смерть.

— Да, — согласился он, — однако же хотя все об этом знают, но живут так, словно никакого Маркуса вообще не существует. Как живут все звери, не подозревая, что когда-то умрут. И, по-моему, это единственно правильно. И вам так советую.



Я молча рассматривал поверхность стола. Там медленно появилось блюдо с сахарным печеньем, а потом рядом словно из тумана проступила пара шоколадок в цветной фольге.

Альбрехт наблюдал с интересом и некоторой завистью.

— А это стоит того? — спросил он.

— Чего, граф?

— Вечной души, — пояснил он. — По-моему, это все-таки не от паладинства, а чистейшая магия. Или не чистейшая, что еще хуже.

— Имеете в виду, — переспросил я, — что гореть мне в аду?

— Да, — ответил он. — Вечные муки, знаете ли...

Я подумал, переспросил:

— Вечные? Я как-то думал, что до Страшного суда. Ад — это что-то вроде предварительного заключения. А когда протрубят архангелы, когда Иисус возглавит Страшный суд, он уже и будет определять, кого куда, взвешивая его добрые и недобрые поступки.

Он криво улыбнулся.

— Ну, судя по всему, Страшный суд уже скоро, если летом появится беспощадный Маркус... С другой стороны, думаю, вам и ад не страшен.

— Думаете? — спросил я. — Вообще-то, если собрать все переделки, в которых я побывал...

Он покачал головой.

— Нет, я имею в виду совсем другое.

— Граф?

Он посмотрел на меня в упор смеющимися глазами.

— Вы политик, сэр Ричард. А политики — люди осторожные и предусмотрительные. Думаю, если вы еще не установили доверительные отношения с хозяевами ада, то дело к тому идет...

— Сплюньте, граф, — сказал я сердито. — Меня из паладинов тут же вышибут, а это для меня дорого и свято, как первая любовь!

Он сказал с сочувствием:

— У вас она уже была?

— И не один раз, — сказал я хвастливо. — А вообще-то, если честно, она всякий раз... первая, что ли? Я бывал влюблен не один раз. Страстно и безумно. Надеюсь, это все перегорело, а кто сгорел, того не подожжешь.

— Первая любовь, — сказал он, — требует лишь немного глупости и много любопытства. Обычно она приоткрывает смысл второй... Но вы ловко увильнули от вопроса насчет связей с адом.

Я насторожился, спросил в упор:

— Граф, вы на что-то намекаете конкретное?

— Нет, — ответил он с деланным испугом, — упаси Господи! С вами понамекаешься!

— А не на конкретное?

Он вздохнул.

— Да так... Рыцари, что ездили с вами в полночь на Проклятое Болото, рассказывают, что к вам в столбе адского пламени приходила на свидания дьяволица прямо из самых, так сказать, глубин. Одни говорят, что главная, другие — ее помощница, а когда вы вернулись оттуда, от вас несло серой сильнее, чем от самого дьявола.

Я расхохотался.

— Понятно, мои лорды, ревнуя к славе сэра Растера, стараются и мне что-то придумать эдакое... интересное.

— Придумать? — пробормотал он. — Кстати, тот маленький Растер, ваш сын от великолепной Федды, станет ли наследным вождем племени троллей? Наверное, стоит об этом подумать...



Я дернулся, когда он упомянул Федду, она даже с точки зрения троллей страшновата, но Альбрехт лениво прихлебывает коньяк, смотрит в сторону и просто ведет дружескую и ни к чему не обязывающую великосветскую беседу.

Я сказал нервно:

— Граф, что вы все о деле, о работе, о наших нелегких обязанностях быть людьми на этой планете?.. Вам что, коньяк не нравится?

Он ухватил фужер обеими руками и прижал к груди.

— Нравится, сэра Ричард, нравится!.. Все, молчу как рыба. Даже как две рыбы! О Федде не вспомню больше, хотя я и в тот раз не о Федде, а о маленьком зеленоморденьком Растере... все-таки мы, рыцари, должны в первую очередь защищать детей, потом женщин, а остальных... ну там в конце.

— Граф, — сказал я строго.

Он вздохнул.

— Молчу-молчу. Хотя это могло бы способствовать их консолидации... в ваших интересах. А если еще и объявить его будущим королем троллей... под вашим мудрым вассалителем, естественно, это вообще решило бы ряд важных проблем.

— Граф, — сказал я, — о чем бы мы ни заговорили, вы всегда преподносите что-то неприятное.

— Простите, — сказал он виновато, — но когда вы заговорили про первую возвышенную любовь, я вот так сразу и подумал про Федду... Что, не угадал? Еще раз простите, но насчет той дамы из преисподней я еще не имею достаточно сведений, однако восхищаюсь вашей способностью политика совмещать приятное с полезным и весьма даже нужным.

— Граф, — сказал я настойчиво, — не думаю, что так уж обязательно попаду в ад.

— И я не думаю, — воскликнул он. — Просто вы, как политик, и на той стороне заводите нужные связи... ну, я уверен.

Я посмотрел на него молча тяжелым взглядом. Альбрехт умен и проницателен, но в этот раз меня переоценил. Я не завожу эти связи, они сами как-то заводятся.

— Давайте угощу вас кальвадосом?

— Название звучит благородно, — ответил он заинтересованно. — Кто пьет такое вино?

— Гм, — сказал я, — лучше попробуйте вот этот выдержанный виски.

И все-таки Альбрехт даже заплетающимся языком продолжал рассуждать о разрастающихся территориях, когда другие после первых же глотков коньяка начинают заинтересованно оглядываться, в надежде увидеть женщин.

Лично моему высочеству, объяснял он тяжеловесно, везде не наскакаться, да и не дело это, уважать перестанут, а так до дальних земель все мои распоряжения будут доходить по полгода. А зимой, как вот сейчас, все вообще обо мне будут забывать, и чтобы напомнить, нужно всякий раз летом снаряжать армию, но это трудоемко и дорого.

— Естественно, — говорил он неспешно, — различного надзора нет, то все указы будут исполняться так, как угодно местным лордам, а не далекому королю... пусть уже королю.

Я зыркнул с подозрением, но поправлять не стал, буркнул:

— А я и не собираюсь выводить из захваченных территорий войска.

— Точно?



— Абсолютно, — отрезал я. — Или вы думаете, Макс восхочет объявить себя королем где-нибудь в Аганде?

Он сказал с удовольствием:

— Ах, мы побываем и в Аганде?

— Это я так, — ответил я, — к слову пришлось.

— Я так и понял, — сказал он. — Макс не поднимет мятеж, но кто-то возжелает, люди честолюбивы не в меру. Однако подавлять силой — это вызывать еще больше недовольства. Крестьяне обычно все-таки преданы своему лорду, начнут сопротивление, а вам только народных волнений не хватало.

Я понизил голос:

— Граф, к нам идет первая тысяча рыцарей братства Ордена Марешаля. Герцог Готфрид получил не только право, но и указание открывать отделения Ордена во всех королевствах и во всех местах, где это возможно.

Он посерьезнел.

— Орден Марешаля? Да, это... это возможность. Однако... гм...

— Кто будет контролировать сам Орден? — спросил я.

Он наклонил голову.

— Вы проницательны, ваше высочество.

— Спасибо, — ответил я. — У них есть Устав и Правила. На мой взгляд, они совершенны... на сегодняшний день. Совершенны тем, что предусмотрена прозрачность действий Великого Магистра и его конклава.

В дверь постучали, через мгновение заглянул Зигфрид.

— Ваше высочество, вы велели напомнить о времени обеда!

— Что, — спросил я, — уже накрывают?



— Уже накрыли, — сообщил он.

Я торопливо поднялся.

— Пойдемте, граф. Не люблю заставлять себя ждать.

— Поторопимся, — ответил он, — не люблю смотреть, как в тарелки капают слюни.

Глава 14

В большой зале горят все люстры, огромный длинный стол накрыт белой скатертью, но мы заняли его лишь на четверть, дальше пусто. Герцоги Мидль, Сулливан, Клемент, Макс и Норберт все встали и поклонились.

Я ответил величественным и одновременно дружеским наклоном головы, уже умею вкладывать в это движение оба смысла, прошел к своему тронному креслу.

Справа такое же остается пустым, но едва я подумал, что можно сюда посадить кого-то из герцогов, в дверном проеме появился принц Сандорин с принцессой Аскланделлой, словно там стояли в ожидании, когда появится этот несносный Ричард, ибо появиться раньше него — это признать его выше по титулу.

Сандорин держит руку на отлете, принцесса величественно шествует в яре от него, опираясь на его вытянутую в ее сторону руку одними кончиками пальцев, чисто церемонный жест, и если поскользнется, то ухватиться не успеет точно...

Я представил себе, как брякнется на пол, жизнерадостно и счастливо заулыбался, сказал ликующе:

— Принц! Как мы все счастливы, что вы сумели доставить на обед несравненную принцессу Аскланделлу... э-э... я имел в виду привести, то есть сопро-



водить, не людоеды же, в самом деле, хотя, конечно, в некотором смысле... гм, сопроводить дивную дочь далекого и загадочного императора Вильгельма!..

Когда они приблизились, я встал, мои полководцы тоже встали и почтительно поклонились. Сандорин цветет, словно кланяются ему, но когда подошел ко мне, учтиво склонил голову и замер.

Я протянул руку Аскланделле, она позволила подвести ее ко второму тронному креслу и усадить, после чего я еще раз поклонился и вернулся на свое место рядом.

Все это проделывалось молча, медленно, каждый жест и движение исполнены смысла и величия, у государственных деятелей все должно соответствовать, а как же иначе.

Всем подали кубки из серебра и золота, украшенные изумрудами и рубинами, а перед нами, моим и ее высочествами поставили фужеры из настолько тонкого стекла, что у самого до сих сердце вздрагивает, едва слуга начинает наливать вино толстой струей, вдруг да стенки не выдержат напора и тяжести.

Я наделал их в запас, просто не мог удержаться, выказывая себе же свое новое умение. Казалось бы, чего проще, простое стекло, это создавать вино и мясо, должно быть, трудно, но у этого процесса сотворения свои законы, вино я пробовал не однажды, мясо вообще ел почти каждый день, а такие дивные фужеры держал в руках только один раз в жизни на свадьбе одного моего зажиточного друга, если не считать то любованье в детстве на шедевры за бронированным стеклом.

Герцог Клемент прогудел мощно:

— Ваше высочество, какой пир без вашего тоста?

Альбрехт уточнил:

— Можно программную речь. Все-таки мы здесь застряли надолго, как всем нам кажется.

Я взял фужер и поднялся во весь рост, все сразу обратили на меня взоры и перестали переговариваться. Даже Аскланделла повернула голову и устремила на меня равнодушно-холодный взор.

Я сказал возвышенно:

— Мы несем миру и народам свободу, равенство и братство... в общем, войну!.. В смысле, я хотел сказать, войну за наши выстраданные поколениями светлые идеалы гуманизма и человечности! Войну идей, мнений, по жестокой и неприятной необходимости подкрепленную мирскими ударными армиями рыцарской конницы, лучниками и копейщиками, а также сопровождающими прочими мелкими неприятностями, на которые мужчинам и обращать внимание не стоит, как то: пожары, грабежи, изнасилования, беспричинные убийства и убийства просто ради веселья, ведь жизнь бывает настолько мрачная, что обязательно надо добавлять в нее искры развлечений, не так ли?

Все слушали со вниманием, даже Аскланделла явно ожидала, что тост будет за нее, а сказать есть что: за красоту, за скромность, за великолепие.

Альбрехт поднялся с кубком в руке и сказал со страстью:

— За свободу, равенство и братство, как точно и емко сказал наш сюзерен!

Клемент прорычал довольно:

— Мне нравится такая война идей.

Герцог Мидль, как самый гуманный, сказал мягким голосом:

— Беспричинные убийства ради веселья осуждать проще всего, но ведь в городах часто дают представления бродячие и местные актеры, устраиваются фестивали, празднества, шествия священников со святыми дарами, а чем развлекаться в армии? Разве что сдирать с пленных кожу, начиная с пяткок...



— Или сажать на кол, — сказал Сулливан, — тоже обычно смешно.

Аскланделла поморщилась, сделала глоток из фужера, произнесла ровно:

— Прекрасное вино. Уже разграбили все винные погреба короля?

— В провинции, — сказал я, — и дождь — развлечение. Потому мы и стараемся скрасить здесь будни, как точно сказал герцог Мидль, хоть какими-то развлечениями. Вино входит в их число.

— Ваша речь была тоже прекрасна, — заметила она. — На красивых речах экономится правда. Вы в этом, как я успела заметить, мастер. Однако, принц...

— Ваше высочество?

— Заговорив, — произнесла она невинно, — мы открываем не рот, а голову.

Я поперхнулся, зараза все-таки уела, причем довольно точно.

— Дорогая принцесса, — ответил я, — чтобы вас действительно развлечь и несказанно обрадовать, расскажу-ка вам о последней своей неприятности...

Она покачала головой.

— Не стоит.

— Почему?

— Просто услышу очередное бахвальство, — сообщила она. — Любимым развлечением мужчин, детей и прочих зверей является потасовка, а в вашем случае — нападение на мирные королевства севера, грабежи, убийства, сдирание кожи с живых людей, что у вас считается развлечением!.

— Ага, — сказал я. — А Мунтвиг к нам шел, значит, с цветами?

— Он нес в ваши дикие и невежественные страны, — сказала она с жаром, — свет истинного учения Христа!

— Христос сказал, — напомнил я, — кто к нам с мечом придет, тот и огребет. Ваше высочество, попробуйте вот этот сыр... Дивный вкус! Особенно для северян.

Она в самом деле взяла ломтик и сжевала, как коза капустный лист, с явным удовольствием.

— Вы правы, — ответила мне с подобием милостивой улыбки. — Вкус восхитительный. У нас тоже пастухи чем невежественнее, тем лучше делают сыр. Интересно, правда?

— А еще у вас, — заметил я, — чем больше жену бьют, тем суп вкуснее. Войны способствуют обогащению культур! Вы у нас научитесь, как делать такой сыр с тонким вкусом, а мы научимся бить женщин.

Она возразила с достоинством:

— У нас не бьют женщин! По крайней мере, постоянно.

— А, с перерывом на обед, — сказал я понимающе. — Но ведь даже в Сакранте нет других развлечений, кроме греха и религии, так чем еще разнообразить жизнь, как не бить жену? Представляю, что дальше на севере... или империя Вильгельма на диком... э-э... очень даже просвещенном западе?

Она покосилась на свой фужер, он снова полон, хотя отпила почти половину.

— У нас не доливают, — заметила она с едва прикрытой насмешкой.

— У вас не будем, — согласился я.

Она нахмурилась, я запоздало ощутил, что это можно рассматривать как угрозу экспансии в земли империи Вильгельма, женщины все понимают не так, как люди.

— Гореть вам в аду, — заметила она.

— Уже горю, — сообщил я.

Она посмотрела с вялым интересом.



— Мое присутствие для вас ад?

— Жар, — уточнил я. — При виде вас меня бросает то в жар, то в холод, а иногда просто есть хочется. Кстати, как вам наше вино?

— Ваше? — спросила она. — Награбленное по дороге вряд ли можно называть своим. Хотя понимаю, отнятое, украденное или похищенное всегда для мужчин слаже... Но ваш вопрос неуместен, принц.

— Ах да, — сказал я виновато, — простите, ваше высочество. Действительно, у нас на Юге женщины пользуются большей свободой, потому я сглупил, задав такой некорректный вопрос. Простите великодушно. Вы ведь великодушны?

Она взглянула строго.

— До известной степени, принц.

Беседуя с нею, треп вообще-то легкий и ничего не значащий, я прислушивался и к разговорам за столом. Принцесса права: раскрывая рот, мы раскрываем голову, а за крепким вином выбалтывается то, что человек предпочел бы сохранить. Но мои полководцы настолько мне преданы и верны, что иногда становится просто неловко, будто что-то украл у них.

Она снова сделала глоток, а я тут же нарочито долил, подчеркивая, что нам насрать на правила этикета, принятые в империи Вильгельма.

Аскланделла все замечает и понимает с полупамятки, и это приняла с великодушием взрослого, которому понятны все бунтарские побуждения ребенка.

— Ваше высочество, — сказал я, — все сюзерены — тираны, все подданные — бунтовщики в душе. Это я так вот неуклюже стараюсь оправдаться. Вы в какой-то мере мой сюзерен... не потому, что дочь императора, а потому, что красивая женщина. Мы все ваши подданные в этом странном смысле... а я не хочу быть даже вашим подданным, да вот что-то не получается, но я, правда, стараюсь...

Она чуть наклонила голову, стараясь понять смысл, я завернул так завернул, сам недопонял, произнесла так же ровно, словно скользит по глади замерзшего озера:

— У вас это хорошо получается, принц.

Я посмотрел на нее искоса.

— Вы меня похвалили или обругали, ваше высочество?

— Не буду вас унижать, — заметила она с легкой улыбкой, — объясняя очевидные даже для человека войны вещи. Не думаю, что вас так уж долго били по голове, что вы стали совсем уж... Говорите вы вполне красиво, хотя и бессвязно... Какое дивное печенье! Нужно ваших поваров переманить к нашему двору.

— Даром отдам, — сказал я пылко. — И сам с ними поеду!

Она произнесла с подозрением:

— Нет уж, спасибо.

— Вы не так поняли, принцесса, — сказал я. — Просто из кожи вон лезу, чтобы вам было удобствено и галантерейно. Надеюсь, здесь мы окружили вас всевозможной заботистостью, и в этом дворце... честное слово, здесь такие дворцы!.. Вам все же удобнее, чем в шатре или на спине коняки.

— Благодарю за редкую заботу, — ответила она. — Вы меня удивили, ваше высочество.

— Да что вы, — сказал я галантно, — для меня это раз плюнуть. Здесь, возможно, вам что-то покажется знакомым.

Она приподняла брови.

— С чего вдруг?

— Не знаю, — признался я. — Границы держав часто колыхает из стороны в сторону, как белье на веревке. Может быть, эти земли совсем недавно были



владением вашего батюшки? Он ведь сосед империи Мунтвига? Или не совсем?

Она произнесла холодно:

— Намекаете, что Мунтвиг отвоевал у императора Вильгельма часть земель?

— Что вы, — сказал я испуганно, — я совсем не хотел вас оскорбить предположением, совершенно диким, разумеется, что на свете есть кто-то сильнее вашего отца! Просто... вдруг само так получилось? Сегодня граница здесь, а завтра вдруг там? Или точнее, вчера там, а сегодня... гляди-гляди!.. Уже здесь! И как она перебежала... Да ладно, не пытайтесь вспомнить, это же совершенно неважно. Что границы, земли, золото, драгоценные камни!.. Самое главное украшение, кто бы подумал — чистая совесть! И вы не подумали? Я так и решил...

Она поморщилась.

— Принц, вы говорите очень... много.

— Это плохо? — спросил я с любопытством.

— Смотря для кого, — ответила она тем же холодным ясным голосом. — Но пробалтываетесь чаще, чем если бы помалкивали.

— Ого, — сказал я с тревожным любопытством, — в чем же я проболтался?

— Так я и скажу, — отрезала она мстительно. — Это оружие в умелых руках, принц!

Я поинтересовался мирно:

— А зачем вам против меня оружие, принцесса? Мы разве воюем?

Мне показалось, что впервые чуточку смешалась. Во всяком случае, микроскопическая задержка подсказала, что к такому простому и наивному вопросу не готова.

— Мужчины и женщины всегда воюют, — ответила она, умело переводя разговор в плоскость галантереи. — Одни грубо, другие галантно, третьи вообще...

— Ах, — сказал я, — вы в такой перпендикулярной плоскости! Это другое дело, но даже так не хочу с вами воевать, принцесса. Ни штурмом, ни осадой... более того, сам сдаюсь вам в плен. Хватайте меня и по праву победителя... гм... в общем, я в полной вашей власти, наслаждайтесь победой грубо, зримо, в меру богатой фантазии дочери императора!

Она оглядела меня с головы до ног, подумала и произнесла убийственно равнодушным тоном:

— Принц... мне вас и в плен не надо.

Глава 15

Пир продолжался, а когда я вышел проветриться, прибежал маг от Хреймдара и сообщил, что завтра закончат с защитой моих покоев, а сегодня мне хорошо бы провести ночь... ну, в других апартаментах.

— Ладно-ладно, — ответил я, — не спешите, делайте добротню. Постель не роскошь, а средство общения, так что я могу позволить себе кое-что с вполне как бы чистой совестью. Если ночую не дома, то я по делу!..

Он поклонился и сказал с улыбкой:

— Ключ к сердцу женщины надо держать постоянно на связке. Спасибо, ваше высочество!

— Вам спасибо за возможность, — ответил я. — Нам всем ее только дай.

Пока я размышлял, где провести ночь, над такими проблемами мы все размышляем особенно охотно, из пиршественного зала вышел Альбрехт, увидел меня, остановился.

Я махнул ему рукой.

— Не влезает?.. Топайте сюда, граф.

Он подошел, поинтересовался:

— Что прикажете, ваше высочество?



— Император Траян, — напомнил я, — не разрешал исполнять приказы, данные после долго затянувшихся пиров.

— Значит, — спросил он, — все, что скажете сейчас, можно считать пьяной дурью?

— Граф, — сказал я с укоризной, — ну что вы, право... И поумничать с вами нельзя. Понятно же, что это относится к другим, а не ко мне. Я — приятное исключение из общей массы вообще-то глупого человечества. Вы во дворце как, освоились?

— Увы, — ответил он, — без фрейлин как освоишься?

— Да, — согласился я, — здесь это сложнее. В Геннегау как-то получилось сразу. Почти само собой. А здесь как сложно снова привыкать к невинности!

— Пойдемте вот в тот зальчик, — предложил он. — Там тепло и уютно. Камин огромный, явно перепутали, где ставить.

Зальчик оказался уютной комнаткой, хотя и маловатой даже для кабинета, мебель старая, но камин в самом деле полыхает, так что здесь кто-то бывает часто.

Мы расселись в старых потертых креслах, я сразу сотворил по большой чашке крепкого сладкого кофе, Альбрехт принял с выражением благодарности, далеко не всех я угощаю этим магическим напитком.

— Ваше высочество, — произнес он мягко, но весьма напористо, — двое мужчин, обманутых одной и той же женщиной, — немножко родственники, верно? Вы с Мунтвигом не обмануты, напротив, оба стараетесь быть выше противника в благородстве...

Я поморщился.

— Глупые какие-то старания.

— Ничуть, — не согласился он. — К тому же такое соперничество при всей ожесточенности тоже странно роднит, верно?

— Не думаю, — ответил я с неудовольствием. — Граф, а вдруг это не соревнование в благородстве, хотя мы оба предпочтем так говорить и даже думать, а желание избавиться от слишком самостоятельной и уверенной в себе женщины?

— Она принцесса, — напомнил он. — Единственная дочь императора Вильгельма.

— А точно единственная? — спросил я. — Хотя мне все равно. Конечно, Аскланделла не одна такая в мире, но Господь доминантом назначил мужчину, а мужчины не только смиряют коней ретивых и ломают им крестцы, знать бы еще что это, хотя на фига мне такое знать? Правда, мы хорошо знаем и помним всякую хрень вроде того, что у улитки семнадцать тысяч семьсот зубов, но не помним, куда положили ключи.

Он смотрел с некоторым удивлением, стараясь не выявлять его слишком сильно, пробормотал в замешательстве:

— Что у вас за улитки такие...

— Однако Аскланделлу не смирить, — продолжал я, — а попытаться нажать сильнее — опасно, за ее спиной император со всей его мощью. Любит свою дочь или нет, но вступиться обязан, дабы не потерять лицо перед глазами других государей. Те только и смотрят в ожидании его слабости хоть в чем-то, тут же набросятся, и если и не разорвут в клочья, то хотя бы потребуют себе долю побольше, побольше...

Альбрехт проговорил медленно:

— Возможно и другое...

— Ну-ну?

— Мунтвиг попросил у Вильгельма руки его дочери, когда еще не чувствовал своей мощи во всей красе, так сказать.

Я пробормотал:



— Вообще-то он был воинственным королем... и умелым полководцем.

— Ваше высочество, — возразил он подчеркнуто почтительно, — он всегда оставался в тени великого и несравненного Карла.

— Потому и попросил руки Аскланделлы? Дабы укрепить позиции с помощью династического брака с императором?

Он ответил медленно:

— С его стороны это понятный шаг. Но император... похоже, считает Мунтвига восходящей звездой?

— Или у самого, — сказал я сварливо, — трон шатается. Ладно, император нам неважен, а вот Мунтвиг... когда Карл внезапно сошел с дистанции, Мунтвиг понял, что теперь никто не заслоняет дорогу к власти и славе?

— И к императорской короне, — добавил он. — И в этом случае родство с императором Вильгельмом начало казаться не столь важным. Тем более, как вы мудро заметили, ваше высочество... видите, как я умело подлизываюсь, у Вильгельма могли быть свои трудности, нам неведомые, но известные Мунтвигу, как его соседу.

Я буркнул:

— Он все равно желал этого брака, это же династически важно.

— Насколько важно? — спросил он подчеркнуто нейтрально.

Я сказал с неудовольствием:

— Ну, понятно же!

— А мне кажется, — проговорил он медленно, — для него не настолько, чтобы цепляться любой ценой, роняя достоинство.

— Думаете?

Он поморщился:

— Не преуменьшайте достоинств противника, это не только нехорошо, но и опасно, что, конечно, важнее. Мунтвиг — король-рыцарь! Где-то подл и двуличен, он же политик, без этого нельзя, но где-то и блюдет себя, чтобы не уронить честь ни в чужих глазах, ни даже в своих.

— Честь для успешного политика, — заметил я, — может быть обузой.

Он откинулся на спинку кресла и произнес несколько высокопарно, но я ощутил, что вполне искренне, мы же в этом мире живем и разделяем его ценности:

— Кто теряет честь, сверх того уже ничего потерять не может.

Я вздохнул.

— Ну да, Мунтвиг это понимает, потому и подчеркивает свое рыцарство и верность старым идеалам верности и чести... Еще кофе?

— Нет, — сказал он с благодарностью, — спасибо, он так бодрит, что пойду продолжу пировать на всю ночь!

— А я постараюсь тоже найти какое-то занятие, — пробормотал я.

Стражи на четвертом этаже стараются делать морды равнодушно-непонимающие, но по глазам видно, что думают, ну да ладно, пусть думают, тем более что думают правильно.

После разговора с Альбрехтом, так упорно подталкивающим меня к Аскланделле, это как бы то ли назло, то ли чтобы пресечь даже возможность такого альянса.

Дверь долго не открывали, наконец с той стороны испуганный голос пропищал:

— Кто там?



— Тот, — ответил я уверенно, — кто вправе. Ну, вы поняли, принцесса.

За дверью долго шуршало, наконец тот же испуганный и уже дрожащий голос прокричал:

— Открываю, открываю! Засов застрял...

— Могу помочь, — предложил я. — Отойдите в сторону, сейчас двери вышибу.

— Нет-нет, — прокричал голос почти плачуще, — уже подается!.. Минутку...

Дверь приоткрылась, я распахнул ее шире и вошел по-хозяйски, как и положено хаму и хозяину, нечего им тут, мало ли что их дом, не нужно было рождаться королевскими дочками, теперь отвечают за то, что ели и пили на золоте и купались в золотых тазиках, в то время как мы, пролетариат... и так далее.

Джоанна торопливо отпрыгнула, но в лице не страх, а напряжение.

— Жаждались? — поинтересовался я. — Ожидание неприятностей хуже самих неприятностей.

Она спросила неприязненно:

— А вам откуда знать?

— Думаете, — поинтересовался я, — мне везде медом намазано? А где милые Рианелла и Хайдилла?

— В соседней комнате, — ответила она.

— Поздороваться не выйдут?

Она ответила сердито:

— Только если выволочете силой. Они вас боятся.

— А ты?

— И я боюсь, — ответила она, — но кому-то же надо... бояться меньше?

— Хорошо, — сказал я, — у вас тут мило и уютно. Я все за делами никак не займусь вами, дел выше крыши, но сегодня вот меня выгнали из моей спальни, потому и пришел сюда. У вас кровать мягкая?

Она ответила сквозь зубы:

— Мягкая.

— А подушки? — спросил я.

Она процедила:

— И подушки.

— Прекрасно, — ответил я с облегчением, — а то, знаете ли, когда спишь, укрывшись небом, а под головой конское седло, это хоть и романтично, но как-то уж... слишком поэтично. Если еще не лягаетесь во сне и обещаете не стягивать одеяло...

Она воскликнула в ужасе:

— Вы собираетесь с нами спать?

Я изумился:

— А зачем тогда шел?

Она проговорила в замешательстве:

— Как вы и говорите, по праву войны изнасиловать нас... потом, как я понимаю, уйти. А спать... зачем спать?

— В самом деле, — согласился я, — зачем спать? Я всегда злился, что треть жизни уходит на это нелепое состояние. Но, увы, пока без сна никто обходиться не умеет. Потому сразу пообещайте не храпеть и не стягивать одеяло, а то удавлю спросонья.

Она заверила, вся дрожа:

— Да я всю ночь глаз не сомкну!

Я прошел к столу, сделан даже не мастерами, а явно ювелирами, настолько все тщательно, ножки вон в таких аллегорических фигурках, что просто и не знаю, как с такого искусства пыль вытирать...

Кресла тоже с учетом женских вкусов, но удобные, я со вздохом развалился в одном, нужно не забывать подчеркивать, что хозяин здесь я, а то не замечу, как у меня на голове сидит целая орава.

— Садитесь, принцесса, — пригласил я. — Если сестры не желают к нам присоединиться, я еще как не против. Втроем вы меня точно защечечете!



Она осторожно присела на самый краешек, а сама то и дело бросала взгляд, полный недоумения, в сторону роскошного ложа.

Я сосредоточился, на столе появилась изящная хрустальная ваза, заполненная всякими сладостями, на всякий случай создал две чашки с кофе, но принцесса не притронулась к лакомствам, а на черный кофе смотрела так, словно его подали черти прямо из ада.

Кофе хорош, иногда удастся крепче, иногда слабее, все дело в том, что вспомню ярче: вкус арабики или робусты.

Я медленно смаковал, съел пару печенек со смешными мордочками зверюшек, но задержал их перед раскрытой пастью: Джоанна медленно и величественно поднялась, вышла из-за стола и царственно направилась в сторону ложа, гордая в осознании своей великой жертвенности.

Ее сестры по-прежнему прячутся в другой комнате, а она легла на ложе, повернулась на спину и раздвинула ноги.

— Все, — сказала она с ненавистью, — я готова!

— Гм, — проговорил я в сомнении, — может быть... поговорим сперва?.. Вина выпьем? О погоде, о вашем новом платье... с этими... ну, рюшечками.

Она закрыла глаза, бледная и решительная.

— Нет!.. Я хочу, чтобы это поскорее кончилось. Делайте свое мерзкое дело и отпустите меня.

— Да я и не держу, — пробормотал я. — Это вы чего-то требуете, я же просто поговорить пришел... ну, познакомиться, как принято. А вообще-то дело не такое уж и мерзкое, обижаете. Но это так, реплика в сторону.

— Мерзкое!

— Нет...

— И отвратительное, — заявила она твердо. — Начинайте, сэр насильник!.. Топчите меня в грязь похоти, наслаждайтесь моим чистым невинным телом, глумитесь над моим страхом и беззащитностью, смейтесь над моими слезами!

Я со вздохом поднялся.

— Ну хорошо-хорошо, только не кричите на меня!.. Я все сделаю, как вы требуете. Вообще-то я поговорить пришел, кофейку попить, однако я рыцарь, желание женщины для меня закон, а если женщина еще и принцесса, то кто посмеет ослушаться?

Она закрыла глаза, дабы меня не видеть, даже голову повернула в другую сторону. Я подошел, посмотрел, буркнул:

— Подвинься, корова.

Она прошептала со слезами в голосе:

— Оскорблять обязательно?

— Так мне ж лечь негде, — объяснил я. — Мало ли что вам рассказывали нянюшки и воспитатели... вообще-то правильно рассказывали, в нужном направлении, в духе строгого морального кодекса, я это весьма одобряю, сам бы так воспитывал... других.

Она с неуверенностью отодвинулась, посмотрела на меня зло.

— А чего вам вздумалось лежать в моей постели?

— А вот восхотелось, — ответил я нагло, — и заднюю ногу сдвиньте с моей стороны, а то мне совсем места нет.

Она огрызнулась:

— Это совсем не ваше место!

Однако ногу сдвинула, она обнажена почти до самого колена, ну, не совсем до колена, до середины голени, но уже это крайнее бесстыдство и дикая распущенность, если это не ветер виноват, задравший юбку, или вот такой грубый насильник, как мое высочество.



Я с кряхтением лег рядом.

— Знаете ли, принцесса, меня сейчас вытолкали в шею из покоев, в которых я блаженствовал, а все остальные заняты моими полководцами. Идти к кому-то из них можно, но... что обо мне скажут? Я должен заботиться о репутации, как вы понимаете. Хотя у нас не первобытно-общинное, когда обычаи были все еще простые и честные, но в основе своей мы все первобытно-общинные, стремимся к простой искренности, которую заложил в нас Господь, так что, принцесса...

Она прервала зло:

— Что вы меня мучаете непонятными речами? Начинайте насиловать!

— Ого, — сказал я, — вам что, уже не терпится?.. Нет, процедура изнасилования будет проходить по сен-маринскому, а не сакрантскому протоколу! Не навязывайте чуждую нашему мировоззрению и национальным традициям культуру и несвойственную нашей высокой духовности и богоносности.

Она плотно закрыла рот и зажмурилась. Лицо ее было бледным и решительным, отважная девочка, принявшая на себя как переговоры с захватчиком, так и это вот изнасилование.

Я вздохнул и принялся искать у нее эрогенные зоны, начиная с розовых и нежных, как у молодого поросенка, ушек, и напоминая себе, что действовать нужно долго и очень старательно, чутко прислушиваясь к откликам, которые она постарается подавить.

Блин, и здесь работа, которую я всегда старался избежать.

Часть вторая

Глава 1

Я рухнул рядом, грудь бурно вздымается, а дыхание идет со свистом, как у матерого дракона. Джоанна с раскрытым ртом и вытаращенными глазами, из которых все еще бегут слезы катарсиса, лежит неподвижно, только дышит так же часто.

— У вас и коготки, — проговорил я хриплым голосом. — Хотите, принесу ножницы?

Она ответила испуганным шепотом:

— Это я, наверное, от вашего насилия пыталась спастись и... вырывалась.

— Странно, — сказал я задумчиво, — поцарапана спина, а не грудь.

— Я не помню, — прошептала она. — Я думала, что умираю. Нет, не знаю, я ничего не думала. Я просто... умирала.

— Теперь долго жить будете, — заверил я. — Как и я... Если пережил такое, то даже не знаю, что меня может убить вообще.

Некоторое время оба недвижимо лежали рядом, как двое переживших катастрофу и теперь выброшенных без сил на берег, восстанавливали дыхание и приходили в себя.

Я чувствовал смутную гордость, что не поленился, а раскачал эту девственницу на адекватный ответ, хотя мог бы проще, как обычно поступаю, но я же отвечаю за тех, кого приручаю



и насилую, потому и вот так, увы, нет для крупного государственного деятеля ни минуты отдыха, а только работа и работа.

Отдышавшись, она вытерла слезы и, повернув голову, посмотрела на меня из-под приспущенных ресниц.

— Теперь пойдете насиловать моих сестер?

Я подумал, почесался, снова подумал, но получается плохо, кровь что-то не спешит возвращаться туда, где и должна быть у государственного деятеля межкоролевских масштабов, намекает, что сейчас можно все повторить по упрощенной формуле, зря ли старался так усердно, но я напомнил себе, дураку, что лучший способ не портить отношения — это обходиться без них, а если уж не получилось, то свести к минимуму.

Она замерла в ожидании моего ответа, глаза стали испуганными и несчастными.

— Сейчас, — ответил я хриплым голосом, — меня хоть самого насилуй... Отложим ваших сестер.

— Как, — спросила она, — отложим?

— На сладкое, — объяснил я.

Она распахнула глаза, помедлила, а когда заговорила, в ее милом голоске прозвучал настоящий сарказм:

— Изнасилование меня вам показалось горьким?

— Нет-нет, — поспешно возразил я, — это было весьма... показательное. Больше так делать не буду, обещаю.

— Во мне что-то не... такое?

Я заверил:

— Все очень даже сладко, уверяю вас, принцесса... Как будто сожрал большой торт в одиночку. Ваше высочество, можно я вас буду звать Джоанной?

Она подумала, что-то там взвешивала и долго прикидывала, очень рассудительная девочка, несмотря

на потрясение от зверского изнасилования, наконец ответила милостиво:

— Можно, ваше высочество.

— А я Ричард, — представился я. — Будем знакомы... гм... ближе. Теснее, как говорят дипломаты и крупные государственные деятели вроде меня.

— Так что, — напомнила она, — насчет...

— Нет-нет, — сказал я поспешно. — Просто... гм... у меня появилась смутная идея...

— Мне узнать можно?

— Вам все можно, — ответил я. — Понимаю, что если не отвечу добровольно, вы из меня клещами вытащите. Идея странная, но, думаю, знатоков права смогу убедить...

Она повернулась ко мне на бок и смотрела большими блестящими глазами, уже полностью оправившись от потрясения.

— Ну-ну!

— Идея о замещении, — объяснил я.

— А это что?

Я пояснил:

— Если принцесса Изольда смогла подложить вместе себя на первое брачное ложе свою служанку, то старшая сестра точно сможет заменить младших! Я имею в виду, что можно бы изнасиловать вас еще и за сестер...

Она завизжала и, обхватив меня руками за шею, вся прижалась горячим и мягким, как растопленный воск, телом.

— Правда?

— Какая любовь к сестрам, — пробормотал я. — Надо же. Почему везде говорится только о братской любви?.. Даже несмотря на пример Каина и Авеля?.. Погодите, принцесса. Я не сказал, что так и будет.

Она спросила быстро:



— А что вам мешает?.. Я вот! Терзайте меня, упивайтесь своей похотью, делайте все свои гнусности, я разве против?.. Еще как не против! Ведь вы меня уже всем гнусностям этого непристойного занятия обучили?

— Да дело не в вас, — пояснил я. — Сперва нужно посоветоваться со знающими людьми. Вот придет сэр Растер, великий знаток рыцарских обычаев во всех проявлениях и девиациях, тогда все и решим окончательно.

Она сказала с негодованием:

— Но вы же властелин! Вы все решаете! Хотите насилуете, хотите...

— ...вас насилуют, — договорил я, — нет уж, у нас демократия и гуманизм.

Она прошептала в испуге:

— А что это?

— Не скажу, — ответил я, — это стыдно, а вы такая юная и все еще неразвращенная.

— Как, все еще?

— Увы...

— А... когда?

— Я местами демократ, — ответил я с достоинством. — Некоторые особенно щекотливые вопросы не могу решать в одиночку, это сатрапство и абсолютизм, до которого мне еще далеко, к счастью... с месяц, а то и больше.

Она вряд ли поняла, что я сказал, но суть уловила и поинтересовалась практично:

— А в неделю уложиться не можете?

Я признался с неохотой:

— Могу. К сатрапству катиться всегда легче, чем карабкаться к демократии.

Она сказала довольноно:

— Тогда вы сатрап?



— Еще нет, — сообщил я. — Мне и к сатрапству тоже карабкаться, потому что все наше общество в настоящий момент переживает досатрапий период. А вот после долгого периода сатрапства с его необыкновенным расцветом культуры, искусства, науки, просвещения, архитектуры и великих продвижений в сторону цивилизации... начнется демократизация с ее вниманием к запросам простолюдинов, а мы все знаем, что нужно простолюдинам, не так ли?

Она переспросила обалдело:

— А что, им тоже что-то нужно?

— Увы, — ответил я со вздохом. — Начнется резкий упадок культуры, искусства, науки и всего великого, зато будет дозволено все то, что сдерживалось нравственными законами, а это значит, мы тоже можем... ну, все!

Она слушала обалдело и, как любая женщина, что леди только по манерам и поведению, все пропустила мимо ушей, очень ей надо выслушивать это умничанье, сказала со лъстивой улыбкой:

— О, мой лорд и господин, я не могу поверить, что вас, такого сильного, могут остановить какие-то законы.

— Вообще-то нет, — признался я шепотом, — но должно же что-то останавливать?

— И как вы обходитесь?

— Останавливаю себя сам, — ответил я.

Поспать все-таки удалось, хотя лишь под утро. К счастью, мне хватает и двух-трех часов, уж и не знаю, от паладинства это или от Терроса, но предпочитаю считать, что от паладинства, хотя, как известно, Зло никогда не спит вообще.

Она все-таки меня переиграла, эта маленькая отважная принцесса. Если я их повыдаю замуж, все три будут пристроены. Практически все женщины были бы



на их месте довольны... да ее сестры и довольны, видел по их лицам, но она дерзит и сопротивляется, понимает, что если я ее дефлорировал, то тем самым как бы взял под свое покровительство, вот уж досадная обязанность, от которой мужчины сумели освободиться в числе прочих под хитрым лозунгом женского равноправия, который они придумали и провели в жизнь весьма умело, сделав вид, что это женщины сами его восхотели и вот наконец-то добились.

Да, некоторое мое покровительство ей обеспечено, здесь мир пока что странный, за проделанную и довольно утомительную работу я должен еще и расплачиваться, ну да ладно, покровительство не слишком уж, но все-таки, хотя даже это «все-таки» значит достаточно в нашем хрупком неустойчивом мире, где на личностях держится больше, чем на законах.

Под моим покровительством она будет достаточно свободна и независима, а ей этого, похоже, жаждалось больше, чем замужества, пусть даже благополучного.

Заглянул в свои покои, там Хреймдар с двум магами, что поклонились мне с огромнейшим уважением.

Он поспешил мне навстречу, очень довольный, хотя и с красными от бессонницы глазами.

— Ваше высочество, мы заканчиваем, заканчиваем!

— Когда? — спросил я.

— К обеду, — доложил он.

— Терпимо, — согласился я.

— А вообще-то, — сказал он торопливо, — в общем и целом взяли под охрану весь дворец! Даже двор. Никакая нечисть не проникнет за ограду, как и нежить.

Я спросил с недоверием:

— Так уж и никакая?

— Никакая крупная, — уточнил он. — Но, как известно, крупной на всем свете единицы, а мелкой, как сказал некто, — легион.

Оба его помощника боязливо зыркнули, не слишком ли осмелел, ссылаясь на место из Библии, но я сделал вид, что ничего особенного, с учеными нужно особенно высказывать свое свободомыслие и незашоренность в вопросах религии, а Хреймдар, умница, показал им наглядно, что их лорд весьма толерантная личность.

— Хорошо, — сказал я величественно, — действуйте. Зайду после обеда.

Я повернулся уходить, Хреймдар сказал приподнятым голосом:

— Ваше высочество, а не подбросите ли нам что-нибудь из новых загадок?.. Я не для себя, а вот для Андриха и Ховарда, они из крупной школы королевства Бриттия, там только слышали про наши необыкновенные разработки...

Двое алхимиков тотчас же перестали делать пассы и повернулись к нам, лица осветились жадным любопытством.

Я подумал, сказал небрежно:

— Ну... вот вам, к примеру, совершенно новый вид магии, которой можно обучить совершенного любого человека. Ее мощь со временем вытеснит старую и весьма затратную... Смотрите и вникайте.

Они смотрели с жадным вниманием, а я показал всего лишь простейший опыт со статическим электричеством, пояснив, что его можно добыть разными путями, даже погладив кошку в темноте.

— А на свету? — спросил Хреймдар.

— И на свету, — согласился я. — Но на свету плохо видны искорки. Разряды магии!.. Как только овладеете этой мощью, вам по силам будет управлять молниями и грозами!.. Да что там молниями, вы сами будете творить такие, что куда там той мелочи, что сверкает и грохочет в небе.



Все трое слушали затаив дыхание, Хреймдар спросил почти шепотом:

— Неужели это возможно?

— В другое время расскажу больше, — пообещал я снисходительно, — но сейчас у меня дела-дела, все важные и все неотложные.

Глава 2

Важные и неотложные начались с завтрака, однако завтрак государственного деятеля тоже мероприятие большой важности, где частенько решаются те вопросы, которые непросто решить за столом переговоров.

В малом зале накрыли длинный стол, но прибыли только герцог Сулливан и Альбрехт, а также епископ Геллерий, остальные с утра продолжают готовить город к осаде.

Затем появились принц Сандорин и принцесса Аскланделла, единственные бездельники, принц в моем войске на положении полузаложенника-полугостя, а принцесса так и вовсе с неопределеннейшим статусом полубогини, а то и вовсе богини уважаемой, но не признаваемой нами религии.

Принц подвел ее к моему креслу, где я принял из рук в руки, благородные женщины почти лишены права передвигаться самостоятельно, и усадил ее на тронное сиденье рядом со мной справа, а принц занял привычное место рядом с принцессой.

Все это проделывалось в прежнем замедленном темпе, где каждый жест преисполнен смысла и даже значения.

На столы подали блюда из серебра, тяжелые, громоздкие и неудобной формы с множеством украше-

ний в виде завитушек и выпукло-вогнутых фигурок диковинных зверей, смотрятся так себе, а мыть такие — мучение.

Из еды только мясо, рыба и сыр, что и понятно, уже зима, все яблоки съедены. Да и мясо для настоящих мужчин, а не слюняев, что значит — непрожаренное, жилистое, с кровью и жесткое, как подошвы моих сапог.

Пока все обменивались церемонными приветствиями, я торопливо творил на золотом блюде перед Аскланделлой тончайшие ломтики деликатесного мяса, сыра и рыбы.

Аскланделла ничего не замечает, с великодушной улыбкой выслушивает комплименты в свой адрес, хотя у меня создается впечатление, что все-таки замечает, пусть не все, но замечает, императорских дочерей натаскивают с колыбели, они слишком важны, чтобы позволить им жить, как все остальные.

— Ваше высочество, — сказал и я почтительно, — я слышал, принцессы спят до обеда. Это для цвета лица, что у вас просто... ну, замечательный. И ваша интеллигентная бледность, что компенсируется ярким и таким жизнерадостным румянцем на вашем носу...

Она взглянула на меня с тем же прежним интересом крупного ученого на мелкое и примелькавшееся насекомое.

— А что ваши принцессы делают ночью?

Акцент сделан на словах «ваши принцессы», а у них, значит, принцессы особенные, элитные, правильные, но я по своей толстокожести шпильку не заметил, я же человек простой, ответил чисто и жизнерадостно:

— На балах! Танцуют... И порхают. Даже вспархивают. Позвольте вам положить эти ломтики...



— Позволяю, — ответила она, — если только не будете каждый, который съем, комментировать.

— Уже молчу, — сказал я. — Как толстая грубая рыба.

— Молчание, — заметила она с одобрением, — не всегда доказывает присутствие ума, зато доказывает отсутствие глупости.

— Спасибо, — сказал я, — что не ударили.

— Пожалуйста, — ответила она серьезно.

Я перехватил заинтересованный взгляд Альбрехта, хотя он и делает вид, что всецело поглощен бараньим боком на большом серебряном блюде, что опустили прямо перед ним.

— А вы в самом деле своих поклонников бьете? — осведомился я с тревожным любопытством и чуть отодвинулся.

— Вам-то что? — поинтересовалась она. — Вы в их число не входите. И не войдете.

— Как знать, — возразил я. — Человек способен на любые дурости. А вашим поклонником я могу стать и без вашего разрешения.

Альбрехт снова зыркнул быстро и остро, тут же уронил взгляд в блюдо и с энтузиазмом принялся выламывать ребра с прожаренным мясом.

Аскланделла скептически поморщилась.

— Вы им не станете.

— Еще бы, — заверил я и вздрогнул. — И так кругом зима и вьюга!.. Вот горячее мясо со специями, оно горячит кровь и возжигает огонь страстей...

Она прервала:

— Тогда я предпочту рыбу.

— Хотите толстую и грубую? — спросил я. — Ах, не хотите... Фух, с сердца камень... Вот так ляпнешь что-то для красного словца, а потом не расхлебашь. Возьмите филе из форели, изумительно нежное, тает во рту, можно даже беззубым...

Она вздохнула, покосилась на Сандорина, но тот не рискует поддерживать такую беседу, умный малый, соображает, что провинциал, а дурачком для битья быть почему-то не желает, странный какой-то.

Епископ долго копался в своей рыбе, наконец заинтересовался:

— Ваше высочество, насколько я постоянно слышу, да и все это слышали, Мунтвиг вел и ведет яростную и непримиримую войну против магии.

Я ответил любезно, но с некоторой настороженностью:

— Надеюсь, что это так.

— Мне докладывали, — сказал он, — о сотнях ко-
стров, на которых он продолжает жечь колдунов.

Сулливан сказал грохочуще:

— Да, не по одному, ваше преосвященство! Сразу группами. Ха-ха, это чтобы дрова зря не переводить.

— С колдунами Мунтвиг поступает верно, — сказал Геллерий, — однако мы не просто в другом королевстве, а в другом мире! Здесь правит апостольская церковь, а она получает приказы напрямую от императора Мунтвига, который является и главой церкви.

Альбрехт прожевал большой кус мяса, сглотнул и спросил хрипло:

— И что следует?

Сулливан сказал мрачно:

— Ваше высочество, можете ли вы допускать, чтобы Мунтвиг все так же правил на землях, где стоят наши доблестные войска?

Я зыркнул на них обоих, что-то уж очень одинаково говорят, словно исполняют партию на два голоса, явно сговорились раньше или не раз обсуждали ситуацию.

— Все церкви Сакранта получают приказы из резиденции Мунтвига, — сказал Геллерий, а покосив-



шись на Аскланделлу, добавил тише: — Или, возможно, от Его Величества императора Вильгельма.

Я тоже взглянул на нее искоса, но промолчал, а она даже не повела бровью, словно и не слышит недостойных предположений.

Сулливан прогрохотал:

— Я бы апостольские церкви реквизировал под склады. Мне фураж складывать некуда! А они простаивают полупустые. А некоторые и вовсе пустые. Это бесхозяйственно... Ваше высочество?

Я ответил неохотно:

— Вера — дело деликатное. Не стоит обозлять дураков без необходимости. К тому же там не только дураки, но и люди, которые принадлежат к апостольской только потому, что их отцы-деды-прадеды тоже в ней были. Да, по сути, апостольская других не терпит, потому сакрантцы другой просто не знали. А также в ней те, кто не вникает в эти сложные и, честно говоря, неинтересные для простого человека вопросы.

— Таких большинство, — сказал Альбрехт, — с ними будет проще.

— Будет ли? — усомнился я.

— А какая им разница?

— Если навязывать силой, — объяснил я, — то любой, в ком есть капля чести, уцепится за свою сакрантскую, хотя она вовсе не сакрантская. А в римскую перейдут только трусы и люди бесчестные. Нет, только предельная добровольность... а если и нажим, то совсем незаметный. Даже не нажим, а система преференций для тех, кто переходит в римскую веру.

Епископ сказал резко:

— Ваше высочество! У нас есть обязательство перед нашей церковью!

Я опустил на стол нож и ложку, Геллерий смотрит требовательно, и я ответил как можно бладушнее,

все-таки здесь все друзья, однако с твердостью в голосе, потому что это решение сюзерена, а не совет или предположение:

— А у меня есть обязательства перед Богом!.. Всякий сакрантец будет судим только за его проступки, но никак не за убеждения или веру. И вообще судьям отныне запрещаю интересоваться верованиями человека, который пришел искать защиту!

В гробовом молчании, я в чем-то переборщил, в словах или интонации, Альбрехт кашлянул и, разряжая напряжение за столом, сказал чрезмерно живо:

— Кстати, что все-таки с колдунами?

— Здесь можем посоревноваться с Мунтвигом, — ответил я. — Кого упустил он, того выловим мы и сразу же на костер!..

Геллерий кивнул.

— Да-да, с ними никаких церемоний.

— Рыцарство, — сказал Сулливан мощно, — и вообще благородные люди полностью за костры! Народ это любит, хотя иногда и сомневается, все-таки колдуны не только вредят и порчу наводят, виноваты в засухе и падеже скота, но иногда и кого-то лечат... однако кто слушает простой народ?

За столом завязался оживленный разговор, даже вспыхнули споры, а я слушал и мрачно думал, что лапшу насчет абсолютного искоренения магии пусть вешают на уши людям попроще. Я прекрасно знаю, что и Мунтвиг магию использует, но только не в открытую, естественно, это противоречит его лозунгам, а вот так, тайком, словно бы и не он стоит за теми покушениями на мою священную особу...

Это и понятно, если бы оказался таким прекраснодушным фанатиком, то проиграл бы схватку за власть еще раньше, чем мы на своем развращенном Юге слышали это имя.



Но, судя по всему, магия сосредоточена в руках сверхзасекреченной службы, которой он вроде бы и не руководит. Это и понятно, так проще, такие службы не считаются ни с чем для достижения цели, а это противно духу рыцарства, что правит этим миром, какие бы мелкие отступления мы для себя ни делали.

В этом Мунтвиг мне серьезно проигрывает. На тайную службу никто из магов добровольно не пойдет, разве что совсем мелкие, отчаявшиеся добиться успеха в своих гильдиях, если те существуют.

Мне же удастся привлекать и средний уровень, хотя работой не загружаю, а всячески подчеркиваю, что лишь оказываю покровительство их собственным изысканиям.

Осталось сделать заключительный шажок... весьма опасный, правда. Провозгласить терпимость не только к апостольской ветви христианства, но и к магам, объявить, что и магия от Бога, вот только Господь предпочитает, чтобы мы полагались на свои силы, однако он дает человеку свободу выбора.

И ад Господь создал не для того, чтобы наказывать человека, а чтобы его не затаскивать в Царство Небесное насильно. У человека в жизни во всем должен быть выбор, он сам отвечает за свои поступки и не может сказать, как древний грек: дескать, я не виноват, это фатум, судьба, рок, так сплели мойры, против судьбы не пойдешь, все предначертано заранее, все предопределено...

Спохватившись, торопливо создал перед Аскланделлой вазочку с изысканнейшим и нежнейшим мороженым. Получилась горка в виде изящного сказочного замка, такого прекрасного, что даже притронуться — кошунство, однако принцесса взяла серебряную ложечку и принялась есть спокойно и даже

несколько сонно, словно это что-то привычное и уже успевшее поднадоесть.

Вот скотина, мелькнула злая мысль, как умеет держаться, как умеет... Другая бы уже визжала, хлопала в ладоши или, напротив, с воплем выскочила из-за стола, крестилась бы и пряталась за спину епископа, но Аскланделла оправдывает титул императорской дочери, спокойной, ровной и невозмутимой, будь это мороженое на столе или ревущий вулкан под ногами.

— Ваше высочество, — сказал я тихонько, — мне нужно держаться от вас подальше.

— Принц?

— Рискую влюбиться, — пояснил я. — А влюбленный — это всегда дурак.

Альбрехт делает вид, что даже не смотрит в нашу сторону, принц Сандорин на таких пирах и даже обыденных завтраках застенчиво отмалчивается, а принцесса произнесла равнодушно:

— Принц, вы никогда не влюбитесь.

— В вас?

— Вообще.

— Спасибо, ваше высочество, — сказал я с жаром. — Никто мне никогда не говорил таких приятных слов. Сколько я ни видел влюбленных мужчин, все даже выглядят дураками, в то время как влюбленные женщины никогда!

Она преспокойно поглощала мороженое, как корова сочную молодую траву на лугу, ответила после паузы:

— Насчет женщин... не знаю. Влюбленных не видела, сама тоже никогда не буду влюблена.

— Но отец вас уже выдает замуж! — напомнил я.

Она посмотрела с иронией краем глаза, но ответила так же спокойно и даже мирно:

— У королей нет сыновей, а только наследники. Моя роль будет в том, чтобы рожать их мужу. Если



у короля нет сына, то еще при его жизни начинается кровавая гражданская война за трон, что разоряет королевство и делает его легкой добычей алчных соседей... Ну, это я объясняю на тот случай, если вы даже этого не знали.

— Железная логика, — проговорил я упавшим голосом, взглянул на нее и добавил: — У железной женщины... А все мужчины мечтают о слабых.

Она чуть приподняла одну бровь, не отрывая взгляда от вазочки, где замок уже разрушен с одной стороны, две башни исчезли, а у основания третьей ведется подкоп.

— Слабых?

— Кофе не бывает слишком крепким, — сказал я, — а красивая женщина — слишком слабой.

Она произнесла высокомерно:

— Женщина вообще не должна быть слабой.

— Это кто сказал, — поинтересовался я, — Лиутгарда?

Она пожала плечами.

— При чем здесь Лиутгарда? Я признаю, она — выдающаяся женщина. Но это и так понятно.

— Ого, — сказал я с интересом, — правда?

Она повернула голову и прямо посмотрела мне в глаза.

— Принц... Лиутгарда не единственная в мире сильная женщина.

— А что, — поинтересовался я, — сильная женщина обязательно должна быть Снежной Королевой?

Мне показалось, ее ресницы дрогнули, а во взгляде на краткий миг метнулось нечто напоминающее испуг, однако в следующее мгновение произнесла с насмешливым превосходством:

— Снежную Королеву последний раз видели почти двести лет назад. И вообще она появлялась так

редко, что от легенд о ней ничего не осталось, кроме прозвища.

— И даже ее имени не помнят? — спросил я.

— Где-то в древних рукописях, — произнесла она задумчиво, — могло остаться. Но... вряд ли.

Глава 3

Сейчас самыми богатыми, знатными и могущественными являются короли, герцоги и прочие лорды, потом самыми богатыми, знатными и могущественными станут презируемые ныне актеры, но и тогда, и потом самыми низкооплачиваемыми, презируемыми и угнетенными были и остаются ученые, в данное время именуемые алхимиками, магами, колдунами.

Именно они первыми слезли с дерева и вышли из пещер, они создали цивилизацию и продолжают ее совершенствовать, однако даже я, такой вот умный и все понимающий, ни разу не заглянул к ним в обоз, где они ехали в арьергарде, а только иногда вспоминал и велел о них позаботиться.

Сейчас устроены не просто в городе, а в соседнем корпусе дворца. Правда, теперь это не маги, а ученые, для понятности именуемые алхимиками. Маги, люди умные, к переименованию отнеслись с иронией и пониманием, главное, занимаются тем же, изучают тайны природы. А я помню, что церковь ухитрилась испортить отношения не только с магами, но и с учеными, и вообще с наукой, потому заранее постелил соломку в нужных местах.

В первый день они перетаскивали из обоза во дворец все свои драгоценные инструменты и препараты, а затем продолжили свои изыскания, основанные на тех идеях, что я подбрасывал им время от времени.



Двор уже расчищен от снега, это люди Норберта привели крестьян из ближайших сел, кого соблазнили высокой оплатой, другим молча показали обнаженные мечи или начали высматривать деревья с крепкими ветвями.

Так что народу прибавляется, дворец постепенно переходит в обычный режим, догоняя город, который молча смирился и теперь так же терпеливо ждет, будут ли какие-то изменения.

От зданий то и дело красивым галопом уходят со звонким цокотом копыт легкие кони гонцов, увозя распоряжения Альбрехта, рыцари часто избегают по каменным ступенькам на городскую стену, то ли посмотреть вдаль, не видно ли подступающих полчищ Мунтвига, то ли проверить часовых, больше проводящих времени в теплой башне, чем на стенах.

Двери в корпус, где расположились алхимики, высокие, словно здесь разъезжают на конях, хотя вполне возможно и такое, все грубо и по-дикарски мощно, без выкрутасов и мерехлюндий, а в холле и общих залах нет и намека на ковры. Они лишь в главном корпусе, да и то не везде, а в покоях принцесс и в королевских, а также в рабочем кабинете.

Если в Сен-Мари окна по большей части огромные, витражные, с цветными стеклами, изображающими нечто аллегорическое, то здесь только бойницы, предназначенные либо для стрелков из лука, либо для арбалетчиков.

Лишь на последнем, четвертом этаже присутствуют вставки из цветного стекла в виде щитов с королевскими гербами, хотя тем самым портят суровый и мужской вид дворца, что только по названию дворец, а так — просто огромный и добротный сделанный рыцарский замок могучего лорда.

Альбрехт перехватил мой взгляд, ухмыльнулся.

— А вам режет глаз?

— Да, — согласился я. — Вот так и проникает в мир разложение и загнивание, называемое искусством...

Он поинтересовался деловито:

— Убрать?

Я покачал головой.

— Зачем?..

— Там еще и королевские гербы, — напомнил он. — Лишнее напоминание о короле Леопольде. Если помните, был когда-то здесь такой сюзерен. Давно, неделю или две тому.

Я подумал, покачал головой.

— Нет, оставим. Сейчас это прежде всего напоминание о бежавшем короле. Вот если бы он красиво погиб в битве...

— Лучше бы погиб, — сказал он трезво.

— Почему?

— Живой король, — сказал он утрюмо, — может собирать армию. К нему обязательно из чувства благодарности примкнет кто-то из тех, кто с ним раньше спорил.

— Ненависть к чужакам объединяет, — согласился я. — Но что мы можем сделать? Только милосердием и великодушием переманивать на свою сторону. Не забывая, конечно, о палачах и тюрьмах. Мы — возвышенные души, наши головы среди звезд, однако сапоги ступают по земной грязи, а то и по крови. Разумеется, мы должны гордиться таким широким диапазоном своих душ! И мы гордимся. Без этих всяких «... я бы сузил!».

Он вряд ли понял и половину моего умничанья, вздохнул и сказал мечтательно:

— Ваше высочество, наши лорды с таким восторгом вспоминают тот пир...



— Хорошо нажрались, — согласился я. — Снег на фарлонг от дворца пропах вином. Но ты вспоминаешь так, словно с того времени пропорхнул, как воробей, год! И пора вроде бы повторить?

Он покачал головой.

— Нет-нет, я не о том.

Я посмотрел с подозрением, что-то такие улыбочки и предисловия не весьма нравятся.

— Граф?

— Вы двое так хорошо смотрелись на тронах, — сообщил он.

Я спросил достаточно злобно, чтобы он замолчал:

— Мы двое?

Он чуть улыбнулся, понял, но не поддался, а сказал еще жарче:

— Вы и Аскланделла! Несколько местных лордов, допущенных на пир, будут клясться, что вы муж и жена.

Меня передернуло, я еще и отпрыгнул, словно наступил босыми ногами на толстую холодную змею в траве.

— Что?

— Я слышал их разговоры, — сказал он торопливо. — Почему-то они так решили. Наверное, вы в чем-то очень похожи. И вообще, как мне самому показалось, вы к ней относились с известной нежностью.

Я сказал зло:

— Потому что все еще не придушил?

Он проговорил напоминающе:

— Помню, вы так мило ее взяли на руки и внесли в Генгаузгуз, как нечто самое ценное в нашем войске. Это все видели, не только я, клянусь!

Я сказал нервно:

— Я?.. Взял?.. Да она сама ко мне залезла!.. И вообще она не нашего войска!



— Вы это генгауццам скажите, — посоветовал он. — Никто не поверит. Все своими глазами все видели, как вы несли ее на руках от городских ворот через весь город!

— Не через весь, — возразил я. — Да и город в этом месте узкий... И вообще, я же говорю, сама ко мне на руки залезла!

Он произнес многозначительно:

— Но ведь неспроста же...

— Ну да, — подтвердил я, — чтобы удобнее вонзить зубы в мое горло!

Он сказал с сомнением:

— Но мне показалось, вы сами с такой радостью...

— Показалось, — отрезал я решительно. — Это она так подстроила. Мы делаем только то, что они подстраивают! Женщины — это единственная мировая закулиса!

Он развел руками, но лицо стало серьезным.

— Ваше высочество, это я вам как вице-канцлер говорю. Вы еще не знаете, что я вице-канцлер, а к мнению вице-канцлера нужно прислушиваться?

— Хорошо, — буркнул я, — что не канцлер. А то бы вообще...

— Кстати, — полюбопытствовал он, — а кто у нас канцлер?

— Пока такого нет, — пояснил я. — Канцлер — это должность постоянная, а вы еще и граф Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, мой полководец, который может сразу же бросить все и отправиться со мной в поход!

Он сказал задумчиво:

— А канцлер не может?

— Ему нельзя, — объяснил я. — На нем всегда завязано слишком много.

— А вдруг это к лучшему?

Я посмотрел на него с подозрением.



— Дезертировать надумали, граф?

— А вдруг пора? — поинтересовался он. — Нужно выбрать подходящий момент. Вот уже граф, а если еще и канцлерство отхватить... Ваше высочество все равно вот-вот шею сломит.

Я тяжело вздохнул.

— На что человек не готов пойти, только бы предательски подтолкнуть своего сюзерена к женитьбе!

— Ваше высочество, — сказал он, — уверяю вас, и после женитьбы жизнь существует! А нам всем с женатым будет безопаснее!

— Почему?

— Большинство войн и сражений у вас будет дома, — пояснил он. — В семье. На завоевание всяких там королевств времени и сил останется поменьше.

— Если вообще останется, — буркнул я.

— Вот-вот!

— Поводом к женитьбе, — возразил я, — бывает причина. Сейчас я ее не зрю в упор. И вообще, граф, вы меня подтолкнули провести и эту ночь в постели принцессы Джоанны, но я на вас не сержусь, было терпимо, а сегодня, надеюсь, будет намного проще.

Он поморщился.

— И тоже идете потому, что я заговорил про Аскланделлу?.. Ваше высочество, ну что за рыцарская наивность?.. Влюбленность и даже страстная любовь никогда не были помехой династическому браку. А ваши отношения с принцессой Джоанной не назовешь даже... ну, я вообще не стану никак называть. Это интересно, но несерьезно. Мужчины о делах должны думать! А женщины — это так, недумательное.

Ночью, правда, Джоанна все-таки струсила, вдруг да сейчас будет какое-то другое изнасилование, ага, шас, размечталась, мужчины вообще-то консерватив-

ны, особенно когда дело касается подобной ерунды. Изобретательны в постели всякие там бабники, их еще зовут и по-другому, не так книжно и вежливо, но все равно я к бабникам не отношусь, просто наелся — и в хлев.

Но она осваивается удивительно быстро: уже кладет голову мне на плечо, щебечет, рассказывает всякую женскую ерунду, так что ясно, пора сообщить, что третье изнасилование прощаю, как мужчина и христианин, и больше в этой постели не показываться.

Утром она с неодобрением смотрела на мой завтрак: огромную чашку горячего черного кофе, жареные хрустящие и только с огня гренки с нежнейшим козьим сыром. Когда-то делали мне в детстве, до сих пор помню умопомрачительный вкус, потому и воссоздаю с такой точностью.

— Да ты хоть попробуй, — предложил я в пятый раз, — очень вкусно!..

— Нет, — отрезала она твердо. — Тело погубить не жаль, но бессмертную душу? Ни за что!..

— А душа при чем?

— Я добрая христианка, — ответила она с достоинством, — и вообще хорошая женщина.

— Хорошая, — согласился я.

Она взглянула с подозрением в широко распахнутых и еще невинных глазах.

— Это в каком смысле?

— В хорошем, — ответил я дипломатично.

— Знаете ли, принц, — сказала она с той же твердостью, — я догадываюсь, что для вас хорошее не совсем то, что хорошее для хороших людей, а уж для меня наверняка совершенно неприемлемое, недостойное и даже неприличное...

— ...так как вы замечательная, — продолжил я. — Угадал? Как видите, я прекрасно разбираюсь в людях. А как насчет пирожных?



Она подумала, ответила с некоторым колебанием:

— Полагаю, такие удивительные лакомства могут делать только светлые ангелы.

— Точно, — обрадованно сказал я и посмотрел по сторонам, нет ли поблизости зеркала, вдруг да в самом деле похож. — Только они и пекут такое!

— Творят, — поправила она.

— Да-да, творят!

— Потому, — сказала она размышляюще, — не стану отказываться, хотя и считаю себя недостойной таких удивительных даров...

— Джоанна, — сказал я с нежностью. — Вы сами ангел! У вас такая прекрасная женская логика, вы могли бы преподавать ее в образцово-показательных учреждениях.

— Да, — согласилась она, — мне все учителя говорили, что я умная.

— Еще какая!

Она уточнила:

— Зато сестры у меня скромные и богобоязненные, я их очень люблю, но я немножко не такая.

Отказываться не стала также от гренок, сахарного печенья и всяких сдобных булочек, но насчет кофе сдвинуть с христианских позиций не удалось: дьявольский напиток — и все. Подозреваю, из-за страшноватого цвета. Нужно будет как-нибудь закрасить молоком... хотя мне не по фигу ли, что любят или нет женщины?

Они должны любить то же самое, что и мы, иначе это не наши женщины. С такими, с которыми ничего общего, лучше всего вступать в брак, зато и ссориться будет не из-за чего, и можно жить спокойно и счастливо, не обращая внимания друг на друга.

Глава 4

За обедом все так же чинно, Аскланделла восседает в кресле с высокой спинкой, как на троне во время приема послов, царственная и величественная, но блюдо перед нею пустеет так же быстро, как и у меня, хотя я жру в три горла, а она как бы только присутствует, как это только и получается у этих императорских дочек, вот уж муштру прошли...

Альбрехт, озирая обильный стол, заметил с удовлетворением:

— После такого обеда я буду чувствовать себя орлом.

— А не тяжело будет летать? — проворчал Клемент.

— Зачем летать? — удивился Альбрехт. — А вот клевать носом...

Сулливан гулко хохотнул.

— Счастье — это друзья, хороший обед и хорошая женщина. Или дурная — смотря по тому, сколько счастья можете себе позволить.

Принц Сандорин зыркнул на Аскланделлу и пробормотал учтиво:

— Мы счастливы, у нас все это есть. Я имею в виду, все хорошее и самое лучшее.

Аскланделла произнесла с холодком:

— Между рыцарем и дикарем огромная разница, но заметить ее можно разве что за обедом.

— После хорошего обеда, — заметил епископ Геллерий примирительно, — всякому простишь, даже родному брату.

Я время от времени поглядывал не только на Аскланделлу, лорды мои веселятся так, словно битва за город закончилась час назад и все еще не остыли от победной схватки.



Альбрехт снова дотянулся до большого кувшина и со сладострастным видом налил себе полную чашу.

Я сказал предостерегающе:

— Дорогой граф, не налегайте на вино! Вам предстоит сегодня работать, как никогда раньше!

Клемент сказал с сочувствием:

— Тем более что ему теперь хватает одной чаши, чтобы напиться до безобразия. Не то одиннадцатой, не то двенадцатой... А что ему такое предстоит?

— Устанавливать связи с городами, — сказал я. — Хотя этим занимается Рэджил Роденберри, но не стоит все поручать местным, а то наместничают!.. А графу Альбрехту надлежит усилить и углубить отношения с вильдграфом Зальм-Грумбахом и другими, что всегда были в оппозиции к королю Леопольду и не посылали свои дружины в его армию.

Альбрехт возразил:

— Их позиция не значит, что стали дружественны к нам! Напротив, теперь больше поддерживают короля.

— Больше всего поддерживают себя, — уточнил я. — Из этого и надо плясать.

Аскланделла вроде бы и не слушала чисто мужской разговор, но сказала величественно в пространство над столом:

— Вообще-то вам надлежит отправить своих послов в соседние королевства. С объяснением позиции, как-то ее обосновать, хотя это и трудно...

Я посмотрел на нее со злым интересом.

— Правда? Даже надлежит? Принцесса... то бишь, ваше императорское высочество!.. Я пока что не ваш муж, чтобы выслушивать от вас, как мне править, кого править и какой ногой сморкаться.

Она спросила надменно:

— А при чем здесь муж?

— Не сомневаюсь, — отрезал я, — что мужем будете помыкать, как ручным хомячком. А еще мои земли... эти теперь тоже мои, пока что не входят в империю вашего батюшки, вы не знали?

Она произнесла хрустальным голосом:

— К счастью... для нас.

Я договорил зло:

— Так что свои указания...

Она поморщилась.

— Это были не указания.

— А что?

— Совет, — отрезала она. — Более просвещенного и разумного человека. Но вы, конечно, делайте как знаете. Дикарям... закон не писан.

Больше она не промолвила ни слова, а когда я, чувствуя свою вину, втихую создал ей на десерт мороженое, и бровью не повела. Я даже дыхание задержал, кто знает, как поступит женщина, они все существа с другой планеты, однако Аскланделла ела так же спокойно, как заяц справляется с морковкой, а после того, как отодвинула пустое блюдо, произнесла хрустальным голосом:

— Дорогой Сандорин, вы проводите меня в каминную?

Принц вскочил, легкий и подвижный, галантно подставил руку, все время двигаясь красиво и грациозно, словно в танце. Аскланделла прикоснулась к ней, и так они вышли из-за стола.

Альбрехт тоже провожал их взглядом, а когда они исчезли за дверью, наклонился ко мне и сказал с усмешечкой:

— А ведь она права.

— Знаю, — прошипел я, — это и злит! Ишь, поймала меня на мелочной оговорке.

— Так то была оговорка?



Я посмотрел на него свысока, как верблюд на ослика.

— А что, вы в самом деле полагали, что я не планирую как-то наладить отношения с соседями?..

Он бросил взгляд на лордов, но те сделали вид, что усердно делят большой пирог, словно захваченную богатую провинцию, и ничего не слышат.

— Да кто знает ваши замыслы, — пробормотал он. — Вдруг да обуяла гордыня?

— Не обуяла, — отрезал я. — Не забывайте, мы в Генгаузгузе всего неделю или чуть больше. Горожане еще не опомнились от нашего вторжения, а должны вообще свыкнуться, смириться, поверить, что мы здесь надолго.

— Свыкнутся, — сказал он уверенно. — Уже начинают!

— А дипломатические ноты, — добавил я, — составим и отправим в соседние королевства с объяснением, что мы всего лишь давали законный и оправданный отпор вероломному нападению на свои мирные землепашные земли и, увлекшись погоней, ворвались добивать зверя в его логове. Пусть и через несколько королевств, почему-то оказавшихся на пути.

— Неплохо сформулировано, — сказал он с похвалой. — Верю, уже обдумывали текст. Но, умоляю, не медлите! Обычно больше верят тому, кто первым сообщил свою версию случившегося.

Я бросил нож на блюдо и поднялся.

— Ладно, пора работать! А вам, кстати, такое слово знакомо?

Он торопливо допил вино из своего кубка и бросился за мной вдогонку.

Я прошел через зал в сопровождении лордов; придворные склоняются в поклонах, чем дальше от двери и чем ближе к помосту с тронem, тем знатнее гости,

а последним стоит барон Бланкенберг с двумя помощниками, посол королевства Эстия.

Я спросил на ходу резко:

— Посол?

Он поклонился.

— Ваше высочество?

Я поинтересовался тем же неприятным голосом:

— Что вы хотели, но забыли сказать насчет армии вашего короля, что готовится перейти границу Сакранта и занять его северные провинции?..

Он охнул, поспешил следом, догнал почти бегом и пошел сбоку, искательно заглядывая в мое грозное лицо.

— Что?.. Это клевета! Такого просто быть не может!..

— Может быть, — поинтересовался я на ходу, — король вам не доверяет?

— Ваше высочество!

— Тогда что?

Он сказал быстро:

— Это не королевские войска, точно!.. Там земли курфюрста Хардегга, у него армия побольше королевской. Это он может попытаться отхватить ту богатую провинцию.

Альбрехт догнал меня и пошел с другой стороны, прислушиваясь, сказал быстро:

— А потом можно и своего короля потеснить с трона, верно?

Посол взглянул на него с благодарностью.

— Во всяком случае, — ответил он, — усилится настолько, что Его Величество король Бич-Охзенштайн не сможет призвать его к ответу. Так что, если вторгнетесь в земли курфюста, Его Величество отнесется к этому с пониманием... при условии, конечно, что затем вернете свои войска в Эстию.



— Подумаем, — ответил я коротко.

Посол остановился, уловив по тону, что с этим вопросом пока закончено, а мы быстро прошли через зал приемов, народу прибавилось, все одеты пышно и богато, уже убедились, что захватчики даже не пытаются заняться мелочным грабежом.

— Кто они? — спросил я вполголоса.

Альбрехт ответил тихо:

— Пока мелкая рыбешка. Присматриваются, прислушиваются, принимают. Потом, если король или Мунтвиг вернутся, могут сказать, что просто собирали сведения в лагере противника.

— Уже что-то, — ответил я. — Не отгаликивайте их. Мы сумеем выставить свои преимущества и спрятать недостатки.

Он спросил с пафосом:

— А они есть?

— Что вы, граф, — изумился я. — Кто вам такое сказал?

Дворец короля Леопольда, как я понял, Мунтвиг использовал как одну из своих резиденций, это видно по тому, что здесь почти в каждом зале по трону.

Самыми роскошными, естественно, пользовался сам Мунтвиг, а в большом зале для торжественных приемов трон вовсе золотой, во всяком случае, впечатление, что целиком из золота, хотя это вряд ли, однако кто знает, случается всякое. Треугольная, как у всех тронных кресел в этом королевстве, спинка с множеством завитушек, стилизованных изображений лилий заставляет поднимать взгляд к сводам, чересчур высоким для зданий севера, где тепло нерационально уводить ввысь.

Подлокотники разнесены достаточно широко, я сижу с разведенными в стороны руками, сами под-

локотники весьма своеобразные, поддерживают только сами локти, а запястья свисают свободно.

С другой стороны, это мудро, могу движением пальцев отдавать молчаливые приказы, порой достаточно сложные.

Я сидел, откинувшись на спинку, взирая на зал холодно и непроницаемо, а местные лорды подходили, кланялись, называли свои имена, излагали свои просьбы или претензии, впрочем, очень умеренные, присматривались ко мне, как и к ним, словом, начиналась постепенная и неизбежная притирка между новой властью и местным населением.

Для народа, чтобы расположить его на свою сторону, прямо на городскую площадь по распоряжению Альбрехта выкатили дюжину бочек вина, поставили столы.

С мясом и того проще: целиком жарили не только баранов, но и быков, так что мяса вдоволь, пейте и радуйтесь жизни, и не слишком задумывайтесь, как зовут того, кто вами правит, все равно кто-то да найдется...

Я понаблюдав с высокой башни дворца, с верхней площадки можно окинуть взглядом весь город. Тоскливо чувствовать себя запертым снегами на несколько месяцев, не выношу насилия, какой же я царь природы, если природа вот так нагло смеется прямо в лицо...

Когда я сбежал вниз и велел подать коня, конюх спросил быстро:

— Созвать свиту?

Я стиснул челюсти — и этот обо мне или моем престиже заботится, — но ответил пространно, чтобы в другой раз не объяснять:

— Я никуда не еду. Просто лошадям нельзя заставляться. Проскачу перед городскими воротами взад-вперед, и все.



Он спросил практично:

— С той стороны ворот или с этой?

Я сказал с досадой:

— Слушай, ты ж не конюх?

— Нет, — признался он и широко ухмыльнулся. —

Я из отряда сотника Лейнингена.

— Который третья правая рука сэра Норберта?

Его ухмылка стала еще шире.

— Если не четвертая левая.

Я покачал головой: служба безопасности на высоте, Норберт и Альбрехт совместными усилиями постоянно держат меня под колпаком, ибо паду я — падут и они.

Арбогастр выбежал навстречу, привычно волоча двух конюхов, радостно фыркнул, заржал, красиво мотнул мощной густой гривой.

Я поднялся в седло, конюх передал мне повод.

— Я недолго, — предупредил я еще раз. — Скоро вернусь.

За городом морозный воздух кажется резким и особенно чистым, солнце висит над краем земли огненным шаром и не желает подниматься в зенит, так и пройдет там в сторонке, чтобы скрыться за краем земли.

Заснеженный мир строг и чист, все краски удивительно нежные, над далекими белыми крышами ближайшего села медленно поднимаются клубы дыма и очень неспешно рассеиваются в далекой синеве.

Деревья в серебре инея, под копытами хрустит наезженная дорога, мимо замелькали чаши, за которыми прячутся буреломы, а там все загадочное и таинственное, у леса своя жизнь, недоступная человеку.

Надышавшись морозной свежестью, я собирался повернуть назад, но вдали красиво и мощно поднялся на трех холмах большой город, хотя, конечно, не та-

кой огромный, как Генгаузгуз, но все верно: Сакрант заселен густо, здесь огромные просторы, где практически нет огнедышащих разломов или бесконечных гор, а те, что есть, умело защищают эти земли от свирепых северных ветров.

Глава 5

Ворота распахнуты, по наезженной колее иногда показываются нагруженные сани, стражники попрятались от холода в караульное помещение в привратной башне.

Мы подъехали шагом, Бобик порывался проскочить в город, но я пошывивал, и он смиренно плелся рядом с арбогастром, всем видом показывая, что смертельно обижен моим недоверием, будто ему только кухни и бывают интересны, а также куры, гуси и прочие индюшки...

В окнах привратной мелькнуло лицо, потом сразу два, после паузы вышел один в тяжелой шубе из грубой невыделанной кожи, пугливо всмотрелся в меня.

— Ваша милость?

— Мое высочество, — надменно поправил я. — Своего верховного лорда пора узнавать издали!.. А я теперь и ваш лорд. Как город?

Он вскрикнул поспешно:

— Все спокойно, ваше высочество!.. Все мирно, лорд Ричард!

— Хорошо, — сказал я. — Ворота всегда настежь?

Он выпалил еще быстрее:

— Всегда-всегда! Как и было вами велено!

— На ночь закрывайте, — сказал я милостиво. — Дабы чужие разбойники не приходили... э-э... разбойничать. У вас своих хватает.



Из привратной, увидев, что я не зарубил стражника, вышел еще один, с виду старший по работе, поклонился.

— Ваше высочество...

Первый сказал льстиво:

— Мы своих повывели!

— Что ж вы так, — сказал я с укором. — Теперь чужие придут... Ладно, бдите.

Бобик, уловив разрешение, стрелой сорвался с места, только твердый снег взлетел из-под лап слежавшимися кусками, арбогастр пошел за ним медленнее, но все равно так, что стражники только и успели повернуть головы, как мы исчезли в кривых улочках.

Вообще-то рискованно вот так в чужой город; с другой стороны, здесь знают, что если меня убить, то разъяренные завоеватели уничтожат весь город, вырежут всех, а камни разбрасают.

Странно, из-под копыт полетели искры, я в изумлении покрутил головой — не часто встретишь город, где даже площадь вымощена булыжником, а здесь прямо от городских врат, все улицы и переулки отвечают звонким перестуком колес, подков и щегольских сапожек, снег убран, вычищен до камня на дорогах.

— Смотри, — сказал я арбогастру, — и дивись. Не всегда север такой уж дикий...

После путаницы узких улочек выехали на площадь, а дальше, на невысоком холме то ли дворец, то ли замок, но впятеро больше любого замка, укреплен неважно, однако почти все входы перекрыты толстыми железными решетками.

Замок смотрит на город с высоты холма несколько покровительственно, на стенах и башнях огромные гербы местного лорда, а у ворот прохаживаются взад-вперед с копьями в руках богато одетые воины.

Бобик понесся было к ним, я прикрикнул, он остановился и сделал характерную стойку, словно охотничий пес на затаившуюся в густых камышах утку.

Стражники побледнели, даже я видел отчетливо, застыли на местах, страхась пошевелиться. Затем один, самый отважный, решился повернуться спиной и опрометью бросился вовнутрь.

Я продолжал с интересом рассматривать замок. Всегда любопытно, какие огромные города вырастают вокруг таких замков, начинаясь с простых мастерских, обслуживающих лорда и его слуг со стражей, и через каких-то сотню лет уже кажется, что город был всегда, а замок выстроил потом какой-то лорд для себя и своей семьи...

Ворота распахнулись, я насторожился, а Зайчик, чувствуя меня почти так, как и себя, отступил на шаг, только Бобик остался, разве что опустил толстый зад на заснеженные камни и высунул язык.

Вышли люди в монашеских одеждах, двумя рядами, лица скрыты капюшонами, а кисти сложенных на груди рук прячутся в длинных и широких рукавах.

Остановившись так же в два ряда, они согнулись чуть в поясе, но головы склонили так, что не видно даже подбородков; страшноватое чувство, словно бы и не человеческие лица под этими капюшонами, да и фигуры какие-то не такие.

Я ждал, наконец один все же откинул капюшон, я увидел крупное и сильно обвисшее лицо, длинный нос якорем, глаза ввалившиеся и с коричневыми подпалинами под ними.

— Ваше высочество, — произнес он, — этот замок, как и весь город, в вашей полной и безраздельной власти.

Я кивнул.



— Христос сказал: Богу богове, а кесарю кесарева, а я здесь хоть и под Богом, как и все мы, но по властным полномочиям, которым меня удостоил народ в моем лице, ближе к кесарю. Чей это замок?

Он произнес с поклоном:

— Он принадлежал лорду Герцу, однако тот, когда был сражен смертельной болезнью от жестоких ран, полученных в бою, разрешил перевести сюда часть монастыря Святого Иоганна Гедерна.

— А сам хозяин?

— Скончался, — ответил он и перекрестился. — А мы пользуемся его милостью. Если изволите, мы позовем хозяйку, она подтвердит...

Я ощутил позыв увидеть хозяйку, вдруг да молодая и красивая, мужья так часто гибнут в войнах, что так удобно для выживших, но наступил себе на горло и сказал кротко:

— Нет, вашего слова достаточно.

— Изволите войти в замок? — спросил он. — Я настоятель Питер Фирне, покажу ту часть, которую мы занимаем.

Я поколебался и возвращаться еще не хочется, но с монахами общаться совсем уж неинтересно.

— Благодарю, — ответил я, — в другой раз.

Он сказал с печалью в голосе:

— Торопитесь в бой? Рука жаждет ухватить меч? И проливать кровь?

— Святой отец, — сказал я с досадой, — в какой-то момент наступает минута, когда люди перестают сражаться и разрывать друг друга на части. Даже соглашаются любить друг друга такими, каковы они есть. Это когда попадают в Царство Небесное! Но не раньше.

К отцу Питеру приблизился второй в монашеской одежде, медленно опустил капюшон на плечи, открывая худое изнуренное лицо.

— Старший монах Джон Вуд, — произнес он. — Мы наслышаны, что вы весьма настроены против апостольской церкви. Не потому ли это, что вы так молоды, у вас горячая кровь? Молодые и задиристые всегда в чем-то да обвиняют церковь.

Отец Питер небрежно повел дланью.

— Брат Джон, они не просто настроены, они создают свою секту. При этом, естественно, ссылаются на Евангелие.

Я промолчал, а брат Джон вздохнул и сказал презрливо:

— Да, это знакомо. Создают свою секту, живут в бедности, любви к ближнему, а затем их охватывает гордыня и они начинают считать, что раз только они живут правильно, то они обязаны править миром.

Я начал чувствовать растущее раздражение, однако это монахи, все примут со смирением и покорностью, и сказал лишь сдержанно:

— И что? Пусть...

Он дернулся, посмотрел на меня в изумлении.

— Почему? Это же ересь!

— Учение Христа тоже было ересью, — напомнил я, — и только ересью. Он проповедовал среди иудеев и только для иудеев, все двенадцать его учеников-апостолов были иудеями!.. И так бы все и заглохло, но Павел, подхватив сказанное Христом в полемическом запале «нет ни эллина, ни иудея», дерзновенно сделал это основой нового вероучения, против которого ополчились как власть, так и официальная религия. Но он победил, и ересь перестала быть ересью, теперь это основа нашего мира.

Он взглянул на меня остро и враждебно:

— К чему вы это, ваше высочество?

— Ереси, — сказал я, — это зерна, брошенные на камни и лишенные ухода. Если прорастают,



то этим самым показывают свою силу. Дерево христианства выросло таким мощным, что уже, кажется, и нет ничего другого, такого же сильного, могучего и правильного. Но ереси не желают быть ветвями, что растут, по их разумению, неверно... они обращаются к корням! И так, черпая мудрость из первоисточков, они пытаются нащупать новый путь, более прямой и правильный... Подумайте над этим, братья!

Арбогастр поднялся на дыбы, красиво развернулся на задних, а затем полетел красивым ускоряющимся галопом.

Через ворота мы проскочили на такой скорости, что если бы собравшаяся с силами оппозиция и попыталась воспользоваться моментом, то мы бы просто снесли всех, как паутину, но в воротах, к счастью, пусто, даже встречные сани не пришлось опрокидывать, и через несколько мгновений город начал отдаляться и пропал за спиной.

Вообще-то я так привык перемещаться на арбогастре, что считаю это нормой, а в мечтах вообще вот так, как Бабетта или Дарси. Но перемещения, которыми те скромно шеголяют, по всей видимости, требуют огромных, просто диких ресурсов. Не случайно оно лишь в руках императоров, способных обеспечить мощностями. Да и то не прыгают туды-суды по своей воле — удовольствие слишком дорогое, если это удовольствие.

Возможно, тот же источник у магов, которые пытались уничтожить меня в отместку за изъятие их головного чародея. Но так как попыток больше не повторялось, значит, либо каждая требует непомерных средств, усилий, магической мощи, либо опытных адептов. Либо то, другое и неучтенное третье разом.

Бобик мчится, как огромное чугунное ядро. Снег перед ним вздувается выпуклым щитом, а по бокам

оппадающие, сверкающие на солнце крылья, сзади же глубокая и широкая борозда. Арбогастр идет мощно и красиво, грива и хвост стелются по ветру.

Вдали показались стены Генгаузгуза. Бобик устремился было в сторону ворот, но подпрыгнул на бегу, так собаки стараются рассмотреть что-то далекое, оглянувшись на меня с недоумением в честных собачьих глазах.

Со стороны восточной дороги заблестали искры, я присмотрелся, увидел целый отряд всадников в ярких цветных и очень праздничных одеждах.

— Бобик, — сказал я, — ждем. Что-то у меня недоброе предчувствие...

Он посмотрел на меня с сочувствием, опустил толстый зад в снег и приготовился ждать.

Отряд всадников продвигается навстречу неспешной экономной рысью, все в голубых одеждах дома королевства Вендовер, только всадница, чей конь на полкорпуса впереди, в алом платке, алой мантии. Даже конь под попоной невиданно алой масти.

Когда солнечный луч пал на шапочку на голове всадницы, там ярко заблестали изумруды и бриллианты в золотом обруче.

Я придержал арбогастра, тот явно хотел двинуться навстречу и показать другим коням, кто здесь альфа, а кто вовсе омега. Отряд приблизился, во главе принц Сандорин Винтонмаерский, единственный сын и наследник Его Величества короля Буркхарта Третьего, о чем не дают забыть сопровождающие его вендоверцы; короткие русые усики присыпаны инеем, как и коротко подрезанная борода, глаза живые, смотрит с радостным оживлением.

Разумеется, с Аскланделлой бок о бок, оба румяные от легкого морозца, веселые, кони под ними часто переступают ногами и намекают, что хорошо бы сейчас пойти галопом.



За ними на седлах молодых вельмож туши двух убитых оленей, у одного рога просто великанские, такими украшают стены над дверьми или каминами.

Голоса свиты зазвучали веселые и чуточку хмельные:

— Ваше высочество!

— Ваше высочество...

— Ваше высочество?

Я посмотрел на Сандорина и покачал головой.

— Принц, как можно?.. Хрупкие вещи нужно заворачивать в мягкие тряпки и хранить дома.

Молодой и поджарый, я видел, как ему жаждется ответить так же быстро и живо, но ему с детства внушали, что он принц, должен всегда держаться важно и загадочно, и сейчас он лишь застенчиво улыбнулся и виновато развел руками, что и понятно, это Аскланделла изволила, а он лишь вынужденно сопровождает и охраняет, как удается.

Я перевел на нее тяжелый, надеюсь, взгляд своих государевых глаз.

— Ваше высочество, как на такие выходки посмотрит ваш венценосный отец?

Она взглянула на меня свысока с высоты своего дамского седла, хотя мое все равно выше.

— Вы на что-то намекаете, принц?

— Не роняете ли вы, — поинтересовался я, — хотя нет, вы такая, что не уроните, еще и за другими подберете, те не успеют и рты распахнуть пошире... Я имею в виду, не подвергаете ли себя некоторой как бы опасности?

Она надменно приподняла брови.

— Ваше высочество, если даже меня убьют, неужели такой пустяк вас беспокоит?

— Ничуть, — заверил я, — но так получилось, что за вас почему-то отвечаю я. Мир так глупо устроен, представляете? Мужчина всегда отвечает за женщи-



ну, что каким-то образом оказалась рядом, и тут уже неважно, в каких они отношениях и вообще знакомы ли.

Она произнесла с холодом:

— Боже мой, сколько оговорок... Такое впечатление, что вы чудовищно боитесь знакомства со мной. Да, принц, мы с вами незнакомы, я подтверждаю. Довольны?

— Увы, — сказал я сокрушенно, — все равно обязан вас оберегать по как бы долгу. Я вообще-то всех в моем войске оберегаю, даже захромавшую кобылу, незнакомую мне лично, лечу, так что не удивляйтесь моей доброте и милосердию!

— Ничуть не удивляюсь, — ответила она тем же голосом. — Я видела по дороге головешки костров, на которых жгли еретиков. У вас особый тип милосердия.

Я развел руками.

— Должен же я хоть малость помочь Мунтвигу в его богоугодном деле? Уверен, во владениях императора Вильгельма еретиков вообще не осталось.

Она оглядела меня свысока.

— Вы так стараетесь выведать хоть что-то о землях моего отца, что я начинаю думать...

— Начинаете думать? — ахнул я. — Ваше высочество, не делайте этого! Могут быть морщины на вашем безукоризненно чистом и гладком лобике.

— Начинаю думать, — договорила она, абсолютно не обращая внимания, что я там хрюкаю и членораздельно ли, — что у вас там нет шпионов.

— Бога ради, — воскликнул я шокированно, — какие шпионы? Я же весьма рыцарь!

— Вы в самом деле так мало знаете о его империи? — переспросила она. — Странно.



— Мало? — переспросил я. — Если честно, то совсем ничего.

Она посмотрела на меня в упор.

— Это опасное упущение.

— Это не упущение, — ответил я, чувствуя себя задетым. — Просто мы расширяемся... стремительно. Ваш жених зря затеял эту авантюру. В своем праведном и как бы справедливом гневе мы идем на север навстречу Мунтвигу быстрее, чем он шел на Юг. И, думаю, когда-то выйдем на границы империи Вильгельма, если не отыщем и разобьем поджигателя войны Мунтвига раньше.

Я говорил спокойно, стараясь смягчить слова и формулировки, но все равно даже сам чувствовал, что некоторые моменты прозвучали весьма зловеще.

Она тоже взглянула на меня в упор, и некоторое время мы ломали друг друга взглядами, но рыцарь всегда уступит женщине, если только речь идет не о женитьбе, и я опустил взор на усыпанный драгоценными камешками стальной налобник ее рослого коня, перевел на кожаную сбрую, тоже в мелких бриллиантах, рубинах и прочих драгоценных камешках. Даже роскошная попона щедро вышита золотом, хоть сейчас ее в раму и на стену, как произведение искусства.

— Что-то я не видел этой лошадки... Краденая?

За нее поспешно ответил Сандорин:

— Ваше высочество, умоляю!.. Как вы можете? Это ее высочеству подарили здесь, в Генгаузгузе.

— Кто посмел? — спросил я ледяным голосом. — И откуда такая роскошь... Из моей казны, что как бы государственная и вообще народное достояние королевства?

Она холодно промолчала, принцессы выше таких обвинений, а Сандорин сказал торопливо:

— Ваше высочество, эту лошадку принцессе Аскланделле нижайше подарил лорд Раймонд Меммингем. В прошлом казначей королевства, лорд-хранитель большой печати...

Я оглянулся на него, снова вперил злой взгляд в коня. Красоты, надо признать, редкостной, чувствуется генеалогия элитных предков не меньше, чем у самых родовитых лордов. Нет, подлиннее.

— Ладно, — ответил я недобрым голосом, — в городе разберемся. И кто смеет, почему и с какой гнусной целью.

Она произнесла почти весело:

— Ваше высочество?

Я ответил с поклоном:

— Ваше высочество!

Она чуть тронула повод, и великолепно вышколенный конь понес ее красиво и гордо, почти танцуя, но с такой скоростью, что остальным пришлось догонять ее галопом.

Я стиснул челюсти и на миг закрыл глаза. Да, получилось, как я и планировал вначале: удалось подослать Мунтвигу с его невестой, успешно заразив ее с помощью Лиутгарды идеями суфражизма... но, похоже, перестарался. Надо было изящнее подгадить, а теперь запачканный бумеранг вернулся.

Я предпочел бы, чтобы они там погавкались, после чего она забрала бы вещички и умчалась к маме, тем самым расторгнув предполагаемый брак и союз двух империй.

Но Мунтвиг какая самоуверенная скотина, даже ради укрепления экономической мощи своей державы не хочет терпеть в качестве жены такую эмансипированную особу!



Глава 6

Вернувшись в город, я на всякий случай прошелся по крепостной стене, вдруг да замечу что-то свежим глазом, однако мои воинственные лорды бдят, солдаты на месте, будто приступ будет уже сегодня, на стенах запасены груды камней... хотя они там и были, просто город захвачен не только стремительно, но и красиво, такой изящный маневр войдет во все летописи.

Бобик и Зайчик ждут внизу, я спустился, потрепал одного по холке, потом другого, но Бобик ревниво отпихивал копытное, стараясь всю ласку захватить себе.

Альбрехт уже в седле, у него нет назойливой собаки, что постоянно клянется в любви и преданности, но и в ответ жаждет получить заверения, что ее любят, пусть даже просто за толстую морду.

Народ проскакивает в сторонке все еще пугливо, торопливо и чересчур низко кланяется, только совсем мальчишка лет пяти подбежал и с откровенным любопытством уставился на всех троих: огромную черную собаку, могучего коня и меня, тоже огромного и необычного.

Я погладил его по голове.

— Вот, граф, как раз существо, объясняющее, почему Господь все еще не разрушил нашу землю окончательно.

Мальчишка подпрыгнул, как Бобик, и помчался к группе друзей в сторонке, на бегу взбрыкивая, как молодой козленок.

Альбрехт задумчиво посмотрел вслед.

— Полагаете, Господь все еще надеется?

— А кто знает, — ответил я, — кем станет это ребенок? И все остальные, что бросают в нас из-за заборов гнилыми яблоками?... Вдруг да что-то путное?

Он сказал с сомнением:

— Где вы зимой видели яблоки?

— Это я так, из вежливости. Бросают совсем не яблоками.

Он покачал головой.

— Где-то слышал, хоть и не совсем поверил, что Господь все вроде бы знает наперед. Или догадывается.

— Все, — согласился я, — в сотворенном им мире... кроме поступков человека. Ибо он сам дал ему свободу воли. Потому мы весьма непредсказуемы.

Альбрехт сказал ехидно:

— Этой свободой человек и воспользовался сразу же, сожрав запретный плод.

— Зато с того дня, — напомнил я, — он по всей земле сажает сады, стараясь превратить ее в рай... Ладно, возвращаемся. Нет-нет, не на пир...

Он вздохнул.

— Нет на вас Растера!

— И раньше весны вряд ли будет, — сказал я. — Так что поработаем на счастливое будущее, сэр Альбрехт!

Он пробормотал:

— С вами не соскучишься. Такие у вас шуточки, как только с коня не упал.

Вернувшись во дворец, я прошел в кабинет и с раздражением смахнул со стола карликовую карту Сан-кранта, взамен разложил гигантскую, на всю столешницу, с изображением всего известного картографам континента, исправленную и дополненную лично мною, моим высочеством, что скрупулезно и старательно исправлял масштабы и наносил новые города и веси, высмотренные с высоты.

На самом краю, где дальше только океан, — Сен-Мари, наибольшая рана, а как исправить положение, пока не представляю. Разве что махнуть на все рукой,



сесть на уже готовые корабли, там должно быть почти полсотни готовых, и уплыть открывать новые острова и королевства в безбрежном океане...

Ламбертиния — сердце ноет, там моя милая эльфийка сидит на троне, изображая королеву, подписывает указы, что ей подсовывают, даже не стараясь понять их смысл.

В Гандерстейме начал с магами и оставил на полпути из-за нехватки времени.

Непонятная ситуация в Скарляндах и Варт Генце. Там ждут, когда я сложу с себя полномочия правителя, готовятся взять власть твердо и решительно в свои руки. И, возможно, тут же начать войну за право первородства и первенства.

Дверь тихонько приоткрылась, Зигфрид заглянул так опасливо, словно я уже изготовил для броска в его голову молот.

— Ваше высочество?

— Ну?

— Вы велели, — напомнил он, — вызвать лорда Раймона Меммингема.

— Было такое, — согласился я.

— Он прибыл, — доложил он, — сейчас в главном зале отирается. Что-то выпрашивает...

— Зови, — велел я. — Скажи, мое высочество изволит.

Пока Меммингем поднимался по лестницам, я не хотел, но видел на карте все новые места, где начал и бросил, где вообще напортил, где пообещал, но не сделал...

Дважды провернулась позолоченная ручка двери, створки раздвинулись торопливо, несмотря на массивную солидность, словно понимая, что с той стороны подходит человек очень важный и значительный.

В комнату вошел весь в парче и золоте располневший мужчина с обрюзгшим лицом и животом поверх ремня, красное лицо в крупных кровяных жилах, мощные мешки под глазами, явно не отказывает себе в удовольствии крепко выпить и нажраться перед сном.

Но походка величавая, на груди золотая цепь, пальцы в толстых золотых кольцах с крупными камешками, сапоги из шкуры неизвестного зверя, явно редкого и дорогого.

Я рассматривал его в упор; видно, что потомок длинного вырождающегося рода, хотя дальше и вырождаться некуда, полное убожество, равное ничтожеству, зато помнит, что гуси его предков Рим спасли, этого достаточно, чтобы претендовать на высшие должности в королевстве.

— Итак, — проговорил я холодно, — лорд Раймонд Меммингем?

Он поклонился.

— Ваше высочество?

— Дошли до меня слухи, — сказал я неспешно и чуть угрожающе, — хоть и непроверенные пока что... ни на дыбе, ни еще-то как-то иначе, однако из заслуживающего доверия источника, что вы, лорд Меммингем, подарили принцессе Аскланделле просто великолепного коня с драгоценной сбруей?

Он снова поклонился, на лице ни следа страха, как у человека много пожившего и много чего повидавшего.

— Да, ваше высочество. Надеюсь, он ей понравился.

Я поинтересовался жестко:

— С какой целью вы сделали такой ценный подарок?

Его лицо снова не дрогнуло, лишь взгляд стал чуточку ироничным.



— Ваше высочество, — произнес он крайне любезно, — надеюсь, у меня, как простого и крайне мирного жителя, осталось право дарить и получать подарки?

— Разумеется, лорд, — ответил я с холодком. — Однако, когда дело касается таких высоких особ, каждый пустячок имеет значение. Этот ваш жест, как вы понимаете, тут же начнут трактовать и оценивать. И строить всевозможные предположения. Точнее, уже трактуют, оценивают и строят.

Он чуть пошевелил плечами.

— А кто не любит сплетничать?

— Признавайтесь, — сказал я с нажимом, — зачем подарили ей коня? Чтобы она восхотела опробовать его в скачке за городом, а там ее убили?

Он дернулся, словно бы даже побледнел, будто испугался не на шутку, хотя я не уверен, что прочел его старовельможное лицо правильно, больно у стариков они выразительные и потому всегда могут соврать легко и честно.

— Как я мог, — спросил он точно в тон вздрагивающим голосом, — такое хотеть? Да вы и не позволили бы!

— Для меня это было новостью, — отрезал я. — Случайно встретил их за городом. С крохотным эскортом двигалась от леса в сторону еще далекого Генгаузгуза!

Он развел руками.

— Ваше высочество, я не думал, что принцесса возжелает сразу за город. Кроме того... войска короля Леопольда давно разбиты, бароны заперлись в замках и не высовывают носа, а ваши конные отряды безжалостно расправились со всеми разбойничьими шайками!

Я спросил строго:

— Тогда зачем?

Он помялся, отвел взгляд, я все еще не уверен, что искренне, придворные со стажем еще и не то могут изобразить, но я не спускал с него глаз, и он наконец проговорил нехотя:

— Это же... принцесса! Дочь императора Вильгельма...

— Догадываюсь, — отрезал я. — Как-то слышал. И что?

Он сказал вяло:

— Настолько высокой особе подарки делать просто необходимо.

— Зачем?

Он пробормотал:

— Подарками обращаешь на себя внимание... обретаешь расположение... это в свою очередь способствует продвижению по службе...

— Какое, — сказал я, проглотил грубое слово и договорил, — расположение? Вы — подданный короля Леопольда, она избалованная дочка императора, который вообще хрен знает где? Где у вас здесь расчет? В чем?

Он тяжело вздохнул.

— Ваше высочество... если уж совсем начистоту, то это... скорее, привычка. Я уже давно не казначей и не лорд-хранитель, это я передал более молодым и бойким... но какие-то навыки вылезают сами, непрощенными. Действительно, какой смысл дарить ей такого коня, которого не отыскать во всем королевстве?.. Для меня — никакого. Для короля Леопольда, которому я служил почти тридцать лет, тоже никакого. Разве что для вас...

Я посмотрел в недоумении.

— Для меня?

— Для вас, — ответил он с неохотой. — Все подарки, которые она получит здесь, все равно будут нести



в себе что-то и от вас, такова жизнь. Вы хозяин Сакранта и его жемчужины — Генгаузгуза!..

Я поморщился, подумал, указал ему на кресло с другой стороны стола.

— Присядьте, лорд Меммингем. Похоже, нам есть о чем поговорить.

— Ваше высочество?

— Если не распоряжусь вас сегодня же повесить, — объяснил я, — то, возможно, ваши таланты еще послужат королевству Сакрант.

Его лицо снова ничего не выразило из того, что я хотел бы увидеть, но поклонился он с достоинством и едва уловимым чувством признательности.

— Ваше высочество, у вас зоркий глаз.

— Да и вообще я не совсем дурак, — сообщил я.

Глава 7

Лорд Меммингем, хотя и давно уже не на королевской службе, но с затаенной радостью, хотя и старался этого не выказывать, ухватился за возможность поработать во дворце и показать, на что способна старая гвардия.

Он быстро сошелся с Гангером Хельфенштейном, советником короля Леопольда, с которым был знаком и раньше, хотя и не дружен, но сейчас голова к голове принялись разрабатывать планы, как сотрудничать с оккупантами, не вредя городу.

Насчет Аскланделлы, конечно, прав. Все, что происходит с нею здесь, как бы несет отпечаток моей длани или воли. И даже то, что она делает, не может происходить помимо моей воли. Всяк понимает, что я могу закрыть ей рот и вообще не позволять покидать отведенных ей покоев.

Я морщился, чувствовал неловкость ситуации и не мог сообразить, в чем она заключается, просто вот чувствую, как изменение погоды, но пока пытался понять, что это у меня за такое странное состояние, в кабинет заглянул Зигфрид.

— Сэр Ричард...

— Привет, — сказал я дружески.

— К вам один из местных лордов, — доложил он. — Примете или гнать в шею?

— Я кого-то гнал? — спросил я с укором. — А в самом деле, ты прав, пора бы кого-нить так это повельможьи с криком и ором... а то уважать перестанут.

— Так как с этим? — спросил он. — А то можно, он чужой, сакрантец...

— Зови, — сказал я со вздохом, — сакрантцы сейчас дороже своих, кто бы мог подумать. Коллаборационисты всегда крайне важны для захватчиков, с их помощью весь народ можно при удаче повернуть на свою сторону. Потому их следует называть не предателями родины или красиво — коллаборационистами, а гражданами вселенной, мира, адептами всеобщего человечества, единого и неделимого!

Он слушал с каменным лицом, привык отключать мозг с первых же моих умничающих определений, иначе бы уже белых чертей ловил на стенах, на всякий случай доложил:

— Это лорд Вильдан Зальм-Грумбах. Вильдграф, вам вильдграфом побывать не удалось?

— Не повезло, — согласился я. — Кем только не был, а вот вильдграфом или рейнграфом... Зови! Только вежливо.

Он исчез, некоторое время я слышал голоса в коридоре, словно Зигфрид объясняет правила вежливости и обходительности в королевском дворце, затем дверь распахнулась, вильдграф вошел спокойно



и с достоинством, задирая подбородок, но я заметил, что он немного смущен, словно должен сказать нечто неприятное, но еще не решил, в каком виде поднести...

Зигфрид плотно закрыл за ним дверь, вильдграф отошел от нее подальше.

— Сэр Вильдан, — сказал я вопросительно.

Он ответил короткий поклон.

— Ваше высочество.

— Что вас тревожит, дорогой вильдграф? — спросил я с участием. — Я вижу печать заботы на вашем челе.

Он помялся; видно, с каким усилием заставляет себя говорить, наконец выдал тихо:

— Ваше высочество, я в очень неловкой ситуации...

Я поднялся, подошел ближе и взглянул ему в глаза.

— Говорите. Я пойму.

— Ваше высочество, — сказал он почти шепотом, — на севере страны герцог Уэдль созвал вассалов и велел каждому явиться со всеми людьми, сколько те смогут собрать.

— Зачем?

Он взглянул на меня коротко и тут же опустил голову.

— Ваше высочество не знает, но род Уэдля, к которому принадлежит герцог, древнее, чем род короля Леопольда. Когда-то предки герцога правили королевством, затем были войны, тяжелые битвы с соседями, во время которых возвысились и набрали мощь Ягеларды, это предки короля Леопольда, а затем захватили трон по праву силы.

— Такое бывает часто, — сказал я нетерпеливо. — Законы о престолонаследии пока еще красивая мечта... исполняются не всегда... не всегда.

— Увы, — согласился он, — очень даже не всегда. Мир все еще спит с обнаженными мечами в руках.

— Герцог Уэдль опасен?

Он кивнул.

— За последнее столетие его род возвысился и набрал мощь. Теперь герцог Уэдль уверен, что пришло время захватить трон и восстановить их законное правление!

— Дурак, — сказал я с отвращением. — Одно дело — захватить трон сбежавшего Леопольда...

— Другое, — договорил он с поклоном, — вырвать из ваших львиных лап. Э-э, рук, благородных рук. Исполненных грации.

— Насколько все серьезно? — просил я.

Он ответил со вздохом:

— Герцог Уэдль глуп, но безрассудно отважен. Он участвовал во многих битвах, первым бросался в сечу и последним из нее выходил. Рыцари и простые воины всегда за ним бросались, стараясь обогнать друг друга и встать с герцогом рядом. И сейчас он не слишком-то просчитывает последствия... Вообще-то, ваше высочество...

— Ну-ну?

— По-моему, он вообще ничего не просчитывает, просто не способен на такое.

— Уверен, — подсказал я, — что прав, потому прет, не глядя, на кого прет?

— Увы, ваше высочество, вы сказали очень изящно. Я подумал, сказал медленно:

— Вы, конечно же, хотите, чтобы обошлось без кровавой битвы, где все сторонники герцога и сам герцог доблестно падут, окруженные превосходящими силами?

Он поклонился.

— Вы читаете в глубине моего сердца, ваше высочество. Я патриот своей страны, а кровавые разрушения и гибель многих людей ранит мою душу.



— Тогда продумайте, — велел я, — как арестовать герцога. В его владениях или выманить его сюда... пусть даже в лес на охоту, но без крови многих людей и опустошения целого региона. Для предотвращения большинства мятежей достаточно убрать главаря... Это не весьма благородно и не по-рыцарски, но вполне по-государственному.

Он сказал с отвращением:

— Я вас понимаю, ваше высочество.

— И сейчас благодарите Господа, — сказал я, не удержавшись, — что он сотворил вас рыцарем и не позволил стать правителем? Ладно-ладно, сэр Вильдан, я все понимаю. Я найду что сказать Господу за пролитую кровь младенцев... Кстати, надеюсь и даже запланирую просто арестовать герцога и постараюсь обращаться с ним соответственно его титулу со всем уважением. Ничем не ущемляя его достоинство и ограничивая его только в передвижении.

Его лицо посветлело, он сказал с чувством:

— Благодарю вас, государь!

— Не стоит, — ответил я уже по-деловому. — Мы из одного клана рыцарей! Должны вести себя только так, чтобы у всех и мысли не возникало, верно? Никто даже подумать не должен, что с нами можно вести себя иначе. Сэр Вильдан?

Он поклонился.

— Ваше высочество...

Я даже не проводил его взглядом, слишком прост, каждое его слово знаю наперед... хотя это и весьма удобно. С такими людьми легко, не предадут, не ударят в спину, а слово всегда сдержат, если уж дали даже по пьяни или не поняли вопроса.

Перевел взгляд на карту, но дернулся и едва не ухватился за рукоять меча: из темноты выступила тонкая невысокая фигура в кольчуге из тонких колец.

Вообще-то я темноте вижу хорошо, но только если не сразу с яркого света, как сейчас.

Она приблизилась неслышно, как привидение, на меня в упор взглянули ее огромные и чуть удлиненные к вискам глазищи, открыв дивную и яркую синеву, что просто немыслима в природе.

— Ричэль, — произнес я. — Как вы, эльфы, умеете...

— Ваше высочество...

— Конт Астральмэль, — напомнил я.

— Это в другом месте конт, — ответила она тихо. — Может быть, где-то вы еще кто-то... вы такой... но здесь вы принц и верховный сюзерен огромной армии.

Я с удовольствием смотрел в ее ясные глаза, огромные и чуть навывкате, они настолько прекрасны, что даже забываешь про изысканные и безукоризненные линии точеного лица с нежнейшей кожей, про крупные вздутые губы с сильно приподнятой верхней, это так эротично...

— Как Клемент?

Она вопрос поняла правильно, на миг чуточку стыдливо закрыла глаза, я снова залюбовался дивным зрелищем, когда веки, как капюшоны, медленно прячут синеву, а длинные густые и загнутые на кончиках ресницы опускаются и опускаются, пока не ложатся на высокие аристократические скулы.

Распахнула глаза она резко, я охнул и едва не ухватился за сердце, настолько стремителен переход от полного покоя к ликующей радости, когда она устремила взгляд крупных прекрасных глаз на мое лицо.

— Вы знаете, ваше высочество...

— Мне показалось, — сказал я тихонько, — он счастлив. А как насчет тебя?

— Я более чем счастлива, — ответила она шепотом. — Ваше высочество, я услышала зов.



— Какой? — спросил я.

Она не сводила с меня взгляда, мне почудилась в нем некая печаль, но ответила почтительно:

— Вам надлежит продолжить дежурство в покоях Ее Величества королевы Синтифаэль...

— ...рожденной из Света и Солнца, — досказал я, потому что эльфы в торжественных случаях растягивают слова невыносимо медленно, будто тянут из клопа резину. — Ладно, я ж не отказываюсь от этой чести... А это правда честь или наказание?.. А то я в прошлый раз не все до самого конца понял.

— Не все?

Я признался:

— Вообще-то ничего понял, хотя я вообще-то сообразительный эльф.

— Это не просто честь, — заверила она, — это великая честь!.. Даже эльфам за всю жизнь выпадает не больше двух-трех раз.

— Я вообще счастливчик, — сказал я мрачно. — Когда?

— Сегодня же, — ответила она. — Лучше немедленно.

Я охнул.

— Немедленно? Ну да, счастливчик — это разок исполнивший обязанность счастливого. А в остальное время... гм... Хорошо, Ричэль, я так люблю исполнять долг, что даже и не знаю как!.. Жаль, нельзя отложить хотя бы на несколько лет... Лучше — десятков лет. А точно нельзя?

Она покачала головой.

— Никак, ваше высочество.

— А если кому-то, есть же такие чудачки, очень хочется? Я мог бы с таким поменяться правом на очередь ближе к началу.

Она произнесла с глубоким сочувствием и пониманием:

— Тоже нельзя, ваше высочество. Как конт, я уверена, вы все прекрасно понимаете.

— Я и как паладин, — возразил я, — прекрасно понимаю! Только вот не удастся быть паладином круглые сутки.

— А вот эльфы могут...

— Эльфы пошли не от преступной связи нашей пра-матери Евы, — возразил я, — с подлым и бесчестным Змеем! Да еще и распутным гадом, как же я чувствую это мерзкое наследие... У вас строгие нравы, никаким наследством не омраченные! Как я люблю строгие нравы...

— Мы их тоже любим, — произнесла она с достоинством. — Мы выжили благодаря им.

— Строгие нравы, — согласился я, — это все. Если вдруг каким чудом стану королем, тоже для всех введу строгие нравы.

— Для покоренных народов?

Я посмотрел на нее с удивлением.

— А разве не все народы... ну, ты поняла. Одни знают, что покорены, другие считают себя победителями... Хотя да, это уже тайные знания, доступные только нам, проклятым масонам. Если я появлюсь в ее удивительном дворце только к вечеру, это ничего?

— Лишь бы сегодня, — ответила она. — Ведь вам предстоит дежурить и завтра, и послезавтра...

Я охнул.

— Как? Я нужен здесь!

Она посмотрела с прищуром.

— Правда?

— В какой-то мере, — огрызнулся я. — А что, можно подумать, будто моя душа вообще лишняя на свете? Кому-то же я нужен?

— Даже большему числу, — ответила она загадочно, — чем вы думаете.



Глава 8

Вечер одновременно и тянулся, и несяся галопом. К Синтифаэль скакну ближе к полуночи, раз уж надо именно сегодня, а пока спешно, хоть и весьма запоздало, разбирался с особенностями местного правления, всяк король считает себя умнее других и обожает создавать неповторимые законы.

За полчаса до момента, когда собрался с духом отправляться для общения с эльфами, Зигфрид молча, следуя инструкциям, полученным ранее, пропустил ко мне Хреймдара. Тот поклонился, окинул быстрым взглядом окна, стены и двери.

Я поинтересовался:

— Враг не пройдет?

— И не проломится, — заверил он. — Ваше высочество, простите, что так неожиданно, я стараюсь не злоупотреблять...

— Ну-ну?

— У нас тут одна находка... Прямо во дворце. Не желаете взглянуть?

— Если не долго, — ответил я. — Я любопытный, но через полчаса должен быть далеко отсюда.

Он ответил с пониманием в голосе:

— Уже через полчаса? Конь и пес, конечно, останутся ждать здесь.

— Разумеется, — ответил я значительно. — Вы много понимаете, Хреймдар, но вслух это не стоит... И стены имеют уши.

— Тогда поспешим?

В соседнем крыле нас встретил один из самых старательных алхимиков, старик в мантии темно-зеленого цвета, на плечах хвостатые звезды, грудь усеяна непонятными рунами, а еще множество звезд и полужнакомых символов покрывают халат до самого низу.

— Ваше высочество, — сказал он дребезжащим голосом, — это в подвалах...

— Где самое тайное из сокровищницы короля Лепольда, — пояснил Хреймдар.

Старик повел нас, закрывая дорогу широкополой шляпой с высоким колпаком, тоже усеянным золотыми звездами.

Стража попадает все чаще, я велел никого не пускать за нами, так прошли в подвал, сырой и темный. Сразу же вспыхнул факел, озарил недобрым багровым огнем длинное помещение с низким потолком.

Пламя не колыхнулось, когда проходили мимо; я остановился и нарочито махнул рукой прямо перед огнем. Та-а-ак, кто-то затратил немало сил и умений, чтобы создать магический образ факела, хотя проще бы простой светящийся элемент... правда, к тому времени уже могли о них забыть, а факелы стали высшим достижением цивилизации, недавно выбравшейся из пещер.

— И что удалось найти? — спросил я у Хреймдара, пока двигались к дальней стене между ящиками, старинными статуями и всяким древним хламом.

— Зеркало Борменгауса, — ответил он шепотом.

— И тут зеркало, — пробормотал я. — Бедная у нас фантазия... С другой стороны, в отражении всегда смотришься немножко не таким. Там другой мир, согласен.

— Зеркала бывают разные, — пояснил он. — Но это, боюсь, при всей полезности немножко огорчит вас...

Старик оглянулся, сказал скрипучим голосом:

— Не будьте так уверены, юноша.

Хреймдар польщенно хмыкнул. В стене невысокая дверь, без ручки, что значит полностью на заклятиях,



но мои маги, как понимаю, раскололи секрет в первый же день.

Комната поменьше предыдущей; старик сразу же провел к овальному зеркалу на высоких ножках, в таких можно рассмотреть себя по грудь, сейчас там лишь серая матовая поверхность.

Я с нетерпением ждал, пока он бормотал и поминал растопыренными ладонями; наконец там начали появляться смутные бесцветные лица, размытые и сильно искаженные.

— Король Леопольд, — сказал старик, — собрал большую коллекцию древностей. К сожалению, все лишено какой-то ценности... я имею в виду практической. А так, конечно, для любителей старины...

Я сказал с нетерпением:

— У меня мало времени.

— Простите, ваше высочество, — ответил он и заговорил уже чуть быстрее: — Но среди различных ненужностей отыскалась настоящая жемчужина. Я сам сперва не признал в нем то самое зеркало, уж простите, хотя всю жизнь искал его и собирал о нем сведения...

— Чем оно знаменито? — спросил я с еще большим нетерпением. — Подробности потом, потом! Я спешу, вам могу признаться, как своим, к эльфам.

Он не удивился, уточнил только:

— К горным, лесным или озерным?

— Горные слишком враждебны, — ответил я, — а вот с лесными лажу. Так что это за зеркало...

Он вздохнул, пробормотал какое-то заклятие, еще подвигал растопыренными ладонями, и в глубине зеркала проступило изображение неких размытых комнат с искривленными очертаниями, длинных коридоров, все это дергается, замыливается, скрывается

в раздражающем тумане, но показалось странно знакомым.

Хреймдар сказал с сочувствием:

— Ваше высочество, это зеркало позволяет наблюдать за удаленными вещами. Конечно, для этого надо быть опытным магом, имеющим необходимые знания. Таких я знаю только трех во всех известных мне королевствах, но обязательно надо еще иметь вот это зеркало. Мы его отыскиали в сокровищнице короля Леопольда, и ваш чародей Кенисвуд уже неделю следит за событиями в Сен-Мари...

— Ого, — сказал я с невольным интересом. — Что там?

— К сожалению, ваше высочество, должен огорчить вас...

— Что стряслось? — спросил я резко. — Хуже, чем случилось, придумать трудно.

Он покачал головой и произнес с сочувствием:

— Боюсь, это возможно.

— Говорите!

— В Сен-Мари, — сказал он осторожно, — неожиданно грянул мятеж! Хотя, конечно, зрело там уже давно... Однако не против вашего высочества, как вы думаете, вижу по вашему лицу, а против... короля Кейдана.

Я спросил с сильно забившемся в надежде сердцем:

— Кто возглавил? Герцог Ришар?

Он покачал головой, с сочувствием отвел взгляд в сторону.

— Что с герцогом Ришаром, пока неизвестно. Но мятеж возглавил герцог Вирланд Зальский. Говорят, он отказывался, но лорды настояли, что наиболее подходящий, его род древен, а еще у него в родне половина знатнейших лордов королевства! Сам он, как вы знаете, умелый и решительный полководец.



— Чем закончился мятеж? — спросил я.

— Пока ничем. Кейдан успел бежать на корабль Ордоньеса, а тот увел флот в море.

Я охнул.

— Кейдан сбежал к Ордоньесу?

— Да, ваше высочество.

Я помолчал, взглянул на Хреймдара.

— Ты знаешь, насколько это важно! Продолжайте наблюдения, тебя назначаю ответственным. А мне, увы, пора к королеве эльфов...

Хреймдар и чародей спросили одновременно:

— Вас... проводить?

— Пока нет, — ответил я и повернул половинки браслета Гонца.

Голова на этот раз закружилась самую малость, даже не закружилась, а чуть кружानулась, и все, словно колесо, в которое сунули толстый дрын, внезапно остановилось, вызвав некоторую потерю ориентации.

Подошвы, однако, твердо уперлись в пол, меня лишь чуть качнуло. Я посмотрел под ноги — в самом деле пол из плит розового и оранжевого мрамора, а посреди этой площади высится прежний исполинский и заставляющий сердце стучать радостнее замок.

Я нарочито исчез так эффектно на глазах Хреймдара и старого алхимика — среди магов репутацию тоже нужно поддерживать. Оба возрадуются, что служат такому властелину, что как бы из их тайного клана, и другим сообщат тайком и под клятвой. Или не сообщат, но их преданность мне станет крепче...

Замок Синтифаэль прекрасный, как создание лучших и самых умелых ювелиров, с множеством башен и башенок, двойной зубчатой стеной, балконами, карнизами, мостиками и балюстрадами, а особенно

заметны огромные окна, там цветная мозаика, как в лучших соборах, только без церковной тематики.

Я двинулся к нему как замороженный, мир в теплых светлых цветах, никакой зимы, воздух чист и прозрачен, деревья зеленые, над цветущими кустарниками порхают просто небывало огромные бабочки невиданных расцветок, проносятся стрекозы, ненадолго зависая в воздухе совершенно неподвижно, только слюдяные крылышки слегка и почти незаметно вибрируют...

Не отзывая зачарованного взора, я медленно двигался через площадь к замку, слишком картинному и прекрасному, чтобы быть настоящим, все-таки замок — это нечто суровое, мрачное и жестокое, для жизни приспособленное очень мало, потому в них живут только очень сильные и выносливые люди, что построили замок для войны и осад...

Эльфы все так же пребывают в незримости, но теперь замечаю где по меняющим очертания кустам и деревьям, где по скользящим неслышно полупрозрачным силуэтам, где просто вижу, пусть и неясно... ура-ура, моя чувствительность продолжает повышаться и совершенствоваться.

Ворота сказочного замка не изменили ни цвет, ни форму, только стали чуточку крупнее. По обе стороны эльфы, королевские стражники, в руках копья, на мой взгляд, слишком уж игрушечные, какие-то дротики, а не копья, хотя, конечно, и сами не гиганты.

Я сказал лучезарно:

— Солдат сопит, а служба идет?.. Хорошо устроились, хвалю.

Они смолчали, я сам ногой открыл ворота, получилось как-то по-человечески, с треском и грохотом, а вошел все такой же радостный и открытый этому миру. Эльфы не поняли моего дружелюбия и шарах-



нулись во все стороны, выпадая в видимость, а навстречу бросился Леголасэль, еще элегантнее, чем в прошлый раз, и, как теперь вижу, даже отважнее многих.

Я смотрел, как он неслышно скользит, как по льду, в падающем со свода чистом и солнечном свете, хотя небо должно быть серо-черным от низких туч.

— Привет управляющему королевскими службами! — сказал я первым, уже по привычке сюзерена заговаривать с подданными, не смеющими по этикету открывать рты, пока не заговорит старший по титулу. — Надеюсь, налоговая тоже в вашем ведении? Или только санитарная?..

Он остановился в трех шагах от меня, сдержанно поклонился, но я заметил, что чуть ниже, чем в прошлый раз, и с большим почтением и некоторым почти трепетом.

— Конт, мы ради видеть вас...

— Правда? — изумился я. — Я что-то надел задом наперед? Или у меня ширинка расстегнута?.. Леголасэль, вы уж не пугайте так, я все-таки эльф простой, наивный, доверчивый, к дворам не приученный... Мне бы на «ура» и чтоб ломать что-то особо ценное, а еще поджигать страсть как люблю...

Он опасливо отодвинулся.

— Мы ждали вас, конт. Позвольте, проведу.

— Это в каком смысле? — спросил я с подозрением. — Меня провести легко, я простодушный, но из-за простоты я еще и злопамятный.

Он поклонился и отступил в сторону, жестом указывая дорогу.

— Прошу вас.

— Что, — спросил я с недоверием, — в те же покои? Я думал, королева не только не надевает дважды

одно и то же платье, но и не ночует в каких-то апартаментах дважды.

Он шел рядом, чопорный и гармоничный, образцово-показательный, весь источающий благостность и великолепность, словно вбирает в себя блеск и величие замка, а затем распространяет вокруг себя, как мощный аромат.

В залах не многолюдно, однако эльфы на этот раз присутствуют, не уходя в незримость, как будто мое первое дежурство в покоях Синтифаэль подняло меня на некую ступень доверия.

Я заметил, как Леголасэль поглядывает с некоторой опаской, вид у него такой, что жаждет что-то брякнуть, но не решается.

— Что? — спросил я на ходу.

Он быстро отвел взгляд, снова посмотрел с той же тревогой в ясном взоре высокорожденного эльфа.

— Вы, конт, в своих заботах не забыли о своих обязанностях?

— Разве такое забудешь, — сказал я. — Восторг!

— Бдить, — сказал он, — бдить!.. Когда-то эльфы были не все цивилизованны в нужной степени, королеву приходилось охранять, понимаете?.. Сейчас это, конечно, дань священной традиции. Мы храним их ревностно, однако...

— Однако?

Он тяжело вздохнул.

— Тот, кто охраняет, как бы делится с королевой присутствием духа, его воли и чистоты стремлений. И даже устремлений, что, как вы понимаете...

— Да, — ответил я, хотя абсолютно не понимаю разницы, — это особенно да, это вы задвинули здорово, внушаить!.. Как бы даже трепет по шкуре. Это кожа такая, когда еще не выделанная, а так, сыромятная. Ну, вам это незнакомо, вы получаете сразу



готовую... Да не шкуру, а то, что из шкуры, что уже и не шкура, а кожа...

Его передернуло: как же высокородному эльфу слышать о таких отвратительных вещах, как сыромятная шкура, жуть просто.

— И еще, — напомнил он весомо, — заговаривать не должны ни при каких обстоятельствах!

— Совсем-совсем?

Он повернул голову и посмотрел на меня очень строго.

— Ни при каких, повторяю.

Я сказал простецки:

— А если... заговорю?

— Вы будете покрыты позором!

— Покрыт позором, — повторил я задумчиво. — А как покрыт? Весь?.. Я имею в виду, с головы до ног или как-то не весь?.. Это важно, потому что мы все одни части тела ценим и уважаем больше, чем другие, хотя это и недемократично. Но мы же реалисты?

Он стиснул челюсти так, словно и не эльф, а прямо тролль, невыдержанный какой-то, а еще культура, да еще и древняя, что с традициями...

Остался последний зал, там самые-самые, как понимаю, еще допотопные, в смысле — наиболее древних и потому уважаемых родов, заставших еще рассвет земли и с безгловым интересом наблюдавших появление дикого человека.

Под сверкающей стеной, что уходит в немыслимую высь, как крохотные кузнечики смотрятся стражи у огромной двери, не сделанной, а сотворенной мастерами, которых больше не встретить на земле, ну это и понятно, в старину все было больше, крупнее, лучше, глыбже, а снег белее.

Я ожидал, что стражи как-то прореагируют на мое появление, все-таки я еще тот эльф, я бы на их месте

точно вытаращил глаза, а то и высказался бы вслух и очень энергично, однако эти двое не повели и бровью.

Дверь распахнулась сама, медленно и печально, то есть торжественно и возвышенно.

Мы вступили в зал, который и раньше показался мне весьма, даже королевские покои в Сен-Мари в сравнении смотрятся вроде хижины дровосека, а это даже и не знаю, с чем и сравнить, у меня дыхание захватило от восторга, словно у той вороны с сыром в пасти, что слушала хитрую лису.

— Весьма, — изрек я, — да, весьма. И зело. Королева, надо полагать ввиду новых данных, все в той же комнатке, что дальше?

— Ее Величество королева Синтифаэль, — сказал он внушительно, — рожденная из Света и Солнца, изволит пребывать в своих покоях. Такое у нее возжелание.

— Типун на ваш эльфийский, — пробормотал я. — Такие слова потребляете, что я со своим простым умом чего только не намысливаю!

Он поинтересовался с носорожьей надменностью:

— Что такое типун?

— Это я желаю счастья вам, — пояснил я. — Щастя на века!

Он остановился.

— Дальше только вы, конт.

Я дернулся, он как-то ухитрился в то короткое словцо вложить столько втоптывающих меня в землю по самые ноздри оттенков, что я даже и не сообразил, как ответить... Ладно, зато у меня бицепс больше вдвое, от этой мысли при любой неприятности настроение сразу идет победно вверх и даже ввысь.

Дверь распахнулась, не дав мне прикоснуться, словно девочка, не позволяющая ее лапать посторонним.



Глава 9

Зал все тот же, королева на этот раз не проявила свою женскость: простые натуры обычно раз в месяц перетаскивают из угла в угол тяжелую мебель, а раз в неделю — столы и стулья, а королева на то и королева, чтобы перестраивать сообразно своему циклу весь дворец, назовем так причуды женского настроения.

Под ногами толстая ковровая дорожка, я пошел по ней тупо и бездумно, потому что вдали у стены со светящимися знаками от пола и до потолка за столом сама Синтифаэль в горестной позе, уперев локти в столешницу и опустив голову на скрещенные пальцы так, что я вижу только золото волос, укрывающих плечи и спину.

Она меня, похоже, не слышит, настолько глубоко ушла в свои думы, я замедлил шаг и приблизился почти на цыпочках, даже дыхание задержал.

Головы она не поднимала, потом голос ее прозвучал так неожиданно, что я чуть не подпрыгнул:

— Конт, мощное биение вашего сердца слышно и в соседнем зале.

Я пробормотал:

— Что у вас за стены... Хотите, пришлю каменщиков, пусть добавят хотя бы ряд кирпичей? Можно два, только скажите.

Она медленно подняла голову, строгие глаза сейчас наполнены такой печалью, что я сделал шаг и, оказавшись рядом, преклонил колено.

— Ваше Величество! Я, как ваш вассал... только скажите! Я не могу видеть, как вас что-то печалит на этом свете!

— Во многом знании много печали, — произнесла она кротко, — потому это все внутри нас, конт.

— Ваше Величество, — сказал я уже не так пламенно, даже голос приглушил до шепота, — а почему мне сказали, что с вами нельзя разговаривать?

Печаль оставалась в ее глазах, а теперь еще и на губах появилась невеселая улыбка.

— Это... традиция. Древняя традиция.

— Но, — проговорил я, — если ее нарушить, гром не грянет?

Она улыбнулась совсем грустно.

— Разве что внутри нас. Потому нельзя. Но я иногда... Нет, только с вами, конт, а раньше разве что в мыслях. Не знаю почему... Наверное, потому что вы несете нам что-то новое.

Я прошептал:

— Но ревнители традиций против?

Улыбка покинула ее лицо, глаза остались печальными, но вместе с тем и привычно строгими.

— Вы быстро схватываете, конт.

— Жизнь такая, — ответил я. — Если не схватишь, тебя самого схватят. И употребят. В смысле, сожрут с костями. Вот уж не думал, что у эльфов, что и сейчас еще кажутся на одно лицо, могут быть разные мнения.

— Мнения могут, — ответила она, — однако действуем все одинаково.

— Мне всегда муравьи нравились, — согласился я. — Вот уж поистине коллективизм, самоотдача, все мысли только о благе Отечества, ничего личного... Однако, Ваше Величество, раз уж заговорили, может быть...

Она прервала:

— Встаньте, конт. Для вас этот жест достаточно необычен, чувствуется издали. Это перед вами преклоняют колени, так?

Я поднялся, поклонился.

— Ваше Величество, позвольте...



Она и бровью не повела, когда на столе начали появляться хрустальные фужеры из тончайшего стекла изумительной работы, затем хрустальные вазы и вазочки из стекла потолще, уже с умело вырезанными гранями, чтобы выглядели наполненными живым огнем.

Никогда еще я так не старался, как создавая этот парадный столовый сервиз, так и наполняя самым изысканным и нежнейшим, что только пробовал в жизни.

Бесконечно прекрасное лицо Синтифаэль оставалось неподвижным, только красиво вырезанные ноздри геометрически правильного носа пару раз дрогнули, улавливая ароматы не просто незнакомые, а предельно тонкие, изысканные, строгие, без намека на чувственность, а только исполненные предельного артистизма и невероятного изящества.

— Неужели, — проговорила она медленно, чтобы не выдать изумления, присущего простым натурам, — это могут создавать люди?

— Могут и больше, — ответил я честно. — Просто я никогда не увлекался чревоугодием, потому знаю о нем мало.

— Это очень немало, — произнесла она с расстановкой.

— Ваше Величество, — сказал я, — не рискуя предлагать вам блюда из мяса, птицы и рыбы... вдруг вы против, к тому же на ночь это вредно, я ограничился легким десертом. Прошу вас, окажите мне огромную честь, отведав это вот...

Она улыбнулась одними глазами, даже в личных покоях оставаясь королевой, что помнит о своем величии.

— Благодарю вас, конт.

— Это мой долг, — заверил я, — быть полезным королеве всеми своими фибрами. И чужими тоже, я же конт, не что-то беспородное...

Она деликатно брала нежными пальчиками рассыпчатое печенье, пробовала пирожные, я их наготовил хоть и по одной штучке, но с полсотни, столько даже сэр Растер не съест, а потом придвинул к ней изящную вазочку.

— Ваше Величество...

Там высится сказочно прекрасный дворец из мороженого разных сортов; Синтифаэль бросила на меня загадочный взгляд, моментально уловив, что это и есть ее домик, который так любит перестраивать.

— Это тоже пирожное? И его можно... есть?

— Это мороженое, — уточнил я. — Тоже как бы подвид пирожного, только несколько иного склада. Ваше Величество, а как ваши ревнители старых традиций относятся к идее, что эльфы могли бы соприкасаться с людьми... поближе?

Она деликатно подбирала серебряной ложечкой мороженое с краев, где оно подтаяло, словно ведет подкоп сразу со всех сторон, и ответила, не глядя в мою сторону:

— Отрицательно.

— Насколько?

— Абсолютно, — ответила она.

— А вы сказали им, — напомнил я, — что в ряде районов, гм, эльфы даже заходят в города и села людей, чтобы купить нужные им вещи?

Она кивнула, снова не переводя взгляд на меня.

— Они ответили, что те эльфы уже вымирают. Поэтому и.

— Вымирают, — спросил я, — потому что общаются с людьми?

— Это тоже, — произнесла она. — Хотя, если бы не начали вымирать, не пришли бы к людям. А так вымирание только ускорилось. А мы вот не вымираем! И все потому, что свято храним древние обычаи.



— А с какого момента считать вымирание? — спросил я. — Простите, Ваше Величество, но скажу кощунственную вещь, только не бейте... а если уж очень сильно восхотите, то не по голове... ладно, бейте и по голове, вам все можно, вы ж королева и очень красивая женщина, просто изумительно красивая, таким все можно... Ага, я про вымирание. На мой взгляд, оно у вас уже началось. И давно. Но идет так медленно, что вы привыкли и даже не замечаете, что когда-то эльфы правили всем Великим Эльфийским Лесом, а теперь только огрызком, да и тот простые крестьяне уничтожают, освобождая себе место под пашни и огороды.

Она отложила ложечку и сказала со вздохом:

— Потому и стараются не замечать. Ведь гибель идет не от воинственных королей, а от простого крестьянства. Что может быть постыднее?

— Там в мороженом есть сюрпризы, — сказал я, и она снова взялась за ложечку. — Ваше Величество, если вы за сближение с людьми, которые вами восторгаются, то почему не воспользоваться ситуацией?..

Она качнула головой.

— Я королева.

— Ну?

Она молча взломала шоколадные двери в свой замок, я ждал, наконец произнесла нехотя:

— Я королева, должна хранить традиции.

— А-а-а, — сказал я, — королева царствует, но не управляет?..

Она поднесла ко рту половинку двери, попробовала на вкус, посмаковала необычное блюдо.

— Я управляю, — ответила достаточно твердо, — но Совет Достойных управляет тоже.

— Двоевластие?

— Нет, но...

— Зачатки демократии, — сказал я понимающе. — Ваше Величество, как великий знаток неумолимого хода истории и вообще умница, смею уверить вас, что к истинному народоправле... эльфоправлению можно прийти только через неизбежный прекрасный период абсолютной власти монарха, названного абсолютизмом!

Она продолжала перестраивать свой замок, расширяя окна и уничтожив одну из стен, а также сняв две башенки, где обнаружили крупно протертые орешки.

— Это, — спросила после паузы, — что за период?

— Период, — объяснил я с чувством, — не ограниченной никакими Советами и законами власти монарха! Если копнуть историю, то обнаружим, что только при абсолютизме создавались шедевры искусства, музыки, литературы, архитектуры... потому вы во имя эльфов и просвещенного эльфизма должны и даже обязаны взять бразды в свои прекрасные длани крепче! И править невзирая на.

Она по-прежнему избегала моего взгляда, медленно и с чувством разбирая свой замок, пробуя то пломбир, то фруктовость, то шоколадность, выбирала свежие ягодки земляники, черники и всего того, что когда-то попадалось вкусного в мороженом мне.

— Не знаю, — произнесла она. — Ко многому я готова... потому что с детства меня готовили быть королевой и заботиться о своем народе, а это больше, чем хранить традиции.

— А к чему не готовы?

Она ответила со вздохом, что у меня прозвучал бы как легкий, а для нее это даже не камень на сердце, а Монблан:

— Не готова спорить... и доказывать. Хранители традиций — это самые старые, мудрые и почитаемые



члены нашего народа. Они будут против любых изменений. И, боюсь, я не смогу...

— Что не сможете?

— Что-то противопоставить их мудрости.

Я ответил с достоинством:

— Что есть мудрость, спросил Пилат и ушел, не дожидаясь ответа. Безумство храбрых, вот мудрость жизни! Миром вообще правит безумие. Будем бороться с ним или присоединимся к нему?..

Она взглянула на меня искоса.

— Люди безумны?..

— Отчасти, — ответил я, — потому и выигрывают. В общем. А тот, кто желает никогда-никогда не проигрывать, — никогда не выиграет. И вообще не сдвинется с места. А кто стоит, того жизнь вообще относит назад.

Он приподняла брови.

— Относит назад?

— Когда всадники несутся во весь опор, — объяснил я, — то назад относит даже того, кто отстал. А уж про того, кто едет шагом или вообще остался на месте, и говорить нечего!.. Ваше Величество, чтобы оставаться с миром наравне, нужно скакать... или бежать во весь опор!

Она повторила задумчиво:

— Кто остается на месте, того жизнь относит в прошлое... Как верно...

— Моя рука, — сказал я горячо, — мой длинный меч и мое сердце у ваших ног. Располагайте ими.

Она опустила ложечку на край хрустальной вазы, от замка остались только руины, я бы столько, наверное, и не съел за раз, посмотрела на меня строго и внимательно.

— Я надеялась, конт, что вы скажете что-то подобное.

— Ваше Величество?

Она произнесла негромко:

— Потому я и велела внести вас в начало списка допущенных к дежурству в моих покоях.

Я подпрыгнул вместе со стулом.

— Ваше Величество?.. Так это был ваш выбор?.. Я счастлив, я безумно горд, я приложу все силы, чтобы наш коварный заговор удался... нет-нет, не коварный, а справедливый и направленный на.

Она не отрывала от меня взгляда строгих и прекрасных глаз истинной королевы эльфов.

— Что вы имеете в виду, конт?

— Что мы вдвоем, — сказал я с жаром, — продумаем осторожные шаги на сближение с миром людей! А остальные пусть идут... Эльфийским Лесом. Гуляют, в общем. И мудрствуют сколько в них влезет.

Она покачала головой.

— Но вы слишком торопитесь, конт. В торопливости много риска. И опасностей.

— Мы справимся, — сказал я хвастливо. — Ваше величество, отведайте вот этого...

Она внимательно смотрела, как два пузатых фужера наполняются пузырящейся жидкостью.

— А это что?

— Я бы назвал это шампанским, — ответил я, — но оно точно не из Шампани, так что назовем синтифаэлем.

Она поднесла к губам осторожно, я задержал дыхание, все-таки вино, хотя я создал самое сладкое из существующих шампанских, однако Синтифаэль коснулась губами, некоторое время анализировала и прислушивалась к своим чувствам, затем сделала первый глоток.

— Странный вкус, — произнесла она с неуверенностью. — Что-то в нем необычное и тревожащее.



Но вместе с тем нравится... В мире людей, оказывается, не только ужасы и жестокость, верно?

— Это мы знаем точно, — заверил я. — Ну, за наши победы!

Она с неуверенностью, копируя мой жест, подняла над столом фужер, я легонько коснулся его краем своего. Раздался тихий музыкальный звон, легкий и чистый, почти эльфийский.

Я осушил половину содержимого и осторожно опустил на стол. Синтифаэль отпила ровно столько же, прекрасно, старается понять нашу жизнь, для этого копирует мои жесты, а это самый простой и легкий вид обучения.

— Это обычай людей?

— Совместное распитие, — пояснил я неуклюже, — помогает лучше узнать друг друга. Вино показывает каждого таким, каков он есть. А Овидий, был такой бард, сказал, что от вина бегут, исчезая, заботы, является смех, бедняк собирается с духом, проходят грусть, заботы и морщины на лбу, намерения становятся искренними — что так редко в наш век, вино уничтожает всякую искусственность.

Она покачала головой.

— Все ли в сказанном верно?

— Почти, — ответил я. — В целом. Старое дерево лучше горит, на старой лошади безопаснее ехать, старые книги приятнее читать, старое вино приятнее пить, старым друзьям можно больше всего довериться... Это я к тому, что это вино старое, а я ваш старый друг...

Она даже отстранилась в изумлении.

— Конт! Да вы еще ребенок!

— Мы с вами уже сколько знакомы? — напомнил я. — По меркам людей это близко к вечности. Потому можете мне довериться... Ну, за доверие!

Я наполнил фужеры снова, на этот раз выпил до дна, а Синтифазель, глядя на меня и копируя каждый жест, сделала то же самое и так же лихо опустила ножку бокала на столешницу...

Глава 10

На ее изысканно-бледных аристократических щеках начал проступать здоровый румянец крестьянской девушки. Глаза, и без того сияющие, заблестели ярко и задорно.

— За доверие, — повторила она.

— И не бойтесь испугать свой народ, — сказал я, — возможными трудностями. Короли, которые страшат свой народ кровью, тяжким трудом, слезами и потом, пользуются большим доверием, чем те, кто сулит благополучие и процветание.

— Это у вас... так? Почему?

— После тяжелого труда наступит заслуженное процветание, — сказал я, — все это понимают. А вот сразу благополучие и процветание... гм... Щедрые обещания уменьшают доверие. У вас разве не так?

Она призналась со вздохом:

— Даже не знаю. Очень немногим могу доверить эти планы.

Я сказал наставительно:

— Какие-то вещи можно открыть женам или мужьям, что-то друзьям, какие-то секреты даже детям — все они достойны доверия! Но всего, Ваше Величество, каждому открывать нельзя. Вообще принято считать у мудрецов, что доверие оказывать можно лишь тем, кто имеет мужество при случае вам перечить и кто предпочитает ваше доброе имя вашей милости.



Она посмотрела на меня с некоторым сомнением.

— А вы что, мудрец, конт Астральмэль?

— Еще какой! — воскликнул я. — По мне разве не видно? По моему глубокому челу и как бы мудрому взору?

Она вздохнула.

— Да-да, вы нечто очень даже непростое, хотя не знаю...

— Что?

— Мы предпочитаем простое и ясное, — ответила она.

— Жизнь нельзя упрощать, — сказал я назидательно. — Кто советует смотреть на жизнь проще, тот тянет в пещеры... ах, вы не из пещер, ну тогда на деревья.

— Со сложностями легче ошибаться, — заметила она. — Конт, я начну осторожно говорить с наиболее доверенными насчет будущих шагов к большей открытости к людям... Но у Совета Мудрых другое мнение.

— Какое?

Она покачала головой.

— Которое отличается от моего.

Я сказал с благородным негодованием:

— Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверием Вашего Величества?

Она слабо улыбнулась.

— Наверное, у вас тоже нечто подобное, судя по вашей реакции?

— Ваше Величество, — сказал я доверительно, — я вообще, можно сказать, один-единешенек среди не просто несогласных со мной, но абсолютно несогласных!

Она округлила глаза.

— И... как вы?

— Веду за собой, — сказал я твердо. — Несмотря на их несогласие. В этом и есть искусство политика.

Ваше Величество, давайте выпьем этого прекрасного вина, чтобы победа наша была скорой и успешной!

Она подняла наполненный фужер, повторила:

— За успех...

Бледность кожи на щеках все сильнее уступает место здоровому румянцу, что поднялся по скулам к ушам и воспламенил их, глаза блестят, подобно утренним звездам, крупным и чистым, омытым росой. Рассчитанная замедленность движений постепенно уходит, и становится видно отчетливо, что Синтифаэль не просто королева, но молодая и яркая девушка.

— Мы победим, — сказал я уверенно.

Она взглянула несколько странно.

— Такая убежденность. А появились вы в нашем лесу совсем не таким...

— Ваше Величество, — ахнул я, — вы все это помните? Это было так ужасающе давно, что я уже как-то и не словно бы... Это вы, эльфы, по тысяче лет живете, даже больше, а у нас все быстро-быстро, для нас не то что год, час — уже вечность!.. Особенно когда жрать хочется, а за стол все никак не зовут.

Она поморщилась, но я уловил в ее голосе некоторое колебание, когда она проговорила в царственном раздумье:

— Возможно, это в самом деле... из-за такой разности... что обычно не принимаем во внимание...

— Ибо не общались с людьми, — сказал я жарко, — но сейчас, когда идут процессы по неизбежному слиянию, что взаимовыгодно... отдельным политикам и приближенным к ним, мы должны принимать, ибо ага, это есть и накладывает заметный такой отпечаток!

Она улыбалась все чаще, иногда невпопад, я с сильно бьющимся сердцем взял ее за руку и трепетно поцеловал длинные артистичные пальцы. Они чуть дрогнули, то ли пыталась убраться, то ли не поняла



этого странного жеста, но я поцеловал снова, на этот раз нежнее и чувственнее.

— Конт, — произнесла она потерянным голосом, — что вы делаете...

— Это ритуальное, — объяснил я, — для победы эльфизма во всем мире.

Повернув ее ладонь, я поцеловал кончики пальцев, там нервные окончания чувствительные особенно, даже сам прочувствовал, она странно оцепенела, я принялся целовать от кисти и выше, пока сам не вздрогнул, чувствуя, что перехожу некую грань.

Синтифаэль ее еще не ощутила, но я-то чувствую, не говоря уже о том, что и понимаю, а понимаю больше, чем чувствую, а сейчас то и другое говорит ясно и громко, что я немножко свинья, а то и вовсе не так уж немножко, и нечего оправдываться обстоятельством, вином и красивой женщиной...

Это не женщина, а символ, а я буду выглядеть извращенцем, что покусился на символ, это противостоит естеству. И хотя я из такого общества, что противоестественного уже ничего в нем и не осталось, но здесь я святее папы и роялистее короля, хотя, конечно, и не всегда, а как бы порывами своей необъятной души...

Синтифаэль смотрела на меня с сомнением, а я чувствовал, как все сильнее колотится мое сердце.

— Ваше Величество, — сказал я с трепетом, — ради блага и взаимопонимания наших народов, для торжества мультикультурности... мы просто должны с вами... ох, какая дивная грудь!.. и для счастья подданных... давайте и вот это непонятное сниму... взаимопонимание наших подданных — это так важно... но мы можем сейчас убрать все камешки на пути этого так необходимого взаимопонимания, глубокого и всестороннего... Господи, какая у вас нежная кожа,

с ума сойти!.. и мы с вами сейчас проникнемся нуждами наших великих братских народов, идущих по пути демократии и мультикультурности, когда я учитываю все ваши потребности, а вы — мои... И даже если какие-то из них покажутся друг другу причудливыми, мы должны идти к разноцветному миру, относясь с глубоким уважением к обычаям и желаниям друг друга и не считать некоторые из них неприемлемыми только потому, что они пришли из иной культуры... Да-да, это можно... даже нужно!..

Похоже, все-таки есть сила, с которой не совладать даже таким рациональным людям, как вот я, она швыряет человека, как щепку, это ревущий ураган, что грозит разметать на мелкие клочья, если будешь противиться.

Ее называют по-разному, это нечто хтоническое, превышающее даже силы богов, и хотя я знаю и другие названия, попроще, но все мы выбираем те, которые либо льстят нам, либо оправдывают наши слабости и наше не весьма достойное поведение.

Я взял ее на руки, нежную и невесомую, сейчас бесконечно слабую и хрупкую, нуждающуюся в моей защите, я же самец и обязан, а ее руки сами по себе обвили мою шею, то ли боится упасть с такого дерева, то ли старается прижаться плотнее, чувствуя надежность этого дикого эльфа...

Так нести был готов на край света, замирая от счастья и нежности, однако само приблизилось роскошнейшее ложе и ткнулось краем в колени, розовый балдахин навис над обоими, и я бережно опустил сокровище на вытянутых руках на самую середину.

Она закрыла глаза, голову бессильно откинула в сторону, обнажив изумительной формы розовое ухо и элегантную линию шеи. Ключицы выступают резко, усиливая и без того сшибающее с ног ощущение



нежности и беспомощности существа, которое нужно беречь, защищать, любить и сдвигать с него пылинки.

Ложе не пискнуло, когда я опустился рядом, но я чувствовал его безмолвный протест и возмущение: как можно решиться на такое святотатство?

Она распахнула дивные глаза, огромные и чистые, в них непонимание и растущее смятение.

— Конт...

— Ваше Величество, — шепнул я жарко, — разве вы не чувствуете этот мощный зов Великого Дуба?

Она озадаченно пробормотала:

— Это его зов?.. А то я подумала...

— Его, Ваше Величество, — ответил я страстно. — Как же он велик и могуч!.. Да узрят неверные его силу и власть...

— Конт, — проговорила она замедленно, — что вы... делаете?

— Не обращайтесь внимания, — сказал я, — Ваше Величество! Когда изволит с нами напрямую вот так говорить сам Великий Дуб, мы должны благоговейно принимать все, что он велит и скажет, ибо его мудрость превосходит все, что было на свете, есть и будет...

Она ответила бездумно, как я понял, это их привычная ритуальная фраза:

— Да будет с нами любовь Великого Дуба... Конт, Великий Дуб говорил вот так последний раз с эльфами много лет назад!.. Или столетий, уже и не помню... у меня что-то с головой, сознание как-то плывет...

— Это Великий Дуб, — успокоил я. — Так ему легче говорить с нами, мы не так противимся его словам, мы же всегда и всему противимся, защищая свой внутренний мир!

— Но почему...

— Время великих перемен, — объяснил я. — Поэтому и заговорил. Вы будете той великой королевой,

даже величайшей, что изменит судьбу эльфов к лучшему, выведет их на дорогу счастья и победного процветания!

Она пробормотала одурело:

— Да... Раз и Великий Дуб... что вы там делаете?

— Да эти шнурки, — пробормотал я, — вечно в них путаюсь.

Она повела бровью, и платье вообще исчезло со всеми узелками на шнурках, завязочками, веревочками, брошками и прочими ненужностями, отвлекающими мужчин от главного, что находится под кожей, какой бы она ни была красивой.

Я видел обалдело, что она не соображает, что делает и что происходит: мне помешали эти сложные узелки, она их убрала, как и то, что мне помешает, как она чувствовала, еще. Я смотрел с сильнейшим щемом в успевшем заскорузнуть и отвердеть сердце и чувствовал, как плавится его защитная корка из заледеневшего гранита и внутри просыпается и с надеждой прислушивается ко всему, что происходит там снаружи, нечто трепетное и, стыдно признаться, жаждущее вот этих розовых соплей.

— Нас ведет Великий Дуб, — сказал я страстно, — да будет на все его воля, его желания! Да сбудется все, что он велит нам совершить, и да оправдаем мы его надежды!

Она проговорила заплетающимся языком, в голосе прозвучала тревога:

— Конт...

— Ваше Величество...

— Я слышу только его присутствие... а вы...

— Я и голос слышу, — заверил я. — Даже не голос, а те указания и установки, которые дает, словно десять заповедей... Может, их и больше, но какие-то мог не расслышать.



Она шепнула:

— Конт, постарайтесь следовать его воле...

— Постараюсь, — заверил я, — еще как постараюсь!

Ее тело девственницы, что должно быть фригидным, оказалось очень чувствительным, и когда я наклонился, чтобы почти целомудренно поцеловать в плечо, там побежали «гусики», кожа пошла крохотными пупырышками, а когда осмелился приблизить губы к ее нежнейшей груди с по-детски розовыми кружками, там в ответ поднялись красные кончики, затвердели и стали еще крупнее, наливаясь багровостью, словно накаляясь в огне.

Я целовал ее всю нежно и осторожно, она закрыла глаза и прислушивалась к тому, как отзывается ее тело на зов Великого Дуба, а я нежно и со щемом ощупывал и разминал ее розовые ступни, пальчики такие смешные и трогательные, я брал их в рот по одному, словно леденцы, а Синтифаэль вздыхала и поворачивала голову из стороны в сторону, еще больше разметывая по подушке золото волос, но глаз не открывала.

В какой-то момент она шепнула с испугом:

— Конт... я не знаю, что со мной происходит...

— Ваше величество, — ответил я быстро, — не противьтесь, это воля Великого Дуба!.. Он так своеобразно говорит с нами. А я как бы авгур-толкователь...

— Это... кто?

— Неважно, уже иду...

Она не успела спросить, куда это я иду, если и так уже не просто рядом, а зачем-то почти сверху, навис, как разогретая на солнце скала, на которой любят греться и нежиться ящерицы.

— Ваше Величество, — шепнул я, — а теперь раздвиньте ноги... Это ритуальное, еще жрецы майя в своих календарях... И Нострадамус... Нет-нет, имен-

но так необходимо и как бы предначертано! Кто мы, чтобы противиться воле Великого Дуба, что ведет нас сквозь испытания к вершинам побед?

Похоже, хтоническая мощь Великого Дуба заполонила ее суть и вытеснила сознание, ибо во взгляде появилось... ну, не безумие, но исчезла та прямота и пронизательность, что всегда так смущала, с женщинами только я должен быть умным, а они все обязаны быть или казаться дурами, потому сейчас, не давая ей выйти из этого правильного состояния, я принялся покорно исполнять священную и непрекаемую волю Священного Дуба, чувствуя, как сам становлюсь уже не просто дубом, а вулканом, раскаленным внутри и наполненным магмой.

Глава II

Мы так и проснулись утром, держа друг друга в объятиях. Воля Священного Дуба все еще не покинула наши тела и наше объединенное сознание. Я ощутил это и по Синтифаэли, она что-то пробормотала, примостила голову на моем плече и, обхватив рукой за другое плечо, снова заснула, а я боялся даже дышать на нее, такую нежную и хрупкую, чтобы не повредить слишком горячим дыханием.

Дворец, такой чуткий к нашим запросам и пожеланием, то ли проболтался, то ли наябедничал Совету Мудрых, и когда мы пробудились во второй раз, Синтифаэль вздрогнула и в страхе посмотрела по сторонам.

— Что... что произошло?

Я сказал в чисто мужском покаянии:

— Если бы я сам знал!.. Всегда считал себя таким булыжником, что не поддастся никаким голосам



и чувствам, а тут вдруг на тебе!.. И на голову не налезет!.. Это ж каким дубом нужно быть...

Она прошептала настороженно:

— Конт! Вы слышали древний зов Великого Дуба, что он велел?

Я сказал в тоске:

— Какой зов? Я сам был дубом, да не просто великим, а просто таким, что и сам не знаю!.. Это он все, а я ни при чем, я не мог даже противиться такой великой всесшибающей силе...

Ее громадные глаза расширились еще больше, век бы в них смотрел, в них проступило безмерное изумление.

— Что? Со мной в твоём никчемном теле был наш великий прародитель Вечный и Мудрый Дуб?.. Это он оказал мне свою милость, как и предсказано в древних пророчествах?

Я спросил с надеждой:

— Даже в пророчествах? Ох, как я в них верю, как верю!

— Сказано, — продолжила она, подняв воспаленное лицо и узкие ладошки кверху, — явится самой мудрой из женщин в тяжелый час нашего племени...

— И самой красивой, — сказал я лъстиво. — Ну тогда да, понятно... почему ничего не помню!

Она повернула ко мне голову, глаза блеснули гневом.

— Точно?

— Абсолютно! — поклялся я. — Помню, как вошел в этот зал... а потом вдруг почему-то вот здесь. Что-то случилось, а?

Она произнесла надменно:

— Великое Таинство!.. Только богам доступное.

— Да, — сказал я лицемерно, — боги могут все! Даже то, наверное, что не могут принцы. А то и короли, хотя еще не уверен.

— Конт, — произнесла она холодно, — займите свое место у двери.

— Да-да, — пробормотал я, — у двери на коврике... Ох, там даже и тряпочки нету.

Она молчала, а я слез с ложа и двинулся в нужную сторону, покачиваясь и хватаясь за воздух, словно вылавливаю и даблю белых чертей, а когда преодолел это бесконечное пространство, повернулся лицом к залу и уперся спиной в дверь, чего раньше не делал, но сейчас в самом деле оправданно, ноги подрагивают и обещают вот-вот превратиться в воду.

Синтифаэль все еще сидит, выпрямив спинку, на ложе, чистая и светлая, будто из лунного света. Вся настолько прозрачная, что дать бы ей морковку, как зайцу, я бы видел, как та идет по горлу, а потом опускается в пузо, которого нет, а потом лежит в боку, красная такая...

Лицо в тени, но мне кажется, потрясенно-растерянное выражение все еще то, прежнее, и уходить не спешит.

Если все так оставить, сказала нечто во мне умное и рациональное, то все, как было до этой ночи, и останется. Но я буду слишком умным, если все так оставлю, а я не умный, я — действующий.

— Ваше Величество, — произнес я смиренно, — простите, что заговариваю первым, но ведь мы, послушные воле Великого Дуба, всего лишь исполнили ритуал, который он нам предписал. В точности исполнили... Это он за него отвечает, а не мы.

Она прервала:

— Во дворце что-то происходит!

— Готовят обильный завтрак в постель?

— Нет, — ответила она резко, — все взволнованы... Слишком взволнованы!



— Успокоим, — сказал я самоуверенно, — ничего ж не произошло.

Она вскочила с постели, вскинула руки в повелительном жесте, и сверху соскользнуло, материализуясь на лету, роскошное золотое платье. Золото волос поднялось и укрылось под тончайшей золотой сеткой.

— Мне бы так, — пробормотал я с завистью. — Хотя... надо как-нибудь попробовать.

Она оглянулась, лицо уже строгое, только в глазах остатки страха и неуверенности.

— Они собирают Совет Мудрых...

— Не поддавайтесь, — посоветовал я с нажимом. — Ссылайтесь на волю Священного Дуба, это такой аргумент, что они со своим мышинным писком пусть заткнутся. А если нет, то они еретики, что не уважают волю Священного Дуба... и вообще против старинных и освященных традиций!

Она пробормотала:

— Но они как раз за сохранение...

— Неважно, — сказал я с еще большим напором, — сейчас мы за сохранение, а они — против. Вы не должны защищаться и оправдываться, это заведомый проигрыш!.. Только наступление, встречные обвинения, угрозы... у вас есть угрозы?... обещания встречных санкций, штрафов и репараций!

— Что такое репарации?

Я отмахнулся.

— Неважно, слово какое-то само по себе нехорошее. Непонятное пугает даже мужчин, если они мудрые. Это дураки ничего не боятся.

Золотые стены на миг потемнели, словно погасла часть свечей, но справились, и снова мы тонем в том же блеске, но теперь и я ощутил угрозу, что охватила все сообщество эльфов, словно я пробрался через все муравьиные заслоны из элитных солдат

в сокровенные и тщательно охраняемые покои и покусился на их матку, что обеспечивает жизнь всего муравейника.

Я чувствовал злость и тревогу, ламехуз всяких пропускают, а меня, посланца мира и дружбы, — вот так, да? Я пришел с мэйк лав, но во, всех люблю и со всеми готов во имя дружбы и плодотворного сотрудничества мэйк лав, даже самчиков мэй би, они все такие миленькие, безусые и безбородые, так что готов в великом рвении к процветанию и успеху даже перевыполнить указание сверху Священного Дуба...

Под сводами раздалась тревожная музыка, как мне показалось, но лицо Синтифаэль исказилось страхом, для нее это наверняка не музыка, а дикий грохот.

Быстро одевшись, я опустил ладонь на рукоять меча и, приняв позу лорда, сказал достаточно уверенно:

— Пора в бой?

Она, бледная и вздрагивающая, повела на меня огромными испуганными глазами.

— Они... придут... сами.

— И будут навязывать условия? — спросил я. — Нет уж! Ваше Величество, позвольте я провожу вас к трону. Там примете своих подданных, а Совет Мудрых тоже из подданных... это я вам на случай, вдруг забыли, выслушаете их нижайшие просьбы и пожелания... но никак не требования и условия!.. И примете высокомудрое решение, они у вас все такие, вы же королева!

Она спросила потерянно:

— Какое?

— Любое решение нужно обдумывать, — напомнил я. — На это у людей уходит день, иногда неделя, а иной раз и месяц. У вас, как понимаю, на обдумывание можно взять пару сотен лет.

Она вздохнула с облегчением:



— Да, это выход...

— Но вы возьмете на обдумывание пару часов, — сказал я напористо. — Ответите вечером, а то и за обедом.

— Конт?

Я сказал успокаивающе:

— Они придут с ерундой, сами увидите.

Глава 12

Даже я не чувствовал ее тревоги и волнения, по крайней мере не замечал, когда мы вышли из спальни и величаво шествовали через залы к тронному. Вернее, величаво шествовала Синтифаэль, я шел сбоку и на шаг сзади, всем своим видом подчеркивая, что я всего лишь муравей-служащий.

Эльфов в залах втрое больше, я вообще не думал, что их столько, а это же только самые знатные и допущенные к лицезрению... хотя трудновато как-то представить себе существование эльфов-землекопов, углежогов или кожевников. Наверное, они все знатные уже по самой породе, а это, увы, ведет к измельчанию вида и всевозможному вымиранию этноса.

Тревога разлита даже в воздухе, я вижу ее на лицах придворных, что молча склоняются в поклонах, чувствую грозные взгляды на своей грубой нежной шкуре, а свет падает с потемневшего свода неприятно багровый, словно окрашенный кровью.

Синтифаэль с приклеенной улыбкой на лице шествовала к трону. Я продолжал сопровождать, как мальчик-слуга, только что шлейф не держу, у ступеней молча поклонился и отступил к придворным, но тех от меня шарахнуло, словно у меня пена на губах и сейчас всех перекусаю.

К королеве справа и слева подошли очень осанистые и величественные эльфы, поклонились величаво.

— Ваше Величество...

— Ваше Величество...

Кто из них лорд-канцлер, а кто шут, пока не различаю, у эльфов и шутки, наверное, очень серьезные, что и не шутки, а если шутки, то больше похожие на некрологи, мудрые шутить не любят и уже не умеют, но это ко мне совсем не относится.

Синтифаэль сидит на троне прямая и гордая, королевская надменность во взоре, а у меня мелькнуло, что все-таки это святотатство, не оставляет ощущение, что осквернил Сикстинскую мадонну или Пизанскую башню. Человек не должен касаться святынь вообще, а уж тем более так, как накасался я, можно сказать, вдоволь и без малейшего соображения на три жизни вперед, да и вообще это как-то весьма и чересчурно.

Некое затмение нахлынуло, но сейчас, когда почти пришел в себя, начинаю чувствовать то ли осквернителем Венеции, то ли воином Чингисхана в Александрийской библиотеке Тадж-Махала.

Один из эльфов отступил, не поднимая головы, другой еще раз учтиво поклонился, уже иначе, а судя по его изящному склонению головы и позвоночника, учтивость родилась еще до человечества, хотя, на мой взгляд, практика, люди могли бы подхватить у эльфов что-то и более полезное для народного хозяйства.

— Ваше Величество, — произнес он, — до меня, как главы Совета Мудрых, дошли слухи, что Ваше Величество изволили соизволить принять в своих покоех конта Астральмэля несколько отличающимся от официального протокола образом.

Она надменно приподняла одну бровь.

— Только слухи?



— Ваше Величество, вы готовы опровергнуть или согласиться...

Я видел по лицу Синтифаэль, что ей очень хотелось бы опровергнуть, и сам мучился с нею, однако она лишь выпрямилась на троне еще больше, прекрасная и величественная.

— Вайдаэль, — произнесла она холодно, на меня не взглянула, но я ощутил, как крепко она держится за мою руку и черпает во мне силы. — Вы единственный у нас герцог, чей род старше моего, но мне ваш тон совсем не нравится. Сообщаю, что сегодня ночью я услышала священный зов Великого Дуба!

В зале ахнули, прошла волна смятения, все сперва смотрели с вытаращенными глазами на королеву, очень красиво, кстати, потом начали поворачиваться друг к другу и перечирикиваться.

Глава Совета Мудрых вздрогнул, но эльфа такого ранга, титула и положения не так просто сбить с избранной линии поведения, он спросил так же угрожающе учтиво:

— И что Великий Дуб... сообщил?

Синтифаэль ответила холодно:

— Он сказал, что пришла пора кое-что изменить в нашем освященном тысячелетиями укладе. Когда-то мы правили миром... но сейчас доживаем свой век, прячась по лесам. Великий Дуб велел мне спасти остатки моего народа, чтобы вернуть ему если не прежнюю славу, то хотя бы достойное место на земле.

Ее голос звучал уверенно и напористо, но я по себе знаю, что за внешней стойкостью часто прячется откровенный страх, а то и паника, умолял ее беззвучно держаться, выстоять, она же королева, ее приучали выстаивать в таких схватках, королевы даже на эша-

фоте держатся с холодным и высокомерным достоинством, не роняя себя ни жестом, ни словом.

В зале снова шум, писк и перепискивание, растопыренные в изумлении глаза, а Вайдаэль, как глава Совета, поинтересовался, тоже не дрогнув и не теряя напора:

— А чем же, позвольте поинтересоваться, Священный Дуб изволил...

Она ответила безразлично:

— Позволяю.

— Ваше Величество?

Она произнесла с холодком:

— Я соберу Совет и сообщу. И попробуем обсудить проблему.

Он предложил с церемонным поклоном:

— Мы могли бы обсудить это сейчас. Совет здесь в полном составе, достаточно уединиться в одной из комнат...

Я сказал ей взглядом, что же, соглашайся, мы этих старых пердунов сейчас раздербаним, лучшие доводы в споре у тех, у кого длиннее мечи и кто готов их применить, однако она ответила тем же ровным голосом:

— Обсудим, когда выберу для этого время.

Он выпрямился, вперил в нее прямой взгляд, острый, как заточенное для боя копье.

— Ваше Величество!

Она, демонстративно потеряв к нему интерес, перевела взгляд на одного из эльфов, что стоит в ряду придворных.

— Ламмеэль, что у вас?

Эльф поклонился, сделал шаг вперед.

— Ваше Величество, могу ли я снова поднять вопрос о направлении части подземных вод... малой части!.. в сторону Старых Камней в северной части леса?

Она подумала, медленно наклонила голову.



— Можете. Более того, я склонна полагать, что ваше предложение правильное и должно быть принято.

В зале снова заговорили, зашушукались и зашебетали. Вайдаэль дернулся, в негодовании выпрямился так, что стал выше ростом.

— Но, Ваше Величество!

— Более того, — прервала она ледяным голосом, — ваше предложение, Ламмеэль, с которым вы носитесь последние сто семьдесят лет, очень своевременное, так как отвечает великому и священному зову Великого Дуба!

Эльф просиял, бросил на королеву взгляд, полный пламенной благодарности, и отступил в толпу, давая понять, что счастлив, безумно и безудержно, с его стороны больше вопросов не будет.

Синтифаэль, медленно обретая уверенность и прежнюю невозмутимость, некоторое время выслушивала других эльфов, у них тоже имеются некоторые вопросы к королеве, все как у людей, кто бы подумал, на некоторые вопросы ответила сразу, на другие обещала подыскать решение позже, голос ее звучит нейтрально, ровно и без эмоций.

Когда прием окончился, она поднялась величественно, я спросил взглядом, идти ли мне рядом, она плавно и красиво подняла руку и величественно прошествовала через три или четыре зала, даже не запомнил их, в свои покои.

Здесь величавость ее оставила, но заметить непросто, все такая же сдержанная в каждом слове и жесте, но я с еще большим жаром и страстью всячески играл свиту, восторгающуюся королевой, раз уж тут нет кучи фрейлин. Я коснулся ее руки, этот жест, как я уже заметил, словно переливает, а то и в самом деле переливает в нее часть моей той особой уверенности, что

у меня граничит с дуростью, как я понимаю потом, на лестнице, но она же иногда приводит и к успеху, потому что другие не знают, что это дурость, напор частенько побеждает мудрость и осторожность.

— Все прошло великолепно, — сказал я с восторгом, — все просто обалденно!.. Вы умеете держать власть, Ваше Величество!.. Вы настоящая королева, что должна быть ею, а не куклой на троне!.. Пора, Ваше Величество, пора переходить к просвещенной монархии! А это подразумевает девиз: вся власть королеве!

Она блекло улыбнулась.

— Вся власть королеве... Звучит очень воинственно.

— Так и должно быть!

— Эльфы, — напомнила она, — очень не воинственный народ.

— Надо, — сказал я убеждающе, — во имя мира и демократии просвещенного монархизма!.. Вы должны обеспечить эльфам достойную жизнь, а не достойное умирание, пусть даже очень медленное и торжественно-красивое!

— Для этого нужно менять слишком много, — произнесла она с печалью.

— Не так уж и много, — сказал я легкомысленно. — Подумаешь, изменить старинный уклад!.. Да мы сто раз его меняли. Если не тысячу! Нет ничего проще... Решайтесь, Ваше Величество! Хотя что тут решаться? Вы уже решились! И прям щас начинаете строить новую счастливую жизнь для пока еще ничего не понимающих эльфов и прочих населяющих лес животных, птиц и мышей.

— А какие нужны изменения? — спросила она с тревогой во взоре. — Боюсь, Великий Дуб требует от нас слишком многого...

— Ваше Величество?



— Мы растеряли, — ответила она упавшим голосом, — что-то важное растеряли по длинной дороге...

— Что растеряли, Ваше Величество?

— Не знаю, — ответила она. — Но это есть в тебе, конт.

— Я совсем дикий эльф, — ответил я с неловкостью, — и всегда восторгался недостижимой утонченностью Вашего дивного народа. Возможно, утонченность и красота не могут идти рядом с грубой силой?

— А если не грубой?

Я в неловкости развел руками.

— Сила всегда грубая.

— Тогда это печально, — проговорила она, — грубость... это тот путь, по которому мы просто не можем идти. Мы слишком далеко ушли от грубости, и все наши заветы запрещают возвращаться к дикости.

— Это не совсем та дикость, — возразил я неуклюже, — что дикость. Это другая дикость. Дикость силы, но не духа.

— Мудрость, — сказала она, — сила слабых.

— Да, — согласился я, — сила. Но... слабых. Нужно объединить вашу мудрость и нашу силу. Сила — это просто сила, она не хорошая и не плохая, это просто сила.

Она покачала головой.

— Опыт говорит, что либо сила, либо мудрость.

— Ну да, — пробормотал я, — в здоровом теле здоровый дух, но на самом деле — одно из двух. Как правило. Но люди... исключение! В самом деле исключение. Я иногда считаю, что довольно удачное.

— А в остальное время?

Я принужденно засмеялся.

— Для того людей нужно пустить в одной упряжке с эльфами. Эльфы их облагородят, они добавят эльфам дикарской жизненной силы. Это называется: ты

почешешь спинку мне, а я тебе. Получится взаимовыгодный союз, а такие союзы... в самом деле, как ни странно, хороши для обеих сторон.

— Конт, — сказала она серьезно. — Вам нужно быть готовым. Даже очень.

— К чему?

— С вами встретятся, — пояснила она, — наедине. Без меня.

— И что, — сказал я, — это нечто изменит? Напротив!

— Конт?

— Я скажу то же самое, — пояснил я, — только без вашего обаяния. Возможно, моя дикарская серьезность убедит больше?

Я развлекал ее, создавая разные разности и деликатесы, эльфы особенно чувствительны к тонкостям, это мне лишь бы кусок жареного мяса, можно даже не на золотом блюде и без поклонов, а здесь восторг вызывают именно изысканные блюда, в которых я, как свинья в апельсинах, но напробовався в гостях и на всяких банкетах, потому вкус помню и могу воссоздать в точности.

Пока Синтифаэль пробовала по очереди изумительно изящные даже по форме пирожные, я отгонял от себя мысль насчет того, что пора бы попробовать и что-то более серьезное. Например, шкура Первозмея, что трансформировалась со временем в доспехи Нимврода, может по желанию выглядеть либо как простая одежда, либо вообще оставаться незримой, но в некоторых случаях желательно бы...

Я самым тщательным образом восстановил в памяти доспехи герцога Готфрида, изготовленные вестготскими оружейниками из их же вестготской стали,



закрыв глаза и пожелал, чтобы доспех Нимврода принял именно эту форму...

На мои плечи опустилась тяжесть, затем на руки. Я не открывал глаза и продумывал каждую деталь, а когда наконец ощутил себя плотно упакованным в холодную сталь, распахнул веки.

Да, именно эти доспехи и были на герцоге в тот памятный день Каталаундского турнира, я потом видел их не раз, когда он бывал в боевом облачении.

Шлем, правда, я не создавал, но для первого раза и так ошеломительно много. Хотя, собственно, я ничего не создал, только трансформировал уже существующий доспех, способный принимать разные формы, но уже что-то, он же пролежал без дела сотни, если не тысячи лет, и современных панцирей из высокосортной стали не знал...

Она наконец подняла взгляд от стола, охнула:

— Что это у тебя?

— Да так, — сказал я, едва не лопаюсь от переполняющей меня скромности, — пробую некоторые свои возможности...

Она сказала почти обвиняюще:

— У тебя их больше, чем у эльфов!

— Широкий человек, — согласился я, — широкий, как сказал один... гм... у эльфов только лучшее, а у нас все, потому мы ширше...

Она округлила глаза, когда доспех припал к моему телу плотнее, начал источаться, наконец исчез вовсе. Я видел, как ее губы начали складываться для нового вопроса, но снова заиграла тревожная музыка, Синтифаэль вздрогнула и побледнела. Я настороженно огляделся по сторонам, ладонь сама по себе опустилась на рукоять меча.

— Они ждут тебя, — прошептала Синтифаэль.

— Совет?

— Да... Видимо, ждали, что ты вскоре выйдешь, но ты здесь, вот и решили вызвать...

— Могли бы подождать и дольше, — заметил я. — У эльфов, как я понимаю, отношение к времени иное. Но если вот так, то это демонстрация, Ваше Величество. Демонстрация, что они могут требовать!

Она произнесла печально:

— Да...

— А они могут требовать?

— Наверное, — ответила она невесело. — Не знаю. Просто такого еще не было. Эльфы всегда идут друг другу навстречу... еще заранее. Потому конфликты у нас исключены.

— Несчастные, — сказал я, — как же вы без них?.. Разе это полноценная жизнь, когда никто ни разу в морду? Хорошо, Ваше Величество, нехорошо заставлять пожилых людей ждать. Я переговорю и вернусь с новостями.

Глава 13

В коридорах ни одного стража, все-таки в эльфизме что-то есть, в чем-то абсолютное доверие, в чем-то абсолютная защита, только в следующем зале попался один эльф, но и он оказался не случайным, заулыбался и поспешил ко мне.

— Конт, члены Совета Мудрых призывают вас на вопрошение.

— Иду, — сказал я, отгавкаться не удастся, я же эльф, хоть и не чистокровный, должен подчиниться без вопросов. — Куды?

— Я проведу, — ответил он и, улыбнувшись снова, добавил учтиво: — Для того я и здесь.



Ага, сказал я про себя, а так бы по бабам или с бочонком эльфийского вина в обнимку, но долг есть долг, потому и встречает меня, а потом еще и проводит в соседний зал, умается бедолага, медаль получит за тяжкие труды и лет сто отдыхать будет.

Еще только приближаясь к двери, я ощутил некоторый мандраж, что перешел в тревогу. Это перед Синтифаэль герой, но когда вот так, то, если честно, страшновато, и хотя, понятно, я, как и все, умнее всех на свете, но в чужом лесу другие правила, а в том зале меня ждут совсем не для того, чтобы похлопать по плечу и дать пряник.

Эльф учтиво распахнул передо мной дверь.

В богато обставленной комнате вокруг круглого солидного стола расположились в креслах семеро эльфов, но каких! Атмосфера власти и могущества, что веет от них, как холодным арктическим ветром, пропитывает воздух, стены, пол, даже мебель. Меня рассматривали не как лорда людей, даже не как конта Астральмэля, а как нечто досадно мелкое и неприятное, что, однако же, заставляет обращать на себя внимание.

Все семеро не в зеленых костюмах, как большинство эльфов, а в черных, как ночь, но расшитых золотыми листьями, с множеством крупных застежек тоже из золота, высокие воротники приподняты, там тоже окантовка золотом, еще у всех одинаковые широкие пояса, у каждого слева меч в безумно дорогих ножнах, где самоцвет на самоцвете, а рукояти выточены из драгоценных камней, не иначе как церемониальные.

Лица у всех высокомерные, для них прочие эльфы что-то вроде муравьев, все семеро холеные, с отвисшими щеками и загнутыми носами, что самый отчетливый признак преклонного возраста. На меня смотрели неподвижными желтыми глазами, под гла-

зами тоже, кстати, такие же подпалины. Члены Совета Мудрых не иначе как присутствовали при сотворении мира...

Я остановился с самым почтительным видом: во-первых, у них возраст, к нему везде относятся с почтением, во-вторых, у них в самом деле реальная власть, все-таки не так много случаев, когда король набирался отваги и распускал парламент, куда чаще парламент свергал короля, а то и отправлял его на плаху. Как и королев, кстати.

Они некоторое время рассматривали меня равнодушно, так это выглядит, но если бы так на самом деле, они бы не пригласили сюда, а самое главное, не явились бы все семеро, да еще при полном параде, дабы впечатлить. Значит, со мной считаются...

Это мысль придала бодрости, я по-прежнему молчал, признавая за ними право заговорить первыми.

Ближе всех ко мне сидит Вайдаэль, глава этого совета, он продолжал рассматривать меня с неприязнью, но произнес подчеркнуто нейтрально:

— Конт...

Я ответил с поклоном:

— Герцог Вайдаэль!

Все молчали, а он произнес так же нейтрально-холодно:

— Конт Астральмэль... должен заметить, вы явились в нашем племени... достойно. Старинный обряд аменгерства, когда вы взяли на себя обязанности своего побратима-эльфа, вызвал одобрение среди членов нашего Совета Мудрых.

Сидящий с ним слева уточнил:

— Хотя мы и против...

А тот, что справа, добавил:

— Категорически против!

— Да-да, — согласился с уточнением Вайдаэль, — мы категорически против того, чтобы эльфы и люди



вступали в какие-то отношения. Даже с виду очень дружеские.

Я произнес дипломатически вежливо:

— Вы мудрые и самые мудрейшие из эльфов. Думаю, даже из всех существующих и когда-либо существовавших эльфов, ведь каждое следующее поколение хоть чуточку, но мудрее предшествующих, так как вбирает в себя и их мудрость, а также добавляет свою...

Они кивали, с этим никто спорить не будет, конечно же, они самые мудрые, и я продолжил тем же доверительным тоном:

— А как мудрые эльфы, вы прекрасно понимаете, что все законы надлежит исполнять в строгости... как бы в середине общества! Я имею в виду, что на краях, где условия особенно неблагоприятные, приходится для выживаемости что-то слегка и нарушать. Остальному обществу желательно об этом не знать...

Судя по их лицам, они понимают ситуацию. Ни одна страна не сознается, что слегка нарушает неписанные законы, засылая шпионов к соседу, или что применяет самые жестокие пытки к пойманным от соседа, чтобы получить информацию.

Вайдаэль проронил спокойно:

— Вы что-то имеете в виду определенное?

— Да, — ответил я. — Ваших разведчиков. Наблюдая за людьми, которые все ближе подступают к вашему священному Лесу, им приходится прибегать к мерам, которые... не могут быть популярными в чистом и благородном обществе эльфов.

Он кивнул.

— Продолжайте.

— Разведчикам приходится очень близко соприкасаться с людьми, — пояснил я. — Это специфика профессии. Можно сказать, ее издержки. Иногда они даже выдают себя за людей, чтобы слушать их раз-

говоры, иногда вступают в контакт с людьми, чтобы подкупить их и что-то узнать... а это низко, мерзко и пачкает их так, что отмываться приходится долго.

Он поморщился.

— Да, потому у нас нет постоянных разведчиков. Эту нехорошую обязанность исполняют по очереди.

Я развел руками.

— Конт Астральмэль очень близко сошелся со мной, я его пару раз выручил, а потом мы поклялись в дружбе и даже провели обряд побратимства. Потому я, как гласит закон, после гибели Астральмэля принял его имя и его жену, чтобы благородный род моего друга не прервался.

Он сказал нейтральным тоном:

— Дело не в побратимстве. Как я уже сказал, мы как раз приветствовали возрождение старинного обычая аменгерства, так как мы и стоим на их страже. И хотя нас коробило, что этот обряд был проведен с человеком, а не другим эльфом, но вы приняли на себя обязанности побратима, заботитесь о его жене и даже дали его жене возможность продлить славный и благородный род Астральмэля.

Член Совета, что слева, добавил:

— Вы также пошли навстречу желанию вашей жены Гелионтэль и взяли в жены ее сестер, что предусмотрено стариннейшими из законов, но, увы, теперь редко выполняется в нашем эгоистичном обществе.

Я вздохнул, они тоже никак не перейдут к главному вопросу, не просто щекотливому, но весьма болезненному, потому сдвинулся с места (что это я продолжаю стоять перед ними, как школьник), сходил в дальний угол комнаты и вернулся оттуда с креслом.

Они заметно напряглись, будто я этим креслом сейчас начну лупить их по мудрым головам, чего еще от че-



ловека ждать, они мудрых особенно не любят, но я поставил кресло поудобнее, чтобы видеть всех разом, сел и, закинув ногу на ногу, сказал доброжелательно:

— Спасибо, что пригласили сесть. Итак, вы сказали, чем я хорош, я же говорю, что глубоко чту вашу мудрость, ваше влияние и те советы, которые даете королеве. А теперь буду счастлив выслушать ваши предложения, как улучшить наш мир совместными усилиями...

Они не сдвинулись с мест, не шелохнулись, ни одна черточка не дрогнула на холеных лицах, но мне отчетливо показалось, что все семеро переглянулись и даже обменялись какими-то репликами.

Похоже, у них совсем уже холодная кровь, не принимают крутые повороты даже в разговоре, Вайдаэль выпрямился и, глядя на меня предельно недоброжелательно, произнес:

— Все дело в том, что помимо соблюдения вами стариннейших обычаев...

Эльф слева быстро вставил:

— Что мы только приветствуем...

Вайдаэль продолжил:

— ...вы желаете, как мы поняли, внести некоторые серьезные изменения в наш священный и нерушимый быт!

— Ни в коем случае, — запротестовал я. — Мне ваш быт очень нравится! Я им наслаждаюсь. И аменгерство совсем не в тягость, а уж необходимость левирата вообще придумана мудрейшими вашими предшественниками, что позволяет таким чистым и благородным образом сохранить племя!

Он проговорил надменно:

— А что именно вы хотели изменить?

— У эльфов своя культура, — сказал я, — у людей — своя... ну ладно, назовем это тоже культурой за неиме-

нием другого слова. А я предлагаю некую мультикультурность, когда эльфам абсолютно не придется ничего менять в своем укладе, а вот люди смогут обезьянничать и облагораживаться, глядя на эльфов! Люди все жаждут стать лучше и для этого из кожи вон лезут!.. Им нужно только чаще общаться с эльфами, чтобы подражать им, боготворить их, восторгаться ими, воспевать их.

Мне показалось, что все семеро призадумались, я не спорю и не оправдываюсь, как планировали выстроить разговор и превратить его в порку наглеца, напротив, расхваливаю эльфов так, как и они себя еще не хвалили.

Вайдаэль заметно призадумался, мой вариант взаимоотношений вроде бы ставит эльфов на недосягаемую высоту и даже не требует от них общения с людьми, другие тоже явно колеблются, при мультикультурности не потребуется поступаться своим ни на песчинку, только один все же хмурится и морщит лоб, что для эльфа просто невероятно, у них всех лбы настолько гладкие, словно высечены из мрамора и отполированы до блеска.

Я поклонился.

— Герцог?

Вайдаэль покачал головой.

— Я чувствую опасность...

— В чем? — спросил я.

— Пока не знаю, — ответил он. — Я же сказал, чувствую. Но я обещаю понять.

Это прозвучало как угроза. Другие тоже посерьезнели, задумались, а это для меня опаснее, есть же и такие здесь, что моложе, мозги еще не окаменели, могут и додуматься, чем мультикультурность хороша для людей и опасна для эльфов.

— Да, — сказал я самым благожелательным, даже радостным тоном, — это очень важно, чтобы мы все



понимали. Тогда не останется места для взаимных подозрений. Тем более упреков.

Один из самых молчаливых и, как я понимаю, самый мягкий по характеру сказал с поклоном:

— Конт, вы сделали очень многое для нас, когда остановили натиск людей на окраины Леса. С тех пор вырубка деревьев прекратилась...

Я сказал бодро:

— Вы привели прекрасный пример взаимовыгодного сотрудничества. Вы помогли нам, мы помогли вам.

Вайдаэль сказал жестко:

— Но наш добрый Улаэль не упомянул, что на Совете Мудрых стоял вопрос о том, чтобы сместить королеву за такие безумные действия и дать начало новой династии!.. Мы никогда не вмешивались в действия людей!..

— Не хватило одного голоса, — пробормотал Улаэль, — иначе случилось бы то, чего не было три тысячи двести лет...

Я сказал с тем же напором:

— Давайте вместе продумаем меры, которые могли бы сблизить людей и эльфов! К взаимной пользе, разумеется. А когда составим перечень, обдумаем, обсудим и поставим подписи... то лишь сократим объявленные сроки в сто или больше раз, посмотрим, и будет эльфам щасте, щасте на века, у совместной власти сила велика!

Глава 14

У эльфов пришлось провести почти неделю, но слово «пришлось» правильнее заменить на «повезло». Целыми днями шли споры о вселенской ответственности, о недопустимости скоропалительных

решений, о возможных ошибках и просчетах, но лед тронулся, удалось пробить стену полного отказа от сотрудничества с людьми, теперь лишь долго и трудно определяли дорожную карту.

Обратно я скакнул с помощью браслета, ледяной воздух за одно мгновение выдул весь эльфизм, а когда с размаху сел в холодный сутроб и колючий снег посыпался за пазуху, ощутил себя вообще троллем.

На крыльцо нанесло огромный сутроб изысканно красивой формы, когда с одной стороны мощная выпуклая поверхность, а с другой почти укрытие с нависающим козырьком.

Я посмотрел на небо — ну да, здесь совсем раннее утро, передернул плечами от лютого холода и с веселой злостью полез напрямик, повредив безупречность этого архитектурного совершенства, набрал еще больше снега в голенища сапог, проломился через двор, что стал вчетверо больше, а в спину со злорадством ударил ветер, закружил снег с таким бешенством, что я остановился, чтобы не упасть, в белой мгле, хлопая глазами и растопылив руки.

Ветерок тут же унесся дальше, я поднялся по ступеням, угадывая их под снегом, стукнул в двери.

С той стороны тут же попробовали распахнуть, но это непросто — отодвинуть целые пласты снега; я помог, ввалился в холл, слуги бросились стряхивать с меня снег и даже снимать сапоги.

— Ваше высочество!..

— Как можно?

— Зачем выходить, во дворце все есть!

— Ваше высочество, вам что-то нужно?

Ничего себе, мелькнула мысль, для меня прошла уйма времени, а для них как будто пять минут назад вышел и тут же вернулся. Тоже эльфы еще те, не спешат жить, неторопливые вы мои...



В залах еще пусто, придворные спят до обеда, мои лорды тоже все в делах, все-таки какой город ни громадный, но разместить в нем удалось только часть армии, остальные в селах и деревнях вокруг, а бриттские и ирамские лорды поставили свои войска на постой в двух соседних с Генгаузгузом городах, нужно постоянно следить за ситуацией, не допуская до взрыва и даже конфликтов ни с одной из сторон...

До своего кабинета добрался, отвечая только на приветствия стражей, поинтересовался, здесь ли граф Альбрехт. Зигфрид ухмыльнулся:

— Вице-канцлер?.. Как пчелка, ваше высочество!

— Что, — спросил я, — спит до весны?.. Или мед жрет?

— Работает, — пояснил он. — Никогда бы не подумал! Вокруг него все кипит...

— Передай ему, что я вернулся.

— Позвать?

Я покачал головой.

— Пусть работает. Когда освободится, тогда и явится.

Альбрехт явился буквально через десять минут, ровно столько хватило, чтобы спуститься со второго этажа левого крыла, пройти через двор и подняться ко мне, сбрасывая на ходу шапку и шубу.

На бровях и даже ресницах блестят капли тающего снега, щеки румяные, словно пробыл на морозе не меньше часа, в глазах суровая укоризна.

— Ваше высочество!.. — сказал он сварливо. — Ваши отлучки становятся все опаснее и опаснее. Мы в захваченном городе, помните?

— Садитесь, граф, — ответил я с неловкостью. — Что пить будете?.. Про город помню, но иногда приходится отдавать долги, которые вообще-то и не собирался заводить, но жизнь у нас какая-то слишком человеческая!

Он придвинул кресло ближе к камину, где полыхают березовые поленья, спросил настороженно:

— Это в каком таком странном смысле? Вы где были? Что-то от вас вроде бы серой пахнет... Или это не сера... гм, странный запах...

— Это значит, — пояснил я, — что всем должен! Хорошо хоть пока Отечества в списке нет. Надеюсь, за это время ничего не случилось?

Он со вздохом, словно старик, опустил в кресло, с удовольствием вытянул ноги, мол, набегался, покачал головой.

— Особенно ничего... Правда, намечался заговор в городе... Как вам такое?

— Ну наконец-то!

— Увы, — сказал он, — раскрыли вовремя. Ничего особенно, как и говорю. Показать себя героем не удастся.

Я наполнил вином серебряные чаши, подал ему одну, мы сейчас не принц и граф, а хозяин и его добрый гость.

— Ну вот и хорошо, — ответил я миролюбиво. — Я в герои не стремлюсь... я и так герой по самое некуда.

Он сделал глоток, зажмурился от удовольствия, продолжал тем же небрежным тоном:

— А еще было проникновение во дворец. Магия, как я понял. Но не в ваши покои, те в самом деле непрошибаемы. Вас никто не нашел, ни они, ни мы, если вы этого еще не знали.

— Значит, — сказал я, — вовремя я смылся.

— Вы всегда успеваете...

— И кто там был?

— Двое весьма странных людей... Но едва их схватили, оба тут же упали мертвыми. Даже допросить не успели.



Он смаковал вино, отпивая мелкими глотками, а я свою чашу отодвинул. Альбрехт вскинул брови, однако в моих ладонях появилась большая белая чашка с горячим и крепким кофе.

— Какие еще новости? — поинтересовался я. — Что с Аскланделлой? Еще здесь?

Он улыбнулся, посмотрел на меня тем понимающим взглядом, что любого взбесит, сказал сразу потеплевшим голосом:

— Ее высочество принцесса Аскланделла постепенно обживаетеся.

Я насторожился.

— Это как?

— Разговаривает с лордами, — пояснил он, — общается со слугами и челядью, те от нее в восторге. И лорды, и челядь. Она умеет с теми и другими, не роняя себя. Правда, за обедом приходится сидеть одной во главе стола, но за эту неделю все как-то даже привыкли.

Я буркнул с понятной ревностью:

— Еще бы. На женщину всегда приятнее смотреть, чем на своего лорда, свиньи вы немытые. Ладно, какие бумаги за это время скопились? Важные, срочные или вовсе неотложные?

Он помедлил, взглянул с некой неуверенностью в глазах, очень для него нехарактерно, сказал чересчур успокаивающим тоном:

— Не волнуйтесь, пару самых важных указов, что нужно было подписать просто срочно, ее высочество Аскланделла милостиво изволила сама...

Я дернулся, застыл, как придорожный камень, о который кто только не соскабливает налипшую на подошвы грязь.

— Что?.. Что вы сказали, граф?

Голос мой прерывался от ярости; Альбрехт едва чашу не выронил, хотя вроде бы и был готов, сказал поспешно:

— Ваше высочество!.. Это совершеннейший пустяк!

Я проревел, повышая голос так, что он прокатился, как грохочущий валун, по этажу и скатился по лестнице, набирая скорость.

— Вы в своем уме?.. И как она посмела?

Он сказал торопливо:

— Ваше высочество, сперва она и не собиралась, но лорд Хельфенштейн так просил, говорил, что промедление смерти подобно, вот принцесса и подписала, сказав, что вы сделали бы то же самое.

— Что? — прокричал я. — Да у нас вообще мышление разное! Да чтоб я сделал хоть что-то такое, что одобрила бы эта императорская дочка? Да чтоб я одобрил ее дурости?.. Что там за указы она подписала?

Он сказал уклончиво:

— Поройтесь в ящиках своего стола.

Я проревел еще громче, так что это пронеслось по всему корпусу:

— Она подписывала прямо здесь? За моим столом?

Он блекло усмехнулся.

— И не мечтайте. Но она тут же велела отнести их сюда, где вы по возвращении увидите сразу же.

— Это чтоб меня позлить сильнее, — сказал я в бешенстве. — Еще бы, знает, как укусить так, чтобы я и заснуть не мог.

— Ваше величество!

Он смотрел с таким укором, что я запнулся. Похоже, Аскланделла уже успела если не очаровать многих, она не из тех, кто очаровывает, но сумела выказать себя компетентной в управлении, что не так трудно, даже если дура набитая: все предпочитают верить,



будто императорская дочка с колыбели учится управлять государством.

Три ха-ха, как будто ей такое умение когда-то понадобится. От императорской дочки требуется только исправное рождение особей мужского пола, чтобы было кому передать корону.

— Знаете, граф, — сказал я злобно, — вы ухитрились испортить мне такое утро!.. Так что идите и вице-канцлеруйте, пока я вам в ответ не испортил что-то побольше, чем целый день!

Он поднялся, поклонился.

— Ваше высочество...

— И пригласите ко мне этого Гангера, — добавил я зло.

— Которого?

— У нас их несколько? Хельфенштейна, понятно!

Он ухмыльнулся, совсем не испугавшись жестокой расправы, вышел. В коридоре я слышал его уверенный голос, кого-то посылает за бывшим советником короля Леопольда, не сам же побежит, вице-канцлеры вообще не бегают, а только ходят, да и то теперь медленно и важно.

Хельфенштейн переступил порог, начиная кланяться еще из коридора, чует кошка, чью рыбу съела; я заорал, чувствуя, как в моем организме трясутся все жилы:

— Да как ты посмел?.. Ты обратился к женщине... она мои бумаги?.. Да это не преступление, это хуже!.. Эшафот, я тебя с петлей на шее посажу на кол, четвертование устрою, конями размечу!.. Ты все понял?

Он посмотрел на меня старчески невинными глазами и проговорил, чуточку заикаясь:

— Ну-у-у... не совсем... вы не могли бы повторить чуть более угрожающим голосом?

Я запнулся, ну уел этот гад, сразу поставил на место, умеют же эти старые прожженные царедворцы вот так одной репликой...

А он ждет в смиренной позе, невинная и благообразная овечка, все в тех же одежках, выглядывающих одна из-под другой, словно и спит в них, большая звезда из золота покоится на той же золотой цепи и на том же месте, словно в его статусе ничего не изменилось.

Я перевел дыхание и, чувствуя, как из меня рвется жар вулкана, прошипел, как гигантский змей:

— Вы что же, сговорились со своим дружкой, Раймоном Меммингемом? Один ей роскошных коней дарит, а вы бумаги на подпись носите?.. С какой целью? На кого работаете?.. Кто поручил вести подрывную работу?

Он рухнул на колени, лицо стало белее снега, как это делает, просто не понимаю, это ж сколько надо во дворце тереться...

— Ваше высочество!.. — воскликнул он фальцетом, это явно для убедительности. — Да вы хоть посмотрели бы на те бумаги, что подписала принцесса Аскланделла!

Я прорычал:

— Да, видел...

— Подписывать, — спросил он быстро, — было не нужно?

Я сказал вынужденно:

— Это при чем? Но это должен был сделать я!.. Это вообще могу делать только я!.. Никакая женщина...

Он вскрикнул шокированно:

— Ваше высочество! Какая же она женщина?

Я запнулся.

— А кто?

Он пробормотал в затруднении:



— Она дочь самого императора Вильгельма Блистательного... Он мудр, так говорят, а она ж у него на коленях сидела, за бороду дергала...

— Да, — прорычал я, — вы хорошо сказали, это уже не делает ее женщиной. Точнее, делает не женщиной. Ладно, встаньте, здесь пол холодный.

Он поднялся, кряхтя и цепляясь за спинку кресла. Я помогать не стал, хотя позыв был сильнейший, но это уже роняние власти, нельзя, не принято.

— Она, — сказал он уже опасливо, — вообще неглупая... человек. И многое замечает. Я слышал, как она говорила с одобрением, что город вы захватили весьма изящно!

— У меня были достойные учителя, — ответил я польщенно. Перехватил непонимающий взгляд, пояснил: — В моем королевстве однажды отважный герой с небольшим войском подошел к хорошо укрепленному городу, который никак не взять без хорошей осадной техники, которой у Гастингса, так звали этого вождя викингов, конечно, не было... Тогда он послал в город вестника от имени своих викингов, так их звали, и сообщил, что великий Гастингс умер, но хотел бы быть похороненным по христианскому обычаю, и что все его племя примет христианство. А потом, понятно, когда его собрались хоронить в центре города в расположенной там церкви, его викинги выхватили спрятанные мечи, а сам Гастингс вскочил из гроба с громадным топором...

Он пробормотал:

— Лучше не рассказывайте про этот случай.

— Почему?

Он понизил голос:

— Пусть все думают, что эффектный план по захвату города изнутри придумали именно вы.

Я помотал головой.

— Нет-нет, я вовсе не хочу войти в историю гением войны. И так уже зовут Ричардом Завоевателем... но это еще можно исправить. Потому все бумаги носите только мне!.. Она не жена и даже не союзник!.. Она больше пленница, если на то пошло, но мы галантерейщики и зовем галантерейно гостьей. И как только установим надежный канал с ее отцом, тут же стрелой закинем в его объятия!

Он поклонился.

— Да-да, ваше высочество! Как только, так сразу.

— Идите, — сказал я все еще с угрозой в голосе, — помните, в следующий раз — сразу на кол! За государственную измену.

Он вышел, все так же часто и смиренно кланяясь, дескать, молодой лорд горяч и буен, не стоит дураку перечить, со временем отешется, самому будет стыдно...

Впрочем, мне стыдно стало уже сразу, как только за ним закрылась дверь, и, чтобы забыть о своем срыве, я влез с головой в накопившиеся дела. Их оказалось столько, и все такая ерунда, что мелькнула даже трусливая мыслишка насчет спихивания и этого мусора, требующего подписи, Аскланделле, но взял себя за горло, придушил, потыкал мордой в стену и попритих, дело есть дело, им нужно заниматься самому, а то, глядишь, и землями начнут править, тебя не спрашивая, как было с Каролингами.

До обеда успел принять с десяток местных лордов, у них не столько вопросы и предложения, как прошупывание нового властелина, осторожные прикидки насчет сотрудничества: слишком торопиться нельзя — сочтут предателем, но и опоздать — остаться ни с чем, а то и свое отберут.

Старший из слуг появился с сообщением, что столы уже накрыты в малом обеденном зале. Я кивнул



и вышел, в коридоре наткнулся на спешащего навстречу Норберта, еще морозного, с каплями тающего снега на волосах и бровях.

Он остановился и отвесил короткий рубленый поклон.

— Сэр Норберт, — сказал я, — пойдете пообедать, а то пока выслушаю ваш доклад, там все пожрут.

Он коротко улыбнулся.

— Доклад всего в одном слове: порядок.

— Везет нам, — сказал я искренне. — Пойдете, пойдете!

В коридоре стражи вытянулись и стукнули тупыми концами копий в пол — то ли приветствие, то ли предупреждение тем, кто дальше по моему пути: дескать, идет главный змей, всем подобрать слюни и делать нужный вид... Что-то становлюсь подозрительным, явно завтра снова вьюга нагрянет...

Проходя мимо одного из залов, увидели сквозь приоткрытую дверь молодого рыцаря, обнимающему молодую даму.

Норберт хмыкнул и прошел мимо, а я сказал тихо:

— Идите, дорогой друг, я догоню...

Он сказал с укором:

— Стоит ли им мешать?

— Это Палант, — отрезал я строго. — Он сразу же должен был явиться ко мне с отчетом о проделанной работе!

— А если не проделал?

— Тогда вообще скрыться с глаз!

Он понимающе кивнул и пошел дальше, а я приоткрыл дверь шире. Сэр Палант, красивый и с падающими на плечи золотыми волосами, в доспехах золотого цвета с пурпурными застежками, красиво и галантно держит за талию молодую и гибкую в стане леди.

Мне даже показалось, что это Рианелла, сестра Джоанны, но она любяще посмотрела ему в глаза

и рывком обняла за шею, так что явно не робкая Ринелла и точно не Хайдилла. Хорошо, во дворце появляются женщины, начинаются придворные игры...

Глава 15

С широких плеч Паланта красиво ниспадает белый плащ крестonosца, а она, в ярко-зеленом платье до полу, чуть откинувшись назад всем корпусом, смотрит на него с лукавой нежностью. На голове нет убора, что вообще-то неприлично, но волосы заплетены в толстую косу с множеством зеленых лент, а это допустимо, и оба смотрятся такой прекрасной и совершенной парой, что я остановился и залюбовался.

Она увидела меня первой, испуганно вскрикнула и, упершись обеими руками ему в грудь, попыталась отстраниться. Палант не понял, пытался удержать, но она выдралась из его рук и убежала.

Он оглянулся в мою сторону, лицо пунцовое от смущения, отвесил нижайший поклон.

Я сказал успокаивающе:

— Я ничего не видел!.. Совершенно ничего!

— Это леди Лизетта Стронг, — сказал он торопливо и без всякой надобности, но это же Палант, уверен, что от сюзерена не должно быть тайн, — она еще в печали, я пытался ее утешить...

— Что за печаль?

— По ее возлюбленному, — ответил он с сочувствием. — Смерть почти всегда печальна, если только это не смерть врага.

— Надеюсь, — сказал я, — его убили не наши люди? Не хотелось бы, чтобы сердилась из-за такого пустячка.

Палант покачал головой.

— Нет, он умер от любви.



— Прекрасная смерть, — сказал я.

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Его убил ее ревнивый муж.

— А-а, — сказал я озадаченно, — но все равно как бы прекрасно и воспеваемо. Не из-за денег или власти, что всем нам близко и понятно и... потому не воспеваемо.

Он заметил со вздохом:

— Значит, мир движется в хорошую сторону! В нужную.

— В каком смысле?

— Кто погибает из-за денег, — объяснил он, — что всем нам понятно, чему мы втайне сочувствуем, сами такие, те невоспеваемы. Или из-за власти. А вот из-за любви...

— К Богу, — сказал я.

Он помялся, отвел взгляд, потом тяжело вздохнул.

— Ну, это больше для вас, паладинов. А простой благородный человек пусть томится мукой сладкой и умирает от любви к женщине. Это возвышенно и тоже в какой-то мере приближает к Богу.

— В какой-то мере, — согласился я. — Ладно, Палант... мое поручение исполнил?

Он почему-то застеснялся, опустил взор и поскреб носком сапога пол.

— Да...

— Успешно?

— Как вы и велели...

— Вижу, — сказал я обвиняющим тоном. — Когда вернулся, вчера?.. Наверное, метель все дороги замела, раз ты там у вдовы задержался на недельку? Или больше?

— Да, — согласился он поспешно. — Ужасная была метель! Вьюга. Просто хуртеча. Снег крутило и вертело, такие горы намело!.. Вообще из дома нельзя было носа высунуть!



— Даже из постели молодой вдовы, — подсказал я. — Ладно, Палант, поздравляю. Взрослеешь. Вижу, набрался опыта... Только не увлекайся этим галантерейством. Все-таки у нас, мужчин, на первом месте должна быть работа, а не женщины. А теперь беги, играй!

В малом зале стол уже накрыт, собрались на редкость все лорды, даже Макс явился, а когда я сел и хозяйски оглядел блюда, с чего бы начать, торжественно распахнулись двери, только что обошлось без фанфар, но, чувствую, скоро будут, принц Сандорин ввел в зал принцессу Аскланделлу.

Как всегда прекрасная и величественная, не принцесса, а богиня, в желтом платье золотистого цвета, золото волос увенчано не короной, а диадемой дивной красоты, в ее оправе на этот раз не бриллианты, а вроде бы желтые бериллы, такого же насыщенного цвета, как янтарь. А под цвет ли подобраны туфельки, не углядеть, шлейф платья не просто до полу, а тянется на ярд следом, подметая плиты.

Она идет надменно и красиво, серьги в ее ушах из янтаря, оправленного в золото, и такое же точно ожерелье из крупных янтарных капель размером с желуды, умело вставленных в золото колец и соединенных в поистине дивное украшение.

Я поднялся из-за стола, чувствуя, как быстро нарастает бешенство, ненавижу уверенных женщин, они делают меня мельче, однако руки уже сами отодвинули кресло, а ноги вынесли навстречу.

Она видит, с какой яростью я смотрю на нее, а я некоторое время давил ее тяжелым взглядом, но только императорская дочка в самом деле ледник на вершинах гор, даже не ощутила, судя по ее невозмутимому и постоянно царственному виду.



— Ваше высочество, — произнесла она первой и тем самым лягнула в самое уязвимое место: первым заговаривает тот, кто выше, а нижестоящий по титулу покорно ждет.

— Ваше высочество, — ответил я сквозь зубы.

Ее голос прозвучал почти ангельски:

— Слушаю вас, ваше высочество.

Я взглянул на нее и снова запнулся, подыскивая самые едкие и злые слова, она ждет, ухитряясь глядеть на меня в упор свысока, а я вдруг понял, что какие бы ни нашел в своем богатом словарном запасе, все равно отскочат от нее, как грязь от чистейшего горного хрусталя, который просто невозможно запачкать.

— Ваше высочество, — проговорил я, на ходу меняя тактику, — вы в мое отсутствие подписали пару незначущих бумаг... Это было очень любезно, я просто счастлив, что вашего образования хватило, хотя вы напрасно утруждались так нечеловечески. С этим бы легко справился любой из моих слуг, даже необремененных интеллектом. Или помощников слуг... такие бывают?

Она произнесла хрустальным голосом:

— Да, ваше высочество, вы правы. Конечно же, для ваших бумаг вполне достаточно интеллекта ваших младших слуг.

Я зыркнул на замерших лордов: если взорвусь, потеряю лицо, эта дочь императора переигрывает меня по всем параметрам, явно воспитывали никогда не проигрывать, и сейчас смотрит на меня ясными глазами, спокойная и невозмутимая, а насколько у нее бешено работает мозг, могу догадываться только.

— Ваше высочество, — сказал я церемонно, — могу я предложить вам руку... и довести до обеденного стола?

— Можете, — ответила она.

Принц Сандорин поспешно отступил, а я отвел в сторону правую длань, держа ее как жердь. Асклан-

делла опустила на нее кончики пальцев, и так мы прошествовали к столу. Снова я ощутил по взглядам моих лордов, что это она величественно идет к своему — своему! — трону, а я только сопровождаю, как нечто более мелкое, но из великодушия допущенное побыть рядом.

Мы и в тронные кресла опустились так, что она вот главная, а я — это нечто сбоку.

А вот хрен я тебе буду делать мороженое, сказал я себе мстительно. Давись этой примитивной кухней, что вполне для мужчин с их нетребовательными желудками и примитивными глотками.

За обедом Норберт, чувствуя общую скованность, бодро и приподнято рассказал, как его конные разъезды уже побывали чуть ли не во всех землях королевства, везде напряженная тишина, лорды заперлись в замках, города и села живут своей жизнью, но ремесленники бедствуют, не получая новых заказов, все ждут неких потрясений, ходят слухи о приближении несметных армий императора Мунтвига, однако, ваше высочество, заверяю вас, это только слухи...

— Но где же сам Мунтвиг? — спросил я. — В одной из своих резиденций?

Он покачал головой.

— Есть данные, что с одной из армий все еще продвигается на Юг. Насколько успешно... данных нет.

— С какой из армий?

Он посмотрел с укором.

— Это пока выяснить не удалось. Да и как?

Я посмотрел на Аскланделлу, она не просто сидит рядом в тронном кресле, а восседает, у нее такой вид, что по праву; король Леопольд с императором Вильгельмом не воевал, в то время я здесь узурпатор, захватчик, оккупант проклятый, как только меня земля носит...

— Ваше высочество, — сказал я смиренно, — а вы как чувствуете своим любящим сердцем... где сейчас Мунтвиг?



Она произнесла безучастно:

— Его Императорское Величество Мунтвиг может быть как в своих армиях, так и в своих землях, которых у него наверняка больше, чем у вас.

— Да, — согласился я, — он же их не захватывал, как я, свинья такая! Они у него сами вдруг оказались. Вчера, когда спать ложился, пусто, а просыпается, глядь, с десяток королевств набежало!..

Она проигнорировала мое неумное, так уж получилось, ерничанье, ну не всегда я орел, не всегда, спокойно подцепляла на кончик ножа как куски мяса, так и листья салата.

А вот не сделаю ничего тебе, зараза, подумал я мстительно и тут же создал тончайше и нежнейше приготовленные ломтики мяса, слобренные лучшими специями, — пусть подавится, морда, а то все ей у нас не так, даже у своего папочки не пробовала такие деликатесы!

Она и глазом не повела, будто не видит разницы в мясе, приготовленном диким мужиком-скарляндцем, и том изысканнейшем деликатесе, которым шиканул я, зараза самовлюбленная, морда, как у ангорской козы, вся из себя...

Я проглотил кусок сладкого пирога, остальные еще не разделались с мясом, обвел обедающих орлиным взором, поднялся, не забыв сказать отечески:

— Продолжайте, продолжайте!.. Вам все равно, есть я или нет...

И покинул зал, чувствуя сильную и необъяснимую досаду, словно что-то проиграл крупное, хотя не играл и проигрыша вроде бы пока никакого.

Альбрехт вышел следом, вальяжный и расслабленный, но сразу же собрался и, быстро догнав, заговорил настойчивым шепотом:

— Ваше высочество, перестаньте дышать огнем, нам в чужом дворце только пожаров недостает!.. Подумайте лучше, это же нам на вящую пользу!

Я прорычал люто:

— Где эта польза?

— Вас ослепила простая человеческая злоба, — сказал он авторитетно, — что понятно и объяснимо, но посмотрите, что видят другие. Вы и дочь императора Вильгельма сидите рядом на тронах, обедаете вместе, беседуете за столом. Никто не слышит, к счастью, о чем общаетесь, вы же оба умеете улыбаться, какие бы любезности друг другу ни говорили. Еще не понятно?

— Что, — спросил я еще злее, — у них создается впечатление, что мы заодно?

— Тепло, — сказал он поощряюще, — тепло. Даже не то, насколько вы с Аскланделлой заодно, это неважно, а вот вы с императором заодно...

— Что? С императором?

— Смотрите, — прошептал он, — глазами тех, кто видит вас обоих за столом. Если дочь императора с вами обедает, а потом вы ее любезно куда-то там уводите...

— Никуда я ее не увожу!

— Но от стола и до выхода из зала как-то провожали? Я сам видел!

— И что?

— Ничего, — сказал он невозмутимо, — народ дальше домыслит и без подсказок. Человеку Господом дадена фантазия, ваше высочество, не знали? Таким образом создается впечатление, опустим из деликатности, каким именно... создается впечатление, что император в какой-то мере с нами.

— Бред!

Он сказал так же гранитно веско:



— А такое впечатление нам на руку. Как вы сами понимаете. И неважно, как оно достигнуто.

Я с огромным трудом подавил ярость, даже не подавил, а придержал, прошипел люто:

— Неужели мы так слабы, что приходится создавать ложные впечатления, униженно хитрить, изворачиваться?

Он взглянул на меня в удивлении.

— А разве всю жизнь не создаем о себе ложные впечатления? На этом построен мир!.. Лучше не забивайте голову само собой разумеющейся ерундой, ваше высокочество!.. Она и так у вас... как бы занята. Может быть, для разнообразия и поработаете? Нет-нет, не за столом, как обычно, и не языком, а в тронном зале...

Я прорычал:

— А что там предстоит?

Он ответил несколько другим тоном, уже действительно серьезным:

— За время вашего отсутствия прибыли послы от королей Агилольфа Третьего и Вольфганга Старого, — доложил он. — Это королевства Аганд и Меция. Граф Вольфрам, это из Аганда, прибыл четыре дня тому, а граф Брайен Широн сегодня утром. Я велел их поместить подальше друг от друга, а то что-то они сразу начали смотреть друг на друга...

— Как собака и кошка?

— Скорее, как на хорошо прожаренные отбивные...

— Хорошие дипломаты, — согласился я.

— Да уж, — ответил он. — Оба просто постаревшие рубаки. У обоих даже на мордах шрамы. С такими на первый взгляд общаться просто...

— Увидим, — сказал я. — Давай сперва переведем дух, а вы расскажете новости в своей оригинальной подаче, а я сравню, кто больше врет. Послов приму чуть позже. Да и не нужно им давать понять, что мы в них очень заинтересованы.

Часть третья

Глава 1

Послов после зрелого размышления вообще отложил на следующий день. В подобных случаях обычно держат в ожидании от недели до месяца, такой обычай, но я уже начинаю приучать, что я не все, вон даже без свиты везде ношусь, к этому почти приучил, хоть и бурчат, но почти смирились, так и с послами тянуть не буду, но и чрезмерно спешить не стану, а то возомнят о себе или не так истолкуют.

Доспех Нимврода ничем себя не выдает, разве что чувствую себя чуть тяжелее, но это может только казаться. Синтифаэль вообще платье материализует из воздуха, мне до такого как до небес на карачках, однако с доспехом можно поэкспериментировать, вдруг да возможности шире, чем полагают местные маги...

Около часа, запершись в кабинете, я делал его то парадным, то боевым, то турнирным. Получалось долго и с большими усилиями, но все же получается, а это значит, еще час-другой изнурительных тренировок, и начну превращать в желаемое за доли секунды.

Особенно хорош вот этот, подсмотренный в каких-то роскошных каталогах старинного оружия и доспехов, уже и не помню какого великого короля или императора: дивно созданная



в бессонных муках творчества дизайнеров кираса, где мой герб украшен цепочкой мелких рубинов, среди которых победно горят три крупных. А также широкие и блестящие, как круто сваренные и очищенные от скорлупы яйца, наплечники, изумительно точно переходящие в стальные кольца, охватывающие руку от плеча до локтя, а там дальше такая же дивная сталь работы гномов...

Даже сапоги из стали, тонкой и немыслимо прочной, гибкая стопа, не говоря уже о защитных щитках бедер, блестящих, как зеркальная чешуя, и делающих мои ноги похожими то ли на исполинских сказочных рыб, то ли ящериц...

Правда, сам я предпочел бы всегда ходить в простой рубашке с распахнутой грудью, пряча доспех Нимврода под кожей, пусть думают, что легко уязвим, тут-то вас и поймаю; однако лорд не может появляться перед другими лордами в таком виде, это граничит с пренебрежением, потому послов приму все-таки в самом парадном доспехе, а на плечи наброшу что-нибудь цивильное, мы же не на поле боя...

На другой день я уже восседал в тронном, справа и слева мои лорды, прием официальный, все оделись соответственно в самое дорогое и яркое, а от обилия золота и драгоценных камней даже у меня, привыкшего, зарябило в глазах.

Герцог Клемент взял на себя роль церемониймейстера, что вполне, вид у него внушительный, а голос громогласный.

— Посол Его Величества короля Агилольда... граф Вольфрам!

В зал вошел мужчина лет за пятьдесят, крупный и широкий в плечах, а лицо, как и сообщил Альбрехт, в шрамах от прошлых битв. Плащ на груди застегнут большой золотой брошью, лицо крупное, отмеченное силой бойца и спесью очень знатного лорда.

Он прошел широкими шагами воина, привыкшего к долгим переходам по бездорожью, и остановился у первой ступени.

Я сказал благожелательно:

— Граф...

Он ответил с поклоном:

— Ваше высочество...

— У вас прекрасное имя, — сказал я с одобрением. — Волк и ворон в одном лице!.. И служите королю, чье имя переводится с древнего языка как острие меча волка?

Он подтвердил, явно польщенный:

— Совершенно верно, ваше высочество. Мы ревностно чтим традиции.

— Это говорит о величии вашего народа, — заметил я.

Он поклонился и сказал с благодарностью в голосе:

— Ваше высочество весьма любезны.

Я смотрел на него молча, этого достаточно, и он заговорил после рассчитанной паузы:

— Ваше высочество, для вас не является секретом, что неожиданное вторжение вашей армии в сердце империи Мунтвига внесло замешательство в содружество королевств, объединившихся вокруг императора.

Я молча слушал, не делая ни малейшего намека, что готов как-то комментировать или задавать вопросы, и он продолжил:

— В связи с этим некоторые короли сочли для себя неуместным продолжать выполнять волю императора Мунтвига, так как это грозит безопасности их королевств.

Он замолчал, ожидая моей реакции, но я чуть кивнул, требуя ясности и большей конкретности.

— Ваше высочество, — сказал он, — мой король, Его Величество Агилольд Третий, просит принять



к сведению, что его королевство отныне считает себя отделившимся от империи Мунтвига, суверенным королевством со своими прежними законами и обычаями.

Он снова умолк, я спросил медленно:

— А какое отношение это имеет к нам?

И хотя оба понимаем, какое это имеет отношение, громадное отношение, но он ответил послушно:

— Мой король, Его Величество Агилольд Третий, желает установить дружественные связи с вашим высочеством.

Альбрехт в сторонке подает какие-то знаки, я ответил с неподвижным лицом, не выражая ни гнева, ни радости:

— Я желаю тоже, однако это будет не просто, помня, что король Агилольд активно поддерживал императора Мунтвига и отдал в его распоряжение свою армию.

Альбрехт удовлетворенно кивнул, и хотя я ничего не знал о королевстве Аганд, однако удар попал в цель, да и как мог не попасть, конечно же, Мунтвиг забрал все армии у покоренных королевств и двинул их на юг.

— Кстати, — добавил я, — был бы ваш король таким же дружелюбным, если бы вся его армия не ушла на юг... где и была перемолота умело и безжалостно моими доблестными войсками?

Он ответил медленно:

— Король Агилольд, несмотря на свое умение воевать, всегда отличался миролюбием и великодушием. И велел мне передать, что постарается своим отношением сгладить те шероховатости, которые могли возникнуть за период, когда королевство было в составе империи.

Я подумал, кивнул.

— Ваша светлость?

Он тяжело и величаво поклонился и направился к выходу, сейчас заметно припадая на правую ногу.

Клемент учтиво распахнул перед ним двери. Я выждал, когда дверь захлопнется, кивнул Альбрехту.

— Что, лед тронулся?.. Зигфрид, позови второго посла. А наш дорогой Клемент объявит его так, что посол забудет, что хотел сказать.

Клемент польщенно улыбнулся, голос у него в самом деле такой, что никакой грохот битвы не перекроет.

Оглянувшись, он в самом деле прогрохотал так, что половину свечей в зале задуло, как сильным ветром, а у остальных огоньки затрепетали в ужасе и припали ниц:

— Граф Брайен Широн, посол короля Вольфганга Старого!

Альбрехт шепнул мне тихонько:

— Это из королевства Меция, вдруг вы такие мелочи уже и не запоминаете...

В зал вошла группа богато одетых людей, двигаясь как малый воинский отряд. Впереди, как я понял, граф Широн, на левом плече расшитый золотом плащ синего цвета, правая рука машет в такт шагам, а левая под плащом...

Я успел подумать, не левша ли, в этом случае мода весьма кстати, можно держать кинжал уже обнаженным, а они быстро прошли две трети зала, остановились.

Граф изящно поклонился, выставив вперед левую ногу, согнув корпус в поясе и не спуская с меня пронизывающего взгляда. Я тоже не сводил с него взгляда, он лишь в самый последний момент коротко склонил голову.

— Граф, — произнес я.

Его сопровождающие отступили в сторону, но я все время ловил на себе их ненавидящие взгляды.



ды, а граф остался на месте, продолжая смотреть мне в глаза.

— Ваше высочество...

— Граф, — сказал я, — что привело вас в наш дворец? Да-да, теперь он наш, даже если кому-то это не нравится.

— Его Величество, — сказал он, — король Вольфганг Старый шлет вам пожелания здоровья, заверяет в своем миролюбии и в знак дружбы просит принять скромный дар...

Не оборачиваясь, он сделал знак своей свите, там моментально вышел вперед один из помощников, отрепетированно передал точно в руки небольшой лаптец.

Граф торжественно открыл и показал мне содержимое. В красном бархате покоится золотой кубок, усыпанный рубинами и сапфирами.

Я улыбнулся, кивнул.

— Передайте мою благодарность Его Величеству за щедрый дар. Я вижу, он добр, хотя имя у него больно воинственное. Означает волка и ссору... Впрочем, имена дают родители, но мы не всегда следуем по их пути.

Граф ответил сдержанно:

— Ваше высочество, предки нашего короля в самом деле воевали... постоянно. И Его Величество в молодости воевал много и часто. Однако сейчас он, как говорит о себе, вошел в период мудрости, о чем говорит его прозвище... и хотел бы со всеми соседями жить в мире.

— Законное желание, — ответил я. — Как и мы, так и передайте королю! И еще наши наилучшие пожелания здоровья.

Он поклонился и отступил, понимая, что для первой встречи вполне достаточно.

Глава 2

Карту северных королевств я хотел разложить на столе в своем кабинете, но у меня тесновато, спустился на этаж, там мои лорды гогочут над чем-то, как веселые гуси, в зале для пиршеств разместил на столе, придавив края подсвечниками.

Голова трещит от усилий понять, как повернется дальше эта неожиданная для нас война. Мунтвиг собрал поистине исполинскую армию, да еще и воодушевил благородной идеей освобождения Юга от скверны ереси.

Но насколько опустошительным окажется это нашествие? Весь мир пока что объят ужасом, слухи всегда преувеличивают опасность, так легче самим оправдывать свое бездействие или даже трусость, но, на мой взгляд, на самом деле эти огромные армии, наводящие ужас на все маленькие королевства, когда сталкиваются с действительно реальной силой, терпят поражение и рассыпаются без следа.

Аттила вел гуннов по Европе, сжигая не города, а целые королевства, вырезал дочиста население, разбивал войска высланных навстречу местных лордов и множества королей, но когда его встретила императорская армия, то после решающей битвы не осталось ни Аттилы, ни его народа гуннов, что моментально исчез.

В отличие от Аэция, сломившего хребет нашествию почти возле стен своего Рима, мы успели вовремя собрать армии в кулак и сами двинулись навстречу, так что финальной битвы у Тоннеля удалось избежать.

Сейчас да, вся империя Мунтвига трещит и раскалывается, как большая льдина, на мелкие, а те сталкиваются в попытке найти свое место, обламывают



края, поворачиваются то так, то эдак. Но пока что это заметно только королям, начинающим переориентацию на более сильного, а народ пока что трепещет перед Мунтвигом, дурак, хотя пора трепетать передо мною.

Лорды подходят один за другим осторожно, я никого не звал, но и не отгоняю, окружили стол со всех сторон и с интересом рассматривали карту, довольно гоготали, узнавая некоторые города и места, по которым провели свои войска.

Альбрехт посмотрел на меня, на карту, сказал медленно:

— Ваше высочество... Ситуация, судя по прибывшим послам из Аганда и Меции, начинает меняться. Общая линия поведения на будущее у нас прежняя?

Лорды замолчали и повернулись к нам, я ощутил на себе их вопрошающие взгляды.

— Мы прибыли, — сказал я резко, — и мир никогда не будет прежним!.. Если эти королевства не могли отстоять независимость от Мунтвига, то не должны ее добиваться от победителей Мунтвига!

Клемент спросил с сомнением:

— А мы точно его победили?.. А то как-то без грандиозных битв...

Сулливан прорычал недовольно:

— Основной удар приняли армии Меганвэйла и Шварцкопфа. А также все те, кто остался защищать границы... Вот там и оттремели грандиозные и решающие.

В его густом голосе слышались зависть и даже упрек нам, я сказал государственным голосом:

— Не всегда решают грандиозные битвы. Чаше войны выигрываются династическими браками, умелыми союзами, торговыми соглашениями...

Альбрехт проронил негромко, но таким голосом, что услышали все:

— Ядом в блюдо, кинжалом в спину, толчком с балкона.

Лорды морщились, только Норберт кивнул и сказал ровным голосом:

— Это тоже. Не случайно было столько покушений. Значит, с послами держаться сурово?

— И всячески давать понять, — сказал я, — что в данном случае у них нет другого пути, как сменить одного завоевателя на другого. Может быть, в будущем, когда уйдем, у них и появится шанс... Так и намекайте, чтобы стали податливее, но не сейчас.

Альбрехт поинтересовался:

— А чем пригрозить особо упрямым?

— Что попросту сменим королевскую династию, — отрезал я. — На более послушную. Надеюсь, поймут, что если сменим, то сменим быстро и решительно. Никого в живых не оставим, кто мог бы потом предъявить права на престол. Такая перспектива отрезвит любого короля и его амбициозную семью с подрастающими принцами.

— Хороший ход, — сказал Альбрехт, — я даже верю, глядя на ваше пылающее гневом лицо и раздувающиеся ноздри, что именно так и сделаете.

— Главное, — вставил Норберт, — чтобы верили колеблющиеся короли.

Я сказал зло:

— Вы зря полагаете, что это я просто пугаю или даже попугиваю! В интересах дела можно в самом деле менять династии, как и правительства. Подумаешь, мелкая лужица крови... Лишь бы в целом и общем становилось лучше.

Альбрехт посмотрел на меня искоса.

— Ваше высочество...

— Что?

— Как быстро вы взрослеете...



Я не понял, чего больше было в его тихом голосе: восторга или сочувствия.

Лорды водят пальцами по карте, показывая, где удобнее разместить войска, если вдруг что, а вот тут можно оттяпать куски плодородной земли, выравнивая границы королевств, им же и на пользу...

В зале внезапно раздался зычный голос церемониймейстера, я не сразу узнал преобразившийся рев Клементы:

— Ее императорское высочество принцесса Аскланделла!

Разговоры оборвались, лорды начали поворачиваться ко входу, смешки оборвались, как и безудержное веселье при дележе такого исполинского пирога.

В дверном проеме появилась принцесса Аскланделла, за нею три женщины в одинаковых платьях. Я успел тупо изумиться, где она только и раздобыла фрейлин, в это время они вышли из тени, теперь я уже молча ругнулся.

За Аскланделлой смиренно, но с достоинством идут скромно и гордо Джоанна, Рианелла и Хайдилла, дочери короля Леопольда!

Я видел, как посерьезнели Альбрехт, Клемент, Сулливан, Мидль, Дарабос, как смиренно поклонились они и остальные мои лорды. Я поклонился тоже, хотя я и цаца, но мужчина, а все мужчины должны быть учтивыми к женщинам, даже и к некрасивым.

Она слегка и очень грациозно присела, очень серьезная и строгая. Слуга со склоненной головой и не смея поднять на нее взгляд, торопливо приблизился с подносом, на котором два золотых кубка.

Не отрывая от меня строгого взгляда, она взяла, не глядя, точным рассчитанным движением кубок и приподняла в моем направлении. Я принял с того же подноса и в ответ поднял точно так же свой, глядя ей в глаза твердо и не отводя взгляда.

Поднесли к губам мы одновременно, все так же ломая друг друга взглядами, но я отпил половину, она же сделала чисто символический глоток или же просто коснулась губами, после чего, все так же не отводя взгляда, поставила кубок на поднос замершего в поклоне слуги.

Некоторое время мы еще смотрели друг на друга, затем она гордо развернулась и вышла из зала, а ее три фрейлины последовали за нею.

Я смотрел вслед со смешанным чувством вины и досады. Неслышно приблизился Альбрехт, толкнул меня плечом. Мы отошли от стола в сторону, оставив там тихо переговаривающихся лордов, Альбрехт остановился совсем рядом.

— Неловко вышло?

Я огрызнулся:

— А в чем дело?.. У меня что, какие-то обязанности... нет, обязательства перед этой императорской дочкой?

— Она взяла дочерей короля фрейлинами, — сказал он тихо. — Безупречный ответный ход.

— В чем? — сказал я зло.

— Во-первых, — объяснил он тихо, — даже императорская дочь не может брать фрейлинами королевских дочерей, у них слишком высокий ранг. Но у этих шаткое положение, и они ухватились за возможность оказаться под ее защитой, а вы сейчас возражать не сможете.

Я ошетинился так, что в самом деле из меня полезли шипы на спине, как у крокодила.

— Это еще почему? — прошипел я люто, чувствуя себя больше свирепым аллигатором, чем принцем-крестоносцем.

Он быстро зыркнул на мое злое лицо.

— Ваше высочество!



— Ну-ну, брякайте, граф!.. А то я вас самого брякну!

Он сказал с нужной долей испуга и торопливости, но я отчетливо улавливал победную нотку с долей его привычного ехидства:

— Вы не скрывали, что провели ночь с принцессой Джоанной.

— А я был должен?

Он ухмыльнулся.

— Перед нами — нет. Наоборот, можно было побахвалиться. Их же там вроде бы три?.. Представляю, какой ширины там постель.

— А то вы не догадываетесь, — сказал я разозленно. — Ну так из-за чего это я должен был скрывать?

Он объяснил, как младенцу, понимая, что мне все ясно как божий день, просто не желаю признавать:

— Как бы считается, как вы понимаете, нравится вам или нет, что Аскланделла и вы в некотором роде чем-то связаны.

— Что-о-о?

— Потому, — сказал он с подчеркнутой почтительностью, — хотя дочери короля Леопольда и под вашей защитой, но сегодня она есть, завтра нет, а на службе у Аскланделлы защита будет всегда, пока те оказывают ей услуги, что обычно в обязанностях фрейлин. Во-вторых, вы не станете сейчас возражать... как вы понимаете.

— Не понимаю, — огрызнулся я. — Что за намеки?

— Почему не станете возражать?

— Да! Почему не стану?

Он понизил голос до шепота:

— Раз не было прямого указания скрывать вашу связь, то принцесса Джоанна наверняка рассказала Аскланделле, где вы провели две ночи... Или их было больше? И хотя вы, как только что сказали, человек

свободный, но все-таки, признайтесь, перед Аскланделлой чувствуете нечто вроде вины.

Я ахнул.

— Перед Аскланделлой? С чего вдруг?

— Ну... она как бы ваша невеста.

Я прошипел яростно:

— С какого перепугу?.. Кто такое сказал? Что за идеи такие дикие? Да я такого раздеру собственными руками!

Он в неловкости развел руками.

— Как бы подразумевается, ваше высочество.

— С чего вдруг?

Он пояснил шепотом:

— Вы здесь верховный лорд среди мужчин, она — дочь императора, у нее самый высокий статус среди женщин. Вот и получается, ваше высочество, что вы как бы...

— Ничего из этого не следует, — отрезал я, — и тем более не получается! И не получится.

Он напомнил еще тише:

— А ваше обещание жениться на принцессе... если переживем звезду Маркус?

Я сказал, едва не лязгая зубами:

— Сказал, чтобы от вас, дураков, отвязаться. Ясно же, мир после Маркуса не будет прежним. И все обязательства, что даем сейчас, будут автоматически расторгнуты в тот час, когда земля вздыбится, когда города и королевства обратятся в пыль, а на их месте вырастут горы или возникнут моря.

Он помрачнел, перекрестился, даже вздохнул горестно, но сказал с предельным легкомыслием:

— Ну, до лета еще дожить надо!.. Полгода еще... За это время, даст Бог, что-то и образуется.

Я едва не лопнул от злости и разочарования. Что-то образуется! Само. До лета еще дожить надо. Ага,



еще столько дней!.. Что за народ? Или это такая само-защита, все время помнить о грядущей гибели — это уже сейчас можно сложить лапки и помереть заранее.

И вообще, все мы умрем, это знаем умом, но не верим, ибо в таком случае нужно лечь и умереть уже сейчас, ведь все равно все напрасно, так не стоит чего-то и добиваться.

— Знаете, граф, — сказал я другим тоном, — вы в чем-то правы. Падать духом нельзя. Надо жить все-му назло. И радоваться. Но насчет Аскланделлы зарубите на своем аристократическом носу, я на таких не женюсь.

— А если династический брак?

— С какой стати? — сказал я уязвленно. — Я не настолько слаб. Может быть, где-то и в чем-то, но вам не признаюсь и подпорку в виде жены искать не буду. От Аскланделлы избавимся, как только появится безопасный канал транспортировки ее к императору.

Он посмотрел внимательно, вздохнул.

— Странно это.

— Что?

— Мунтвиг отказался, — проговорил он в раздумье, — вы отказываетесь... В чем дело? Принцесса выглядит совершенством. И умна, и образованна, о красоте вообще можно не говорить, видно...

Я буркнул:

— Да какая разница? Мне лично она не по ндраву.

— Кажется, — сказал он и посмотрел на меня с жалостью, — догадываюсь, в чем дело, хотя предпочел бы не догадываться.

Я сказал враждебно:

— В чем дело?

— Она безупречна, — сообщил он. — А кто из нас терпит рядом кого-то безупречнее себя? Женщина должна быть милой и глупой, это наше общее требо-

вание. Кто-то позволяет быть еще и умной, но если только уверен, что сам умнее...

Я сказал в раздражении:

— Считаете, две безупречности должны обязательно подраться? Да и не считаю принцессу безупречной. Она не безупречна уже тем, что безупречна. Безупречность раздражает!..

Он вздохнул.

— Понял-понял. Безупречны на свете только вы, ваше высочество. Именно тем, что небезупречны. Даже далеко небезупречны. Очень даже небезупречны...

— Граф, — сказал я с угрозой, — вы так договоритесь до чего-то очень даже такого... Вернемся к столу, на обед у нас карта с огромным пирогом для дележа.

Глава 3

В каждом зале на возвышении, к которому ведут две-три ступеньки, всегда находится тронное кресло. Иногда роскошное, иногда очень роскошное, иной раз торжественное или помпезное.

В обеденном проще всего: два кресла с высокими спинками, выделяющими их из общей массы, на небольшом возвышении, именно небольшом, иначе придется наклоняться к далекой тарелке.

Принц Сандорин церемонно встречает Аскланделлу в коридоре у двери ее покоев, дальше она величаво двигается через залы, сопровождаемая тремя фрейлинами королевской крови, а у входа все шествие останавливается и смотрит требовательно на меня, которой встает, вынужденно улыбаясь и скрипя зубами, спешит навстречу императорской дочери и, подав ей руку, ведет к креслу, расположенному от меня справа.



Принц Сандорин по титулу занимает место за столом всегда рядом с Аскланделлой, так что она оказывается между двумя принцами, от меня слева обычно садится Альбрехт, хотя здесь есть три герцога, но Альбрехт еще и вице-канцлер, потому вот сейчас он опустился в кресло и шепнул мне тихонько, косясь на Аскланделлу:

— Ну вот, ваше высочество, а вы говорили, что у вас с Мунтвигом нет ничего общего.

Я прошипел:

— Вы у нас вице-канцлер? Вот и вице-канцлеруйте, а не хи-хи стройте. Мне и без вашего хи-хи тошно.

— Ваше высочество, — сказал он тихонько. — Как можно? Разум без благоразумия — двойное безумие.

Я спросил с подозрением:

— А это к чему?

— Не знаю, — признался он. — Просто звучит мило. И красиво. А я люблю все красивое. А вы?

— Все некрасивое, — огрызнулся я и повернулся к Аскланделле: — Ваше высочество, хорошо ли спалось?

Она чуть повернула голову, спокойный взгляд ясных глаз коснулся меня с ощущением привычного холодка, но в зале достаточно натоплено, так что да, ощущение даже приятное.

— Вас это удивит, принц... но я всегда сплю хорошо и покойно.

— И никакие греховные мысли не посещают? — спросил я. — Даже в самом глубоком сне?

Она ответила с холодком:

— Не посещают, принц. А ваши вопросы непристойны и неуместны.

— Простите, — сказал я искренне, в самом деле дурак, даже самому непонятно, с чего вдруг захотелось уесть, а получилось, словно щенок попытался

укусить промерзшую на вековом холоде гранитную скалу. — У меня, знаете ли, артистическая натура, импульсивная, творческая, романтическая, потом иногда сам не понимаю, что творю и что говорю...

Она чуть наклонила голову.

— Я это заметила. Хуже будет, если заметят и другие.

— Да ни за что, — поклялся я и начал создавать на ее блюде, старательно маскируя среди грубых кусков мяса и зелени, изысканно приготовленные лакомства. — Я буду держать себя в руках.

Она слегка повела бровью, однако молча подцепила на кончик ножа нежное тело толстой креветки, невиданной в этих землях.

Я с затаенным дыханием смотрел, как отправила в рот, ест, не меняя выражения лица, и только мое обостренное чутье подсказало, что да, ей понравилось, и уже с большим энтузиазмом начал создавать то искусно приготовленных крохотных кальмаров, то лангустов, то еще какую изысканную хрень, остальные лорды и гости ничего не замечают, занятые шумными разговорами, хватанием мяса, довольным гоготом и рассказами, как кто кого одним ударом до самого пояса.

Пирог Аскланделла тоже лишь раскрошила, потому что я ухитрился подпихнуть ей самые нежнейшие пирожные, какие только пробовал в кондитерских, она их изволила кушать так же неспешно и с непроницаемым лицом, но я все отчетливее ощущал ее удовольствие.

Альбрехт, понятно, это истолковывает как мою заботу о принцессе, он все толкует неверно, а я делаю эти лакомства назло, выказывая свое превосходство, это мои козыри, а вовсе не забота!



После обеда я уединился в кабинете, Зигфриду велел пока никого не пускать, это время для государственных бдений. Сейчас уже примерно понятно, почему Мунтвига поддержали даже те короли и лорды, которые ему неподвластны: он распространяет апостольскую веру как единственно верную, а она целиком и полностью подчинена светской власти, что нравится любому властителю больше, чем независимая римская.

Но мощный встречный удар потрянул не только королей и лордов, что засомневались в несокрушимости Мунтвига, но внес смятение и в ряды религиозных фанатиков.

Среди них начался, как докладывает Норберт, великий плач насчет того, что Господь отвернулся от них, что прогневили Его, что нельзя было идти войной даже на еретиков и что вообще, возможно, Господь за них...

А мы это еще и докажем, подумал я хмуро. Господь за нас, Аскланделла убедится в этой нехитрой истине, как и ее фрейлины, что постепенно привыкнут к новой жизни.

Думаю, Аскланделла не ограничится этими тремя, многие знатные дамы будут набиваться в ее окружение, что в первую очередь обрадует рыцарство и моих лордов.

До образования института фрейлин, к примеру, во Франции окружение короля составляли знатные рыцари, для которых при дворе содержался бордель. Лишь при знаменитой Анне Бретонской возник институт фрейлин, сперва малый, а потом он разрастался и разрастался.

С той поры король и его рыцари вязались не с простутками в борделе, а со знатнейшими дамами, пере-

нявшими их функции, что, понятно, облагородило весь двор.

Самые знатнейшие из дам обычно становились фрейлинами королевы, поэтому король чаще всего вязался именно с ними, но и кроме этих было множество фрейлин и вообще знатных дам во дворе, так что про бордели можно было забыть из-за их ненадобности, знатные дамы умели делать все то же самое и даже лучше.

Я поймал себя на мысли, что с удовольствием и сладкой легкостью разворачиваю эту тему все глубже и ширше, ну что за свинья, что-то мои мысли постоянно сползают, как у простого человека, к бабам и постелям. Сами сползают, без всяких усилий, в то время как о высоком и умном нужно заставлять их работать просто чудовищным усилием воли...

Вздрогнул, ощутив чье-то присутствие в зале, постоял, вслушиваясь и вчувствываясь, наконец сказал негромко:

— Скарлет, ты чего прячешься?

Она вышла из незримости, глаза распахнуты до невозможности, такая зрелая и чувственная трепетная красота, что сердце сжалось от сочувствия и понимания, счастливчик у нас этот Зигфрид, спасенная им расцвела от его внимания и заботы.

— Ваше высочество, — прошептала она потрясенным голосом, тонким и звенящим, как серебряный колокольчик, — как вы... сумели?

— Тебя да не учуять, — ответил я ласково, — это ж совсем быть бессенсорным!

— Да, — ответила она тем же шепотком, — но я применила высшую защиту древних магов школы Недерленда! Меня даже ваши телохранители не увидели!

— А Зигфрид?



Она виновато потупилась, прошептала:

— Он бы мне запретил...

— Ладно, — сказал я, — не мое дело решать, что он может и должен тебе запрещать, а что нет. А с защитой я постоянно работаю, Скарлет. Такой вот, от всех полезное хапаю. Неполезное тоже, но это так, на всякий случай. Я бережливый и запасливый. Не мне, так кому-то... пригодится. На что-нибудь полезное для меня... Скарлет, ну, решайся!

Она вздрогнула, сказала вздрагивающим голосом:

— Я готова убежать на край света, ваше высочество!

— В чем дело?

— Стыдно перед вами, — сказала она несчастным голосом, я ощутил, что она вот-вот заревет, — ваше высочество...

— Да что стряслось?

Она всхлипнула.

— Когда тот... с Той Стороны, попросил об услуге, я не думала...

— И правильно делала, — сказал я успокаивающе, — от этого морщинки. А это главный аргумент, чтобы не отягощать себя бесплодными раздумьями, а они, по чести говоря, все бесплодны. Все проблемы обычно решаются сами по себе.

Она вскрикнула тонким мышинным голоском:

— Ваше высочество! Но сегодня он снова сообщил мне, чтобы я передала вам... он очень жаждет снова повидаться с вами!

Я ощутил предостерегающий холодок во всем теле, что быстро усиливался, пока не начал пробираться даже в кости. Коготок увяз, всей птичке пропасть, говорят в народе, что иногда в самом деле бывает мудрым.

— Повидаться, — ответил я успокаивающим голосом, хотя внутри уже начинается нервная дрожь, —

это еще ничего не значит... еще не смертный грех, я думаю. Или уже? Что-то хромаю в вопросах теологии. Он не сказал, что на этот раз ему возжелалось? Я за так услуги не оказываю!

Она помотала головой, я невольно засмотрелся на ее почти остроконечные уши, что сразу засветились нежным розовым от прилива крови.

— Что вы, ваше высочество! — проговорила она тонким жалобным голоском. — Он лорд, вы — лорд, я не допущена...

— Хорошо, — сказал я. — Он почует, когда я появлюсь?

— Да, ваше высочество, — сказала она и добавила умоляюще: — Будьте очень осторожны! В прошлый раз уцелели... но в этот раз он может оказаться коварнее.

— Буду осторожен, — пообещал я. — Заботься о Зигфриде.

Она невольно просияла нежным лицом и огромными глазами, услышав имя своего любимого друга, покровителя, хозяина и всего-всего на свете.

— Ваше высочество... мы оба только и делаем, что друг о друге заботимся.

Я прошел в свои покои, хотел лечь, но знаю, что не засну. Первый раз прошло удачно, однако второй раз идти на встречу уже откровенная глупость. Я буду последним дураком, если пойду...

Подошел к окну, двор ярко освещен луной и кажется намного шире, а сарай, конюшни, скотный двор и кузница — крупнее и таинственнее. В небе как будто исполинские горы из снега — застыли до утра, а на рассвете сдвинутся и поплывут к горизонту.

Луна нестерпимо яркая, блестит пугающе и недобро, весь мир в ее свете выглядит совсем другим, все



изменилось, стало нереальным, и в нем действительно существует своя жизнь, могут появиться любые чудища.

Я с силой потер лоб; если сон не идет, то, видимо, нужно отправиться в покои принцесс. Две тут же убегут в свои комнатки, а я вполне могу заснуть в постели Джоанны, она такая теплая и мягкая, подгребаешь к себе, как толстого, всем довольного щенка, и засыпаешь счастливым сном...

Чертов Альбрехт испортил все настроение своими предположениями, что я как бы обязан хранить целибат в присутствии Аскланделлы, а если и шалить, то тайком от нее, вот уж чего не дождуся, гады...

С другой стороны, в самом деле почему-то неловко, хотя прекрасно понимаю, ничем я ей не обязан и ничего не должен! В самом деле ничего не должен! Мало ли чего какой-то дурной червячок копошится, но умом-то понимаю, что не должен, не должен, не должен!

Есть еще вариант вызвать конкубину, но это, пожалуй, не прозвучит как вызов. Конкубина — компромисс, а принцесса Джоанна — это вызов, это обрезание всех нитей, это демонстрация...

Зигфрид в коридоре вскочил на ноги.

— Ваше высочество?

— Все в порядке, — заверил я и сказал громко: — Эту ночь я проведу в покоях принцессы Джоанны. Изволю как бы. Ибо! Вот так, ага.

Он кивнул, морда почти равнодушная.

— Как будет угодно.

— А ты спи, — велел я.

— Щас, — ответил он саркастически.

Я слышал его шаги за спиной, пока поднимался на этаж и топал к покоям принцесс.

Дверь заперта, голосок раздался все еще встревоженный, но уже не испуганный:

— Кто там?

— Мое высочество, — сообщил я.

Дверь распахнулась так быстро, словно Джоанна стояла по ту сторону или ходила мимо нее взад-вперед.

Едва я переступил порог и закрыл за собой дверь, она бросилась мне на шею, вlepила жаркий поцелуй и спросила с тревогой:

— Устал? У тебя лицо такое печальное...

— Ничуть не печальное, — буркнул я. — Знаешь, я в самом деле устал... И просто завалюсь спать.

Она метнулась к уже разобранной постели и отбросила одеяло на другую сторону ложа. Я молча разделся и рухнул на мягкое, даже слишком мягкое и нежное, в самом деле сорок перин, надо попробовать сунуть под самую нижнюю горошину...

Она тут же примостилась рядом, живая и веселая, как довольная жизнью белка, приподнялась на локте, заглядывая мне в лицо.

— Ты как?

— Все в порядке, — заверил я. — А где Рианелла и Хайдилла?

— В своих комнатах, — ответила она и хихикнула. — Когда ты постучал, они упорхнули к себе, как испуганные воробышки.

— Перестань их пугать, — сказал я недовольно. — Я их не трону.

Она хитро сощурилась.

— Кто тебя знает... Ты же победитель, герой, захватыватель, все здесь твое по праву завоевателя, грабителя и насильователя.

— Увы, — сказал я, — срок вышел. Ты же знаешь, на разграбление города заранее отводится несколько



дней. От суток до недели. Так вот прошло уже недели три здесь?

Она подумала, ахнула, глаза округлились.

— Выходит, ты нас обманул? Ты пришел меня насиловать уже позже срока?

Я сказал с укором:

— Не будь мелочной. Это же все пустяки.

— Что? — вскрикнула она. — Потеря невинности таким грубым образом — пустяк?.. Ах ты ж свинья хитрая!

Она верещала и возмущалась, но ее горячее тело прижималось все жарче, голову опустила на грудь, а ее острые коготки легонько и очень даже весьма зело уже почесывают мне живот.

И все-таки Аскланделла немножко подпортила эту ночь. Не совсем, конечно, я не настолько чувствителен, но все-таки чуточку сумела.

Глава 4

Ее сестры, Рианелла и Хайдилла, не показались даже утром, когда я торопливо одевался, хотя я уже слышал смешки в соседней комнате. Явно подглядывают, трусливые мыши, хотя, думаю, скоро осмелеют достаточно и повыползают из укрытия.

Или хотя бы одна, именно та, за которую Джоанна согласилась отбыть зверское изнасилование наглого и бесцеремонного завоевателя.

Я поцеловал Джоанну в губы и посоветовал доспать пропущенное, а мне пора, у мужчин всегда есть что-то важнее, чем теплая постель с разогретой женщиной.

Или появляется такое изредка, потому пропускать нельзя, иначе, кроме постели, и вспомнить будет нечего, а они, если честно, все на одно лицо...

Под утро мороз усилился настолько, что в чистом небе вокруг луны бледное кольцо, а вокруг него еще одно, едва заметное. С гор снег смело в долину, уж и не знаю, в человеческий рост там или больше, но арбогастр прет с такой мощью, что похож на мчащийся на всех парусах клипер с черными парусами, а снег вылетает в обе стороны с такой мощью, словно его с силой выдувает ураган.

Проклятое Болото уже совсем не болото, а сплошное белое поле, что тянется до тех пор, пока не упирается в далекие горы.

Бобик выбежал вперед, но остановился и ждал нас, оглядываясь в нетерпении, но вперед не совался.

— Что? — спросил я. — Это вон та яма?..

Не яма, а целый котлован, но только угадывается, за это время столько снегу намело, что почти сравняло с краями. Не столько снегопадами, как ветрами, что постоянно перемещают целые горы снега, заравнивая все впадины.

Бобик принюхался, попятился, не отрывая взгляд от белой поверхности в центре впадины. Арбогастр тревожно фыркнул и тоже отступил на шаг.

Из-под земли донесся не треск, как в прошлый раз, а далекий гул. Земля дрогнула, под ногами качнулось, а в двух десятках шагов от нас посреди белоснежной глади снег взметнуло с такой силой, словно в глубинах земли взорвался вулкан.

Воронка в снегу быстро ширится, раскаленный воздух мгновенно превращает ее края в пар, даже если там образовавшийся с прошлого раза толстый желто-грязный лед.

Трещину в земле на этот раз я не увидел, загрохотало грозно и страшно, в небо ударил широкий столб огня, быстро потерял багровость и сгустки копоти,



превратился в чистейшее алое пламя, что могло бы поместить внутри себя крепостную башню.

Я ждал, арбогастр фыркнул, а Бобик злобно зарычал. В столбе огня возникла исполинская фигура, словно и была там, но стала заметна только сейчас, те же размеры, когда голова побольше артельного котла, грудь впятеро толще сорокаведерной бочки, и руки, как два столетних дуба.

Багровые глаза в пещерах черепа вспыхнули пурпурным огнем.

— И тебе привет, — ответил я сдержанно. — Что случилось в аду? Снег выпал?

— Смертный, — прогрохотал голос, заставляющий покоситься на небо в поисках наползающей грозовой тучи, — ты... здесь.

— Вельзевул, — сказал я громко, стараясь не выдать в нем дрожание, — я прибыл по твоей просьбе, а не так просто погулять вышел!

Он слегка наклонился, рассматривая меня жуткими глазами очень внимательно, словно высматривая, сожрать целиком или откусить только голову.

— Смертный, — повторил он тяжело и громохочуще, — ты оказал мне важную услугу. Я этого не забуду. Но за это время случилась... беда. Барон Вимборн тогда нарушил условия договора, я был слишком занят поисками решения, как заставить его исполнить... и даже поднялся сюда на поверхность, чтобы договориться с тобой.

Я сказал с достоинством и уже почти не дрожащим голосом:

— Тебе, как я помню, вроде бы удалось.

Он прогрохотал мрачным голосом:

— Именно в это время, пользуясь моим отсутствием в аду, сбежала целая группа преступников! Да-да, осужденных на вечные муки. Грешников, по-вашему.

Я охнул:

— Что? Такое возможно?

— Нет, — отрезал он. — Такое невозможно. И никогда-никогда такого не случилось. Это — впервые.

Я в изумлении покачал головой.

— Как им удалось?

— Разбираемся, — буркнул он. — Конечно, они готовили побег несколько столетий. А то и больше. Удалось только теперь, когда я вынужден был на короткое время покинуть ад... Эх, почему я не поискал другие решения?

— Я еще и виноват? — сказал я нервно. — Нет уж, сами расхлебывайте. Как я догадываюсь... а я не хочу даже догадываться! У меня своих дел по горло.

Я начал разворачивать коня, Вельзевул крикнул торопливо:

— Погоди!

— Нет уж, — отрезал я. — Ловите, тащите в свой родной ад. У вас что, внутренней стражи нет? Службы безопасности? Совсем распустили охрану! Меня там не было! Я бы их по струнке построил, землю бы заставил рогами рыть!

Он посмотрел с уважением, в багровых глазах огонь то разгорался, то пригасал, но когда голос прогремел, как гром, я все равно уловил нотки усталости и поражения:

— Я же говорю, это первый случай за всю историю ада.

— А еще, — сказал я. — У вас же есть эти, как их, Гончие Ада?..

Он посмотрел в сторону, я ощутил, что видит Бобика. Тот тоже смотрит на него издали внимательно и как-то изучающе. Клыки слегка оскалил,



но не в прямой угрозе, а в некотором непонятном предупреждении.

— Есть, — ответил Вельзевул и посмотрел на меня очень внимательно. — Есть... но они так и называются, что гоняют по аду... Ад — это такая небольшая пещера, даже пещерка в самых недрах земли. Пещера эта существовала с первого дня творения, так что можно предположить, что о нашем будущем мятеже было не только известно заранее, но было все четко запланировано.

Я сказал с негодованием:

— Не поверю, что Всевышний настолько коварен!

— Возможно, — возразил он сухо, — это не коварство, а предусмотрительность? Ты же правитель, понимаешь... В общем, когда туда свергли мятежных ангелов, пещерка стала расширяться их усилиями. Когда же стали поступать первые люди, им пришлось расширять ад уже для себя... Теперь там места больше, чем здесь наверху.

Я вздрогнул.

— Ого!.. Вообще-то да, умерших больше, чем живых. Тогда да, гончим там бегать и бегать.

Он сказал быстро, уже видя, что сейчас повернусь и уйду:

— Разбойник Конрад Синезубый, что был осужден на вечные муки за убийства невинных, грабежи и поджоги, сейчас на земле убивает священников! За то, что не вымолили для него спасения перед его смертью.

— Дурак, — сказал я, — при чем тут священники? Он расплачивался за свои грехи.

— Он думал, — сообщил Вельзевул мрачно, — если священники отпустят ему грехи перед смертью, — то его сразу в рай. И теперь мстит, как он полагает, справедливо, за обман.

Я сказал надменно:

— Я дал рыцарское слово, что никого для тебя, исчадие ада, убивать не буду.

Он рыкнул:

— И не надо.

— Тогда о чем разговор?

— Убивай для себя, — проревел он, — объясняю еще раз, а то вижу, ты несколько туповат, смертный сэр принц! Они сбежали из моей тюрьмы, но сейчас уже в ваших землях! Где у меня нет никакой власти. Куда я вообще не могу и ногой ступить!.. И там они разбойничают, бесчинствуют и вообще... нарушают ваши законы! Тем самым бросая вызов вашей власти!

Я сказал зло:

— На мое самолюбие давите, сэр Вельзевул?.. Я на такие простые трюки не попадаюсь!

— Но разве вы не обязаны защищать...

Я прервал:

— Это не мое королевство! Не мои земли!

— Тогда где их правитель? Обращусь к нему.

— Сбежал, — процедил я сквозь зубы. — Ладно-ладно, нечего на мою совесть нажимать, она вообще-то у меня гибкая, в любую сторону прогнется, и хоть бы хны.

Он процедил точно так же, как и я, сквозь стиснутые челюсти, а они у него, как ковш камнедробилки:

— Значит, Всевышний ошибся, что вообще-то хорошо... даже прекрасно. Это доказывает, что мы не зря тогда отказались поклониться человеку из глины.

— А я не идеал! — отрезал я. — Есть и получше, посовестливее. У нас разнообразие в популяции, это обеспечивает лучшее выживание. Не то что у вас, одинаковых.

Он рыкнул:



— Да, это очень удобно, ссылаться на других, прятаться за их спины.

Он махнул огромной лапой и замолчал, от его массивной фигуры исходила как радость, что они оказались со своим бунтом правы, так и странная тоска, все-таки его заключенные плюнули на его законы, посмеялись над ним, отыскав способ побега...

Я спросил с великой неохотой, чувствуя, что делаю громадную глупость:

— А что, они ходят везде и кричат, что убежали из ада?

Он поморщился.

— Напротив, смертный. Они таятся.

— Тогда как?

— Ты их найдешь по...

Я прервал, возвысив голос:

— Я не сказал, что берусь искать твоих сбежавших! Это твоя ошибка, твой промах. Я только спросил, есть ли возможность увидеть их сразу. Иначе их можно искать годами, а для этого нужны тысячи очень даже свободных и абсолютно ничем не занятых людей.

Он ответил почти смиренно, я видел, каких усилий ему стоит смирять свою гордыню, она так и не утасла с того дня, когда они восстали против власти Всевышнего:

— Дай твой меч, смертный. Я заменю тот глупенький рубин в навершии рукояти на подобный, однако добытый из руд со дна ада. Мечом с таким рубином ты убьешь любого выходца из ада, а еще он поможет узнавать этих людей.

Я сказал твердо:

— Этого мало. Разве что они все так и остались где-то вблизи этого болота.

— Не остались, — проревел он невесело. — Но наши рубины чуют их на расстоянии в десять ваших миль. Если не медлить, все будут зримы, и никто не успеет уйти достаточно далеко. Я уж не говорю, что вон та собачка, очень уж ее вид мне знаком, сумеет любого отыскать с легкостью.

Я спросил в лоб:

— А зачем это нужно мне?

Он развел громадными лапами.

— Разве ты не паладин?..

— Паладин, — согласился я, — но не дурак. Сотрудничество с силами ада грозит мне даже большим, чем потеря бессмертной души.

— Но как паладин, — возразил он, — ты должен защищать людей! А ваши священники даже не могут брать в руки оружия и защититься никак не могут.

— Тебе-то что? — спросил я.

— Я просто хочу вернуть обратно сбежавших преступников, — прорычал он зло. — Это неслыханно! И это позор. Если всех вернем, то моя репутация не пострадает... сильно. Но я понимаю твои сомнения, смертный...

— Понимаешь? Да что ты понимаешь, одноклеточный?

Он посмотрел на меня свысока.

— Разве в вашем обществе палачи не самые презираемые люди, что вынуждены прятать лица под масками?.. Однако необходимы, часть вашего устройства. Потому смотри на ад глазами умного человека, а не тупого простолюдина. Ад — для преступников, согласен?.. И преступники должны там оставаться столько, сколько велено по закону. И ни в коем случае не освобождаться по собственной воле! Когда из ваших тюрем удастся сбежать какому-нибудь убийце детей, вы все негодуете и требуете немедленной



поймки, а вот если из ада сбегает такой же или гораздо худший, полагаете его героем?

Я смешался, он заставляет посмотреть на мир другими глазами. В самом деле, в ад сбрасывают самых отъявленных преступников, но даже там не жгут всех одинаково, а каждому причитается по статьям, которые и на земле известны: клеветникам протыкают языки раскаленными гвоздями, сплетников держат в ямах с дерьмом, содомитам всаживают в зад раскаленные железные стержни, а педофилам бьют молотами по причинному месту... в общем, строго по закону.

— У нас тоже такое, — буркнул я. — Когда видят бегущего от городской стражи человека, все стараются помешать им поймать беглеца. А ему, напротив, дают убежище.

Он прогрохотал:

— Ну вот, видишь?

Я сказал с сомнением:

— Да вот только... помогая тебе, не войду ли в конфликт с силами Добра и Света?

Он буркнул с неудовольствием:

— А кто, по-твоему, наполнил ад доверху?

— А-а-а, — протянул я, — тогда я, помогая тебе, как бы помогаю силам этого... ну, как его, ага, Добра!

— Даже без «как бы», — подтвердил он. — Если не вдумываться, то все просто, а если хоть чуточку... если у тебя в самом деле мозги, смертный, то все намного сложнее, верно?.. И, что удивительно, Рай и Ад как-то связаны?

Я буркнул:

— Если и сотрудничают, то уже негласно, чтобы не волновать общественность.

Он пошевелил огромными глыбами плеч, толстые объемные мышцы красиво вздулись, перекатились

и снова улеглись, как сытые удавы под багровой, словно прожаренный бекон, кожей.

— А нам нужно об этом кого-то оповещать?

Я буркнул с издевкой:

— Уж точно не мне!

— Я тоже не стану о таком трезвонить, — сообщил он. — Понятно почему.

Я сказал через силу:

— Хорошо, подумаю. Но ничего не обещаю.

Он кивнул.

— Для меня этого достаточно. Ваше слово, как все говорят, крепче алмазита.

— Я не обещал! — крикнул я.

Глава 5

Рассвет уже окрасил землю в бледно-розовое, я пригнулся к гриве арбогастра, прячась от холодного встречного ветра. Хотя доспех Нимврода и должен защищать, но защищает как-то не слишком, словно от смерти или тяжелых ранений — да, а от мелких неприятностей, вроде колючей крупы в лицо, ну, мужчины на такое внимания не обращают...

Подумаю, ответил я хозяину ада. Подумаю. Возможно, в другое время и бросился бы ловить этих гадов, но когда сам идешь по туго натянутой проволоке над пропастью, то в самом деле нужно подумать трижды, прежде чем бросаться сломя голову творить добро.

К тому же добро в понимании ада может быть не совсем добром в нашем понимании, хотя Вельзевул и пошатнул мое устоявшееся мнение. Вообще-то мнение у меня простенькое, как у всех, а все, как известно, это совсем не собрание гениев.



Во дворце играет музыка, я ее услышал, едва стражи ухватились за ручки двери, из холла несколько любопытных заглядывают в зал, а там группа придворных выстроилась по кругу, в центре импозантный учитель танцев показывает движения чего-то нового и модного. Танец вольта в самом деле старинный, но я не думал, что исполняют его именно вот так: где-то на каждом третьем шаге самец чуть приседает, женщина подпрыгивает, а самец помогает ей в прыжке, держа левую руку на ее талии, а правой приподнимая за низ ее живота.

Остальные притопывают, подергиваются, мысленно уже танцуя, это так важно, это очень важно в придворной жизни.

Альбрехт встретил меня на лестнице между вторым и первым этажом, словно чувствует мое появление, поклонился учтиво, не спуская внимательного взгляда с моего прекрасного, надеюсь, и одухотворенного лица крупного государственного деятеля.

Я сказал сварливо:

— А вы чего же, а?.. Отирать перила это что? Из вас еще такой танцун, что просто даже не знаю!

— Да, — согласился он, — я еще тот... хотя за вами не угнаться. Такое вытанцовываете!

— Ну спасибо...

Он покачал головой.

— Что-то у вас это вот... перекошено. Вы на себя теперь так похожи, так похожи. Что такое случилось? Небо рухнуло? Или ад поднялся?

— Граф, — ответил я мрачно, — вы не представляете, насколько вы близки к истине.

Я кивнул, приглашая следовать за собой, а когда старший по титулу приглашает, это то же самое, что приказывает. Альбрехт безропотно и, судя по виду, покорно подчинился, хотя, зная его неплохо, пони-

маю прекрасно, что идет с охотой, предчувствуя новости и новые для меня неприятности.

На верху лестницы Мидль оживленно беседует с Клементом, сама изящность и корректность, в то время как Клемент — ничем не прикрытый напор, сила, что не терпит преград, если только преграда не в виде моего запрета.

Оба повернулись ко мне и отвесили поклоны: Мидль — изящный и полный достоинства, Клемент коротко наклонил стриженую голову.

— Ваше высочество...

— Принц Ричард...

Я прошел было мимо, ответив кивком, потом остановился и развернулся к ним.

— Вижу, вы тоже танцуны еще те. Так вы устанавливаете теплые и даже, не побоюсь сказать такое неприличное слово, тесные отношения с местным народонаселением?

Клемент ответил гроыхающе и стараясь смягчить голос:

— Ричэль не ходит на такие... танцы, если это танцы, а я с другими не танцую. А вот герцог не хочет ни за себя, ни за меня оттанцевать хотя бы полвечера...

Я перевел взгляд на Мидля. Тот ответил с достоинством:

— Я женатый человек, ваше высочество.

— Ух ты, — сказал я пораженно, — женатому и танцевать нельзя? Жениться тогда, что ли... Ладно, оставьте Клемента и топайте за мной. Вы человек здравый, рассудительный, скучный и всегда или почти всегда отвратительно правый, что просто бывает невыносимо.

Он насторожился, но спорить и даже выпрашивать, что стряслось, не посмел, поклонился, прощаясь с Клементом, и пошел рядом с Альбрехтом.



Стражи, охраняющие мой кабинет, распахнули двери, я вошел, топая, как носорог, как будто это придаст мне силы или уверенности, плюхнулся в кресло и жестом велел им сесть.

— То, что сейчас услышите, — сказал я, — пусть навсегда останется между нами. — Я человек очень уверенный в себе и своих суждениях, но сейчас меня раздражают сомнения, несвойственные человеку действия.

Альбрехт посоветовал на ходу:

— Душите!

— Увы, — ответил я, — не задушиваются, хотя и хотелось бы для спокойствия. Мы всегда успокаиваемся, если что-то в себе придушим, а иногда и кого-то. Еще раз увы, но что-то надо решить. Потому едва ли не впервые в жизни хочу поделиться этими... как их, ах да, сомнениями, кто бы мог подумать! У меня — сомнения! В кого превращаюсь?

Они сели, Альбрехт спросил оптимистически:

— А не лучше поделиться с нами деньгами? А сомнения оставьте себе. Сомнения делают нас интереснее. Для других, конечно. Все подвергай сомнению, как сказал Сатана, когда спорил со Всевышним.

Мидль посмотрел на него с укором, перевел взгляд на меня.

— Ваше высочество?

— Вина? — спросил я. — Сэр Альбрехт, налейте нам с герцогом и себя не забудьте.

— Это я могу, — заверил Альбрехт, — у вас чудесное вино. Вам понемногу?.. А то тут не больше половины кувшина.

Я отмахнулся.

— Вопрос вас удивит. Вот такая философская проблема. Представим, что из ада сбежала группа узников. Теперь они здесь, в нашем мире.

Мидль торопливо перекрестился, Альбрехт чуть не выронил кувшин, едва успев его подхватить на лету.

— Ваше высочество!

Я отмахнулся.

— Да ладно, ну философ я, философ. Это же чисто философский и в некотором роде умозрительный вопрос! Может быть, мечтаю страстно остаться в истории под именем Ричарда Философа? Или вы считаете, все философы должны быть лысыми? Вопрос в том, должны ли мы, добрые люди и ревностные христиане, ловить беглецов и водворять их обратно на вечные муки.

— То есть, — переспросил Мидль озадаченно, — помогать аду?

— Да, сэр Мидль.

Он машинально взял кубок с вином, но пить пока не стал, лицо вытянулось, как у коня благородных кровей.

— Не знаю, — пробормотал он, — что это за странная философская проблема...

— А какие в философии не странные? — поинтересовался я.

Он кивнул, посмотрел на меня странно.

— Хорошо, я не философ, а то и шутки ваши всем не понимаю... Если беглецы... да еще из ада... какое там ловить? Надо вообще помочь, обогреть, накормить!

Альбрехт зябко передернул плечами, но чаша уже в руках, сделал большой глоток, моментально согрелся и помудрел, с довольным видом шумно перевел дыхание.

— Да-а, — протянул он, — у вас и вопросы, мой лорд. Философия — служанка богословия, как бы вас не потащило туда еще глыбже... Наверное, герцог прав, беглецам всегда помогали... Церковь учит ми-



лосердию. Хотя чувствую здесь какую-то неправильность. Слезы умиления — хорошо, слюни... не весьма.

Я посмотрел в кубок, перевел взгляд на Альбрехта.

— Что-то вы, граф, как стали вице-канцлером, так совсем оскупели?.. Или это не вино, а ваша мужская слеза куда капнула?.. Лейте, не жадничайте! Перед сюзереном должны выказывать!

Он пробормотал:

— Я и выказываю... бережливость. А то бы не заметили... Ладно, вот лью, видите? Но там в кувшине совсем мало, нельзя быть расточительным, это грех.

Мидль сделал глоток, на меня продолжал смотреть неотрывно и поверх кубка.

— Ваше высочество?

— Знаете ли, — сказал я раздраженно, — если бы они сбежали из рая... я бы пальцем не шевельнул! Не хотят — не надо. Никто их туда насильно не затаскивал. Но если из ада?

Мидль покачал головой.

— Это все равно что из плена.

— Из пыточной, — уточнил Альбрехт.

— Вот-вот, — сказал Мидль, — прямо из пыточной!.. И вы хотите помочь их вернуть туда обратно? На муки?

— Мне и так хреново, — сказал я нервно, — а вы еще на мою чувствительную совесть жмете, как на больной мозоль сапожищами... А она у меня отзывчивая, сам бы не подумал. Да, беглецам надо помогать! Кто спорит?

— Вы, ваше высочество. Вы спорите.

— А это тот случай, — спросил я, — когда беглецам помогать обязательно? Они что, погорельцы? От пожара и голода бегут? От наступающей армии грабителей... это не про нашу, мы хорошие, а все остальные — грабители и насильники, от которых



надо бежать, а мы должны давать кров, еду и защиту... ну, в общем-то, как бы должны.

— Беглецам всегда оказывают помощь, — отрезал он.

— Пока не знают, — возразил я, — от кого бегут. А если точно знаем, что бегут разбойники от правосудия?

Он сказал твердо:

— Ад — зло. Бегущим оттуда нужна помощь.

Альбрехт смотрел то на него, то на меня, наконец спросил:

— Ваше высочество?

Я вздохнул, развел руками.

— Граф, налейте снова, да пополнее. Я вижу по вашей руке, что кувшин полон. Не надо утаскивать его в свои покои и там предаваться разнузданному с фрейлинами, которых еще нет, но точно будут... В общем, будь я простым воином, тоже так бы рассуждал. Но я правитель, должен заботиться не только об отдельных человечиках... но и о вверенной мне мною стране. В первую очередь о тех, кто живет сейчас. Если эти удравшие из ада начнут их резать, как скот... а они начнут!.. то я обязан защитить население.

Альбрехт заглянул в кувшин, в самом ли деле там прибавилось, удовлетворенно кивнул и наполнил все три кубка доверху.

— Я тоже, — пробормотал он отстраненно, — как и герцог, полагаю, что сбежавшим нужно помочь.

Мидль наклонил голову.

— Спасибо, граф, за понимание.

— С другой стороны, — продолжил Альбрехт, — разве у них не было права выбора, когда жили... ну, как мы живем сейчас?

Мидль буркнул:

— Бывает, выбора нет.



— Выбор всегда есть, — возразил Альбрехт. — Никого насильно в рай не тащат! Если творили преступления, то в ад попали за дело. Насколько знаем, ангел отчаянно борется за каждую душу, но если чаша грехов опускается до самого дна, то как можно не уступить, оставаясь справедливым?

Мидль сказал с неприязнью:

— Справедливость к дьяволу?

— Справедливость должна быть ко всем, — отрезал Альбрехт и высокомерно приподнял лицо. — Иначе какие мы благородные рыцари?

Он красиво поднял кубок и красиво сделал большой глоток, не меняясь в лице, только глаза заблестели довольно.

Мидль повернулся ко мне и сказал, глядя в лицо:

— Ваше высочество, я бы все-таки рекомендовал вообще не влезать в эти сложные вопросы. В них философы увязают, как мухи в патоке, а что можем сделать мы?

— Философы просто умничают, — сказал я, — они ни за что не отвечают, а мы, к сожалению, люди действия и поступков. Потому точно нужно определиться, сбежавшие из ада... преступники или нет?

Мидль смолчал, он уже высказал свою позицию достаточно четко, Альбрехт же после третьего хорошего глотка поблагодарил и ответил мирно и рассудительно:

— В общем... но только в общем. Я бы все-таки посоветовал, ваше высочество, не спешить и каждый случай рассматривать отдельно, а не совокупно.

Я взглянул на него настороженно.

— Вы намекаете...

Он кивнул.

— Совершенно верно. Общие нормы: не укради, не убий и прочие — не меняются, однако... за сотни

лет некоторые преступления стали как бы не и преступлениями, в то время за другие раньше только грозили пальчиком, а теперь рубят головы... И вообще, ваше высочество...

— Что?

Он налил себе вина еще и спросил тихонько, даже не глядя в мою сторону:

— А нельзя... просто увильнуть?

— Как? — сказал я со злостью. — Но если они сейчас, вырвавшись в наш мир, сеют смерть и ужас. Это и есть самая коварная ловушка дьявола!.. Я просто не могу отказаться!..

Мидль произнес с достоинством:

— Я про это и говорил, что иногда не бывает выбора. Он как бы есть, но на самом деле его нет. Для простого человека выбор есть всегда, для благородного — нет!

Альбрехт напомнил:

— Если увильнуть не удастся, то как вы будете разбираться в каждом конкретном случае?

— Я не знаток церковной юриспруденции, — отрезал я. — Да, сперва взгляну, насколько виноват, потом вдарю... но особенно вникать не стану. Мне для полного счастья недостает отменить решение суда предыдущей инстанции!

Альбрехт криво усмехнулся.

— Да уж... Это восстановить против себя и ангела, и дьявола. Хотя...

— Что? — спросил я нервно.

Он проговорил задумчиво:

— С вашего высочества станется.

Я сказал сердито:

— Сплюньте, дорогой граф! И фигу покажите. Как вы умеете, одну из-под локтя, а вторую из-под коле-



на. Я даже с самым маленьким кузнечиком не желаю ссориться!

— С кузнечиками и я не желаю, — согласился Альбрехт.

Мидль опустил чашу с недопитым вином так быстро, что почти уронил. Мы оба обернулись к нему, он смотрит то на меня, то на Альбрехта, как на привидения.

— Ваше высочество...

— Слушаю вас, герцог?

— Это, — проговорил он с трудом, лицо смертельно побледнело, а губы стали совсем синими, — это был что... не просто... философский вопрос?

Глава 6

После их ухода создал большую чашу вина, а затем сделал то, что никогда еще в жизни не делал: выпил. Сам, без гостей. Обычно вино для меня только приправа к общению, да и то потому, что другие почему-то без него не могут, но сейчас сперва вино, потом крепкий кофе, чтобы лучше выштырило, однако лишь сердце стало колотиться чаще да какая-то нервная дрожь и ощущение, что нечто потихоньку поднимается изнутри.

Нет, Терроса самого по себе уже нет, он убит, уничтожен, растворен во мне. Его мрачная сила лишь подпитала мою темную сторону, и без того весьма даже не хилую. Из-за нее приходится сдерживать себя, чтобы не наорать на верных мне и преданных, не отдавать приказы истребить всех несогласных с нашим вторжением, нет оппозиции — нет проблем; вообще не распускаться, к чему так и тянет, когда чувствуешь свою мощь, а верные вассалы все настойчивее требу-

ют опустить на мое мудрое хотя бы с виду чело королевскую корону.

Вообще-то, если совсем уж честно, хотя обычно хитрим даже перед собой, Террос, скорее всего, ни при чем. Это мрачное влияние властелина ада так подействовало, что весь отерросился. Вообще-то и без него был еще тем терросом, да и кто из нас не террос хотя бы в редкие минуты жизни, когда даем нашей темной сущности вырваться на волю?

Нет уж, это для меня слишком, пусть на этот раз Вельзевул обходится своими силами.

К обеду пришел Макс, чем удивил не только меня, обычно днюет и ночует со своими солдатами, выбрал момент и подошел тихонько.

— Ваше высочество...

— Сэр Ричард, — напомнил я.

— Сэр Ричард, — повторил он застенчиво и совсем тихо, косясь по сторонам, не слышат ли другие, что у него есть какие-то преимущества перед ними, — я прошу вашего разрешения занять крепости Кестель и Серый Анандель...

— Они чьи? — спросил я.

— Сейчас брошенные, — сообщил он. — Одна была в личном пользовании короля Леопольда, другая принадлежит кому-то из его родни...

— Уже не принадлежит, — изрек я. — Действуй, Макс. Мог бы просто так прийти, а не с вопросами, которые можешь решать и сам.

Он сказал с неловкостью:

— Да мы вроде бы ничего ни у кого не отнимаем...

— Просто так не отнимаем, — уточнил я. — Из прихотей! А по военной или государственной необходимости — еще как! Это не мы такие, жизнь такая. А чем те крепости интересны?



— Одна контролирует главную дорогу, — объяснил он, — даже не одну, а весь узел главных дорог из Бриттии, Ирама и Пекланда, а вторая расположена у единственного моста через широкую и бурную Черлынь, больше переправ вообще нет, даже ни единого брода...

Я сказал с завистью:

— Тебе повезло, можешь все время заниматься тем, чем хочешь. А я вот, видишь, как провожу время?

Он застенчиво улыбнулся, отступил и как-то незаметно исчез. Мне кажется, он и за столом даже не посидел, хотя его стараются задержать как лорды — Макса все любят, он никому не соперник, — так и женщины, которых пока мало, но самые авантюрные и цепкие уже появились в залах, шепчутся, стреляют глазками, то ли собирают сведения для короля Леопольда, то ли высматривают неженатых лордов... хотя можно и женатых.

После обеда я проехался по городу, с удовольствием отмечая, что и здесь, хоть и медленнее, но жизнь все же входит в обычную колею. Больше всего выгадала от сотрудничества с нами городская стража: ей даны права не только тащить преступников в тюрьму, но особо упорных приканчивать на месте.

Со стен во все стороны бесконечная белизна, лишь в десятке миль к северу темный клин леса, что уходит, расширяясь, за горизонт, но к городу незаметно не подступиться. Конечно, лес был и здесь, сам город вырос в лесу, но человек обладает чудесным даром превращать лесистые края в пустыни.

Правда, тут не пустыня, везде распаханное пашни, но сейчас и они под снегом, даже деревень почти не видно, снег лежит на крышах домов и сараев, умело маскируя их под всеобщее белое безмолвие, под долгий сон природы, что продлится до весны...

Норберт сопровождал меня в инспекции и всякий раз указывал на хорошо укатанные колеи:

— Вот по той дороге везут продукты из Гранд-Дельма, по этой вот всякие товары из Гузешира...

— А шпионы?

Он ухмыльнулся.

— А как же без них! Мы все в чем-то шпионы.

— И что с ними?

— Как приезжают, — сообщил он, — так и уезжают. Привести можно целое войско, но какой лагерь разобьешь в снегу? Мы можем в такой осаде пробыть всю зиму, нам тепло, а они через неделю вымрут от холода и болезней. Так что пока все, тьфу-тьфу, безопасно... Только бы ничего неожиданного.

— Ладно, — сказал я, — пойду укреплять отношения с местной знатью.

В зале приемов смиренно, но с достоинством ждут городской старшина Рэджил Роденберри, все в той же меховой шубе поверх расшитого серебром кафтана, под которым еще одежды, там же Гангер Хельфенштейн, советник короля Леопольда, оказавшийся весьма полезным и для меня, так как при Леопольде занимался по большей части хозяйством, а сражения можно выигрывать только если хозяйство за спиной в полном порядке.

Он тоже, как и Роденберри, почти такой же старый, крупный, чопорный, три одежды выглядывают одна из-под другой, а сверху еще и распахнутая на груди тяжелая шуба, там на массивной цепи горит большая золотая звезда, украшенная бриллиантами.

Тройку замыкает лорд Раймонд Меммингем, в прошлом казначей королевства и лорд-хранитель большой печати, а сейчас управитель королевским



двором, многочисленными службами, куда не входит только охрана дворца.

Он одет несравненно легче, словно подчеркивает, что находится постоянно внутри головного здания дворца, весь в парче и золоте, живот все так же поверх ремня, красное лицо в крупных кровяных жилках, под глазами мощные мешки ничуть не уменьшились, но выглядит бодрым и намного более живым, чем в первую встречу.

На груди неизменная золотая цепь, без них здесь никуда, надо будет все-таки ввести погоны и лампасы, а то и аксельбанты, пальцы Меммингема в толстых золотых кольцах, сапоги полегче, чем были в прошлый раз, но тоже из шкуры явно редкого и дорогого зверя.

— Рад вас видеть, лорды, — сказал я радушно, одним махом записав в них и бургомистра, человека явно не знатного, выдвинувшегося в верха благодаря уму, а не родовитости, — с какими новостями?

Роденберри, явно польщенный, что назвал и его лордом, выступил вперед и сказал с поклоном:

— Мы разработали свод правил, которые можно бы ввести, ваше высочество, благодаря вашему правлению...

Я взял листок, бросил беглый взгляд на крупные буквы и сказал с удовлетворением:

— Та-ак... хорошо составлено. И очень уместно. Дескать, мы ни при чем, это проклятые оккупанты так восхотели...

Роденберри смешался, но Меммингем ответил мирно:

— Ваше высочество, эти прекрасные и своевременные меры. И очень правильные...

— Да я и не спорю, — сказал я, — только почему мы?

— У вас армия, — пояснил Меммингем. — Вам попробуй не подчинись! А затем через какое-то время народ привыкнет жить по другим правилам. И уже неважно, уйдете вы или нет, никто ничего менять не станет...

— И люди сами поймут, — добавил Хельфенштейн, — что так вообще-то выгоднее для всех. И для них.

— Верная логика, — согласился я. — Я почешу спинку вам, вы почешете мне, это и называется взаимовыгодным сотрудничеством.

Меммингем поинтересовался:

— Значит, вы примете этот документ за основу?

— Зачем за основу, — сказал я, — примем в таком виде. Вы сформулировали очень четко и продуманно. Поздравляю вас, господа!

Хельфенштейн сказал скромно:

— Мы это сформулировали пять лет назад. А потом только отшлифовывали стиль. Я трижды подавал его на рассмотрение Его Величеству королю Леопольду, но он отклонил все три раза, назвав слишком радикальными.

— Но согласился, что предложения хороши? — спросил я.

Он подтвердил:

— Да, это так. Просто... не решился.

— Значит, — сказал я, — Леопольд совсем не глуп, только нерешителен. Так что можете рассматривать меня как его преемника, который всего лишь внедряет в жизнь проекты, которые тот откладывал на более благоприятное время... что как раз наступило сейчас.

Роденберри сказал с благодарностью:

— Спасибо, ваше высочество!

Я кивнул благосклонно.

— Лорды...



Они удалились, кланяясь, а церемониймейстер, явно человек Альбрехта, провозгласил громогласно:

— Вильдграф Вильдан Зальм-Грумбах, лорд земель Ирмии и Нирда, куда входят городов Зальм-Кирбург и Зальм-Даун!

Я добавил про себя: земли справа от Генгаузгуза, знаем, помним.

Вошел Зальм-Грумбах, крупный, породистый и важный, однако ровный и невозмутимый, без излишней надменности, но с ясно подчеркнутым чувством собственного достоинства, поклонился и остановился справа у двери.

— Маркграф Джонатан Берген, — проревел церемониймейстер, — лорд земель Изенбурга и Бирштайна!

Вошел похожий на быка в камзоле Берген, ростом намного ниже вильдграфа, но куда шире в плечах, просто каменное плато, а не человек, даже голова громадная, как походный котел для отряда в сто человек.

Поклонившись, он встал рядом с вильдграфом, а церемониймейстер проорал во всю мощь, явно гордясь своей могучей глоткой и потому переигрывая:

— Барон Герберт Оберштайн, лорд земель с городами Фирнебург, Изендорф и Шайдвильд!

Барон вошел торопливо, почти вбежал, наверняка тоже смущенный, что его объявляют таким радостным ревом, словно он уже стал императором, виновато посмотрел на вильдграфа и маркграфа.

Я сказал великодушно-благожелательно:

— Лорды...

Они приблизились, чуть склонили головы в воинском приветствии, вильдграф, как самый старший, сказал почтительно, но твердо:

— Ваше высочество! У нас возникли некоторые серьезные вопросы. Без вашего решения не обойтись...

— Настолько важные? — спросил я с интересом. — Слушаю вас.

Вильдграф быстро взглянул на соратников, те ответили короткими кивками.

— Ваше высочество, — сказал он, — с вами прибыла огромная армия, в которой огромное число очень могущественных и богатых лордов. Практически все они... как пришли, так и уйдут.

Я нахмурился, вильдграф не успел среагировать, как маркграф, вроде бы медлительный, как все быки такого размера, сказал быстро сильным грохочущим голосом:

— Мы имеем в виду, что они не заинтересованы в наших землях. Однако в вашей армии есть и бриттские лорды...

Я кивнул, все верно, в арьергарде моей армии шли довольно многочисленные отряды бриттских лордов, что показали себя очень неплохо в сражениях. Первым отличился граф Вилле-буа-де-Марейль, разгромив своим конным рыцарским войском большой отряд Мунтвига, пытавшийся зайти нам с фланга, он вышел с сорока рыцарями и двумя тысячами конных, а сейчас у него уже больше ста рыцарей и пять тысяч конников... еще хорош барон Аскланд с его пятьюдесятью рыцарями, тысячью конных и двумястами лучников. Несмотря на потери в боях, его отряд только увеличился за счет примкнувших к нему искателей приключений и добычи. Показал себя великим рыцарем и умелым военачальником баронет Каундифепбирф, он привел с собой семьдесят рыцарей своего отца и полторы тысячи конников, но его дружина тоже выросла втрое, а сам он постепенно выбивается в ряды лордов, что считаются уже моим близким кругом.



Они смотрели на меня в ожидании, я сказал наконец:

— Да, их немало. Доблестные воины!

Вильдграф сказал твердо:

— Это понятно, потому что наши два королевства довольно долго были под властью могущественного короля Альфонса Семнадцатого, потому у нас одинаковые рыцарские традиции. Проблема в том, что некоторые из них присматриваются к нашим землям...

— Это ваши проблемы, — прервал я. — Я не хотел бы вмешиваться. У вас из-за войны есть заброшенные имения и земли, которые требуют внимания и ухода? Тогда вы сами должны быть заинтересованы, чтобы за ними был глаз да глаз.

И снова маркграф пришел на помощь старшему собрату:

— Ваше высочество, вы абсолютно правы. У нас вопрос не в том, позволять или не позволять бриттскому лорду накладывать лапу на чьи-то брошенные владения...

— А в чем?

Он помялся, подыскивая слова, голос впервые подал барон Оберштайн:

— Ваше высочество, дело в статусе.

— А-а-а, — сказал я, — тогда утрясайте это с законниками. Или с самими лордами, что проще. Я сам сторонник двусторонних соглашений. Мне, уверяю вас, вовсе безразлично, признает ли бриттский лорд себя вассалом сакрантского короля или останется верным Бриттии!

Вильдграф быстро посмотрел на обоих, те кивнули, он перевел взгляд на меня.

— Ваше высочество, это лучшее из решений, что вполне нас устраивает.

— Лорды, — произнес я.

Они поклонились еще раз и вышли.

Глава 7

Ужинал я с рыцарями, но вечером назло Аскланделле... что-то я слишком часто делаю ей назло, нужно оставить это мальчишество, явился в покои принцесс.

Похоже, Джоанна провела с сестрами разъяснительную беседу, обе вышли к ужину, тихие и робкие.

Сама Джоанна в своем лучшем платье, яркая и счастливая, держится беспечно и весело. Наверное, так и должна вести себя женщина, принеся себя в жертву, они это просто обожают делать по любому поводу.

Рианелла осмелела настолько, что начала пока еще робко строить мне глазки, Хайдилла еще долго трусила и не смела оторвать взгляд от блюда, но все-таки прогресс, Джоанне как-то удалось убедить их, что я не наброшусь на них аки зверь, раз уж она согласилась на изнасилование и за них.

А может, подействовало и то, что сама она вроде бы не в изорванном платье и без кровоподтеков на лице, уже попискивают, поддерживая разговор, но когда подошло время кофе, обе испуганно вскочили, пожелали доброй ночи и умышастили в свои норки.

Джоанна, весело щебеча, начала раздеваться, у женщин это целое представление, если мужчина наблюдает, однако я подошел к окну. Во дворе темно, только у входа в бочках горит синеватым пламенем смола да вдали у ворот тьму отгоняют, да и то недалеко, факелы.

— Ваше высочество, — донесся от ложа щебечущий голосок принцессы, — я уже в постели.

— Спи, — ответил я, не поворачиваясь. — Господи, когда же наступит время, когда можно будет делать то, что хочется... или вообще ничего не делать!



Со стороны ложа донесся тонкий голосок, полный недоумения:

— Ваше высочество?... Принц?

Я сделал успокаивающий жест и быстро пошел к двери. В коридоре охрана вскочила на ноги, никак не ожидая, что управлюсь так быстро, а я спустился по лестнице на первый этаж, в залах уже пусто, если не считать вооруженной до зубов стражи, еще больше этих крепких парней у входа, мы все-таки в чужом городе и захваченном королевском дворце.

— Бдите, — сказал я успокаивающе, — бдите!.. Все нормально, это у меня причуда такая. Изволю погулять в ночи. Где вы видели великого человека без причуд?

Бобик ринулся к конюшне, заспанные конюхи не сразу и сообразили, что я возжелал, и арбогастр едва не разнес стойло, услышав мое приближение.

Я поднялся в седло, все смотрят вытаращенными глазами, глухая ночь во дворе, небо в тучах, вот-вот повалит снег, вообще скроет все следы, это уже не причуда, а придурь, но, возможно, это только у великих причуды, а самые великие имеют право и на придурь?

Бобик пронесся через город, как сгусток мрака, мы вылетели вслед за ним, быстрые и легкие, как призраки, только снег расшвыривали, как стадо скачущих от стаи волков лосей.

К Проклятому Болоту все еще ведут наши следы, а в самом центре огромная яма с обугленными краями и красивым кольцом сосулек толщиной с бедро взрослого мужчины и длиной с копье.

На дне небольшое застывшее озерцо тухлой воды... нет, там уже желтый лед.

Я остановил Зайчика в трех шагах от обледенелого края, прислушался. Бобик мощно зарычал, рык пошел в землю, тяжелый и проникающий в самые недра.

Арбогастр нетерпеливо заржал, в ответ под ногами загрохотало, земля дрогнула. В центре ямы, сразу охватив ее целиком, взвился гремящий багровый столб адского пламени.

Огромная фигура проступила через багровую стену огня, я прокричал:

— Сэр Вельзевул, к сожалению, должен отказаться. Хотя вы правы, с вашими пожеланиями я согласен, хотя и с некоторыми важными оговорками. Но у меня у самого сейчас не то что узники, целые графства и баронства разбегаются!.. А завтра начнут разбегаться королевства!

Не дожидаясь ответа, я повернул коня и приготовился пустить в галоп, когда могучий голос, от которого дрогнула земля, проревел:

— Конрад Синезубый, я уже говорил о нем, убил вчера священника в одной вашей деревне, сегодня убил в другой и, возможно, убьет еще, а завтра убьет намного больше... Он обожает убивать именно священников. Я, конечно, рад, но мне нужно, чтобы священников убивали не мертвые, а живые люди и тем самым губили свои души.

Я крикнул зло:

— Так поспешите!

— У нас, — прорычал он, — на земле нет власти. Обнажи меч, смертный.

Голос прозвучал так неожиданно и властно, что я как-то непроизвольно вытащил меч из ножен. На длинном стальном лезвии заблистали багровые сполохи и показалось, что уже по самую рукоять залито кровью.

Из пламени высунулась рука, толстая, как ствол столетнего дуба, и вся перевитая толстыми мышцами. В огромных пальцах коротко и страшно блеснули



красные искры, а в следующее мгновение вся ладонь ухватила мой меч за лезвие.

Послышался скрежет, словно Вельзевул из высококачественной стали, снова полетели искры. Мою ладонь обожгло, и тут же чудовищная рука очень быстро, не давая мне слова сказать, вернулась обратно в столб адского огня.

Донесся затихающий голос:

— Этим мечем убьешь любого из ада...

Земля загрохотала, адское пламя стремительно пошло вниз, и через мгновение посреди болота осталась только раскаленная земля, откуда пошел пар от падающего снега.

Я стиснул челюсти, чувствуя разочарование и гнев, эта сволочь мне слова не дала сказать, поспешила заставить меня врасплох и тут же смылась, а я теперь...

Взгляд мой упал на рукоять меча, там в навершии страшно горит зловещим багровым огнем крупный рубин. Что-то в нем такое, взгляд не оторвать, настоящий Адский Рубин...

...И теперь даже не знаю, как мне с таким подарком.

Хотя кому я брешу? Такую изворотливую сволочь, как я, не перебрехать, я же себя вижу как на ладони... хотя бы в этот момент.

Адский Рубин блещет люто и дико, скопив в себе страшную мощь подземного мира, но можно заметить, что один из лучиков вроде бы длиннее всех и указывает на север.

Я повернул арбогастра в том направлении и прошипел сквозь зубы:

— Бобик, нам нужно отыскать нечто... с таким же запахом. Ну, серы, смолы и горящей плоти.

Он посмотрел на меня очень серьезно, глаза зажглись багровым огнем, а шерсть приподнялась.

Арбогастр фыркнул, повернул ко мне голову, и я со страхом увидел, что и его глаза медленно наливаются этой ужасающей багровостью, словно череп набит раскаленными углями.

— Давай, Зайчик, — прошептал я с тоской. — Раз уж как бы согласился.

Возможно, если бы этот убежавший из ада Конрад начал вторую жизнь без грабежей и насилий, я бы и ухом не повел. Иногда наше бездействие удается оправдать милосердием, очень удобное понятие — ничего не делаешь, преступника не наказываешь, объясняя высокими мотивами, хотя на самом деле руководит когда лень, когда трусость, а чаще всего просто нежелание впутываться в историю.

Когда-то для таких вот, совестливых, но трусливых, придумают прекрасное обоснование сидеть в норке и не вмешиваться: терпимость, политкорректность и мультикультурность, но сейчас, слава Всевышнему, мир еще честен, и потому меня через не хочу и не буду несет навстречу неприятностям некая воля, намного более сильная, чем моя...

И не сразу понимаешь, что несет как раз моя воля. Во мне как бы две воли: моя крохотная, личная, ей бы только о моей шкурке, и более высокая, вроде бы и не нужна мне, даже вредна, так как заставляет вот бросить все и мчаться спасать других, совсем ненужных мне. Но эта высокая воля, которую привычно называем Божественной, на самом деле инстинкт спасения общества, ибо человек сам по себе ничто, зверь, тля, животное, только в обществе живет, развивается и когда-то сумеет построить и на земле Царство Небесное, хотя под этим названием каждый понимает свое лучшее, высокое, что даст человеку абсолютную свободу, бессмертие и беспредельные возможности...



Глава 8

Церковь я увидел в слабом рассвете, небо только-только начинает окрашиваться розовым. Увидел даже раньше, чем село, небольшое и прижавшееся к земле, которая его кормит. Домишки из бревен, только церковь каменная, гордо устремленная ввысь, с колокольной, где под каменным сводом темнеет довольно большой колокол.

Арбогастр пронесся напрямик, ломая с хрустом заснеженные кусты, за нами снежный вихрь, как за налетающим на село смерчем. Из домов начали выскакивать люди и останавливались на пороге, заведя одного-единственного всадника на страшном черном коне с роскошной гривой, которого сопровождает громадный черный пес с багровыми глазами.

Я придержал Зайчика, у крестьян лица испуганные, в глазах страх, на меня смотрят с ужасом.

— Священник этой церкви, — спросил я, — он... как?

Один из крестьян сказал отчаянным голосом:

— Вчера был убит. Разорван на части, словно диким зверем.

— Словно? — спросил я. — А на самом деле?

— Убийца не был зверем, — ответил другой крестьянин.

— Не был зверем?

— Зверь хоть что-то да сожрал бы, — ответил он. — Сейчас зима, зверю труднее, чем летом, найти пропитание.

Второй добавил:

— Волки обычно ходят стаяй. Целиком бы сожрали.

— И следов не было волчьих, — сказал первый. — Вообще никаких звериных. Священника убил человек.

— Злой человек, — сказал кто-то. — Очень злой и очень нехороший. Отец Кенедий был очень добрым человеком. И всегда нам помогал.

Я поглядел по сторонам; недавний снежок припорошил все следы, но багровый лучик, насколько понимаю, все еще продолжает указывать в ту же сторону.

— Там, — спросил я за лесом, — есть еще люди? Село, город?

— Да, — ответили мне торопливо, — городок На Взбугорье.

— А церковь там есть?

— Да, конечно...

Арбогастр с места взял в стремительный галоп. Мы обогнули лес, а за роскошным лугом, скрытым под толстым слоем чистейшего снега, показалось большое село, обнесенное частоколом, что дает право называться городом.

Дома достаточно добротные, а в центре массивная церковь, пригодная для обороны, но крыша стреловидная, не преследующая никаких утилитарных целей, кроме как устремленность к Богу.

Первые лучи солнца уже осветили крышу, там вспыхнуло все светло и радостно, однако внизу истоптан снег, везде большие пятна крови, дверь в церковь выбита свирепю, будто тараном, а на пороге лежит вниз лицом человек в длинной рясе священника.

Вокруг него несколько человек из крестьян, большинство пугливо отбежали подальше при виде грозного Пса, но двое остались, на их лицах такая скорбь и ярость, что не испугались бы самого Вельзевула.

Рядом с убитым растеклась самая большая лужа крови, словно он, уже смертельно раненный, пытался достичь алтаря, но умер на полдороге.

Я подъехал, посмотрел с седла, чувствуя почти такую же боль и ярость.



— Кто это сделал? Где он?

Один из крестьян сказал угрожающе:

— Попался бы нам самим тот, кто это сделал!

Второй добавил с вызовом:

— Мы не посмотрели бы, если он лорд или знатный рыцарь!.. За такое сами разорвали бы эту сволочь на части.

— И Господь бы нас простил, — сказал первый.

— Господь все равно бы наказал, — уточнил я, — ибо сказано же «не убий», но люди — да, оправдали бы, а люди — это частичка Господа, ибо он живет в наших душах... и больше нигде. Кто-нибудь видел, куда эта сволочь поехала?

Оба повернулись одновременно и вытянули руки.

— Туда!.. — сказал один. — Вон ваша собачка волнуется, след убийцы взяла...

— Хорошая собачка, — сказал второй с опасливым уважением. — Наверное, церковная?

— Да, — ответил я, — именно.

А еще один сказал со значением:

— Все собаки от Бога. И потому возвращаются к нему в рай.

Арбогастр ринулся за Бобиком, я подумал, что вообще-то мужик прав, все собаки от Бога, а монахи и в собаководстве отметились достижениями. В монастыре Сен-Бернар вывели особую породу самых огромных в мире собак-монахов, что находят заваленных снежными лавинами людей, откапывают их и волочат к человеческому жилью.

А еще у каждого сенбернара, так называли этих огромных и добрых псов, на груди прикрепляют небольшой бочонок рома, тоже изобретение монахов, дабы выкопанный из-под снега мог сделать глоток и согреться.

Арбогастр стремительно мчится по следу Бобика, тот иногда делает зигзаги, словно обходит пропасти или доверху засыпанные снегом глубокие овраги, я же скрипел зубами — этот Конрад убивает именно священников! Священники по уставу не могут брать в руки оружие, за исключением простых дубин. Всех их легко убить простым поленом, а кому-то достаточно и пинка, потому нет худшего преступления, чем убить священника, что не просто беззащитен, но и отказался ради счастья других людей от земной жизни со всеми ее радостями: плотской любовью, семьей, детьми...

Священники — это функция, призванная улучшать общество, скреплять его морально-этическими ценностями, потому убивать их — это рушить саму цивилизацию.

Конечно, мелькнула мысль, в семье не без урода, среди священников есть и пьяницы, и чревоугодники, и распутники, и даже педофилы, но в общем это те, кто отдает себя обществу целиком, а мы, все остальные, только чуточку, и то если эта чуточка остается от наших мелких делишек и простеньких удовольствий.

Бобик пропал вдали, но почти сразу же мы увидели высокий шпиль церкви, небольшое село вокруг, а когда все это стремительно приблизилось, а дома разбежались в стороны, я увидел в трех шагах от входа в церковь на истоптанном и забрызганном кровью снегу окровавленное тело.

Я даже не сразу понял, человек это или животное, слишком много крови, выпущенные кишки, зверски оторванные руки, а грудь разворочена, оттуда, похоже, вырвали сердце.

Бобик заканчивал третий круг вокруг места трагедии, когда арбогастр остановился на скаку перед



окровавленным телом. Крестьяне, видя, что Пес совершенно не обращает на них внимания, начали подходить осторожно, на ходу снимают шапки и кланяются, но кулаки сжаты, а на лицах отчаяние и гнев.

Я спросил быстро:

— Когда он ушел?

— Час назад, — ответил один быстро и закричал: — Найдите его, ваша милость!.. Убейте его!

И крестьяне, словно прорвало плотину, закричали в бешенстве и ярости:

— Убейте!

— Убейте на месте!

— Нет, на кол такого!

— Мы его сами убьем!

Голоса отдалились и пропали, встречный и очень холодный ветер ударил в лицо. Арбогастр пошел все быстрее, стараясь догнать Бобика, что мчится напрямик через заснеженное поле, хотя я видел на дороге свежие отпечатки крупных подков, что уводят в сторону.

Четвертое село за ближайшими холмами, в самом деле эти земли заселены очень плотно, земли плодородные, мелких рек много, а далекий горный хребет, пара длинных ущелий и многоводная река защищают от вторжения больших армий.

Я успел увидеть, как к церкви подъехал на рослом коне мужчина в доспехах, соскочил и, толкнув дверь, вошел вовнутрь.

— Зайчик, — сказал я.

Арбогастр сделал рывок, через мгновение мы оказались рядом с чужим конем, повод его небрежно и кошунственно наброшен на ручку двери церкви.

Бобик прыгал перед дверью, а когда я ее толкнул, первым, отпихнув меня, ворвался вовнутрь.

Я вбежал следом, церковь простая, деревенская, но отделана с любовью и тщательностью. Между двумя рядами простых стульев к аналою быстро и уверенно идет тот человек, чей конь остался снаружи.

По его доспехам бегут отблески от множества свечей, на громкий топот моих ног он оглянулся, испуганно отшатнулся от Бобика, но Адского Пса в нем не признал, а уставился в мое лицо злыми глазами.

— В чем дело?

Голос его звучал требовательно и властно, я ответил так же резко:

— Это ты убил тех священников?

— А тебе какое дело? — ответил он громче, в голосе прозвучал настоящий рык.

— Прямое, — ответил я и обнажил меч. — За что ты их убил?

Он отрезал люто:

— Это мое дело! А ты, сопляк, лучше бы не вмешивался!

— Ладно, — сказал я, — за сопляка я тебя точно убью.

— Ты еще не знаешь, — прорычал он, — с кем имеешь дело...

— Это ты не знаешь, — ответил я.

Он быстро оглядел меня с головы до ног.

— А кто ты? Ты представляешь, кто я?

— Это неважно, — ответил я. — Если бы я напоминал всех, кого отправил в ад, у меня голова была бы размером с сарай.

Он на миг насторожился, услышав упоминание об аде, но все мы так говорим в подобных случаях, и он, быстро зыркнув на меня, сказал мстительно:

— Ну что ж, мальчишка, умри!



Двери исповедальни распахнулись, выскочил старенький сухонький священник с болтающимся на груди большим крестом, прокричал в ужасе:

— Спрячьте оружие! Вы в святом храме!

Конрад сделал выпад, я парировал. Сталь мечей со звоном высекала искры. Некоторое время мы наносили сильные, но осторожные и рассчитанные удары, затем он начал убыстрять движения.

Священник остановился в горестном оцепенении, потом начал громко читать молитву.

Я следил за противником со всем вниманием, наконец он прохрипел со злостью:

— А ты хорош... оказывается...

— Ты будешь вообще в восторге, — пообещал я, — когда убью...

— Но ты все равно умрешь!

— Сперва ты...

Он еще ускорил движения, но я и сам разогрелся, ощутил, что могу взвинтить темп, постоянно переходил в контратаку. Кончик острия задел его плечо, там сверкнули искры.

Конрад Синезубый дернулся и торопливо отступил, держа меч наготове. Из разрубленного места пошла пробиваться струйка темного дыма.

— Что? — вскрикнул он. — Ты меня ранил?

— А как удивишься, — заверил я, — когда убью...

— Но это, — проговорил он сдавленным голосом, — невозможно... невозможно... Ты кто?

— За что ты убивал священников? — спросил я. — На свете много всякой дряни, за убийство которой еще и спасибо сказали бы!

Он процедил сквозь зубы:

— Мне плевать, что скажут другие... А со священниками у меня личные счета. Я их буду убивать и дальше. И перебью всех...

— Не перебежешь, — ответил я и, увернувшись от просвистевшего рядом лезвия, с силой ударил снова.

Тяжелое стальное острие обрушилось на шлем, со скрежетом разрубило, страшно рассекло голову, а остановилось только в середине груди.

Он упал на спину, увлекая за собой застрявший меч. Я ожидал лужу крови, что сейчас расплывется по полу и потечет под ряды стульев, однако тело оставалось сухим.

Раздался легкий и частый треск, это все великолепие стальных доспехов, кожи и сапог со шпорами разом осыпалось, превращаясь в черный крупнозернистый песок.

Еще мгновение ушло, чтобы песок рассыпался в пыль. Холодный ветерок со снежком из распахнутых дверей медленно начал разносить ее по залу.

Священник крикнул обвиняющим голосом:

— Что вы наделали! Что наделали?

— Спас вашу шкуру, святой отец, — ответил я. — Он убил священников в трех церквях по дороге сюда. Вы были бы четвертым.

Он вскрикнул, светлея лицом:

— Так это же прекрасно!.. Я стал бы мучеником, моим именем назвали бы эту церковь... Возможно, приобщили бы со временем к сонму святых... а вы все испортили!

Я сказал уязвленно:

— Святой отец, вашими устами глаголет гордыня. Вам стоит очень внимательно подумать над своими словами. И предыдущей жизнью. Уверен, служите церкви ревностно, но только ли ради Господа или же и хоть немножко ради вот таких мирских почестей?.. А сие не весьма зело достойно. А скорее обло.

Я вышел, сопровождаемый Бобиком, там поднялся в седло арбогастра. Серый конь посмотрел на меня и призывно заржал.



— У тебя будет другой хозяин, — объяснил я. — Зайчик, поехали.

Конрад Синезубый, судя по всему, из недавних грешников, почтение к церкви все-таки осталось, иначе бы попросту въехал туда прямо на коне, как могу я, которому эти места культа кажутся... несколько устаревшими.

Едва выехали из села на пробитую и укатанную санями дорогу, Бобик подпрыгнул на всех четырех, привлекая внимание, а когда мы с конем уставились на него в недоумении, он взвизгнул и стрелой ринулся через кустарник, с его ломтями снега на ветках, похожих на диковинные цветы.

Я сказал со вздохом:

— Похоже, этот энтузиаст не даст нам сегодня пообедать вовремя.

Арбогастр иронически фыркнул, но я уловил и легкий упрек за ушастого друга. Все-таки в последнее время нашим песиком я не то чтобы пренебрегал, но так редко брал с собой, что сейчас он, понятно, не находит себе места от радости.

Бобик несясь бодрым галопом не больше четверти часа, иногда вскидывал морду и ловил растопыряющимися ноздрями морозный воздух, я тут же опускал взгляд на рукоять меча; Адский Рубин сверкает мрачно и угрожающе, по нему словно бы передвигаются грани, такая оптическая иллюзия, но самый длинный лучик указывает в ту же сторону, куда мчится моя веселая, хотя сейчас не такая уж и веселая, собачка.

Арбогастр ржанул, мое сердце тревожно застучало: из-за леса поднимается густой черный дым.

— Это не костер, — сказал я вслух. — Бобик... рядом!

Ветер засвистел в ушах, лесок мы обогнули на такой скорости, что я едва не задевал сапогом в стремени слежавшийся снег на дороге.

Деревья сдвинулись, мы увидели деревню из десятка домов, два горят жарким пламенем, люди суетятся с криками, одни пытаются тушить, другие поливают водой из колодца крышу третьего дома, куда летят искры.

Я остановил коня на полном скаку, арбогастр уперся копытами и со скрежетом пропахал не только снег, но и промерзшую землю.

— Что случилось? — крикнул я.

На меня и Бобика оглядывались со страхом, но воду из колодца таскать продолжали, а несколько голосов прокричало:

— Воин явился!..

— Невиданной силы!

— Троиخ зарубил, дома поджег...

— Сейчас вон в том доме дочь Джона Мельника насилует!

Я молча пустил арбогастра к указанному дому, народ смотрел мне вслед с надеждой, а я покинул седло с мечом в руке и взбежал на крыльцо. Бобик бросился за мной, но я цыкнул и взглядом велел вернуться к арбогастру.

Дверь оказалась запертой, я крикнул взбешенно:

— Эй ты, мразь! Выйди и умри, как мужчина!

Изнутри донесся жалобный женский крик, я приготовился выбить дверь, однако она вдруг распахнулась с такой силой, что меня сбило с ног, а тяжелое тело обрушилось сверху с такой мощью, что меня протащило по всем ступенькам.

Ударился о землю я так, что ребра захрустели, как сахар на крепких зубах. Нападавший, крупный



грузный мужчина, дыхнул в лицо винным перегаром, прижал меня к промерзлой земле, выхватил нож и замахнулся над моим лицом.

Я перехватил его за кисть чисто инстинктивно, некоторое время боролись за нож, напрягая все мышцы. Он сопел, все сильнее дышал винными парами, сверлил меня ненавидящим взглядом.

— Может, — прошипел я, — сразу сдашься?

Он ответил хриплым надсадным голосом:

— Ты кто?

— Тот, — ответил я так же сдавленно, — кто убьет... тебя...

— Я тебя отправлю, — просипел он, — туда... куда отправил... многих...

Я не ответил, он тоже задержал дыхание и напрягся. Одновременно оттолкнулись друг от друга, он отшвырнул нож и вытащил из ножен меч странной формы, грубой и слишком примитивной.

Некоторое время мы мерили друг друга взглядами, затем он сказал лютю:

— Твои доспехи лучше, а меч твой просто чудо... Но сильнее все-таки я. И оружием владею лучше.

— Еще бы, — побормотал я, но смолчал насчет сотен лет, которые он мог копить силу и умение. — Хотя проверим...

Он с ревом бросился на меня, размахивая мечом. Удары все простые, никакой техники, но его сила в аду в самом деле возросла настолько, что меня отшвыривало, как соломенный мешок.

Я тщетно старался парировать, однажды ожгло бок, второй раз лезвие его меча с такой силой задело бедро, что стальной щиток прогнулся, я ощутил острую боль, а из щелей потекла алая кровь.

Он захохотал.

— Ты крепок, но никто не устоит против меня!.. И все эти жалкие людишки увидят, как ты, их защитник, умрешь...

— Не спеши, — прохрипел я.

Парировать удары глупо, он пробивает любую мою защиту грубой мощью, я отпрыгнул от свистящего лезвия меча, рывком ушел в другую сторону, избегая следующего удара.

Мои руки, как будто действуют сами по себе, заученно нанесли колющий удар. Стальное острие попало ему точно под стальной панцирь, пробило кольчугу и вошло на ладонь в живот.

Он дернулся, застыл, глаза широко раскрылись.

— Что?..

— Догадайся, — ответил я, — с трех раз... если успеешь, ты же тугодум.

— Но я, — прошептал он, — неуязвим...

— Тебя обманули, — заверил я.

Из раны, огибая стальной клинок, пошел черный дым. Я торопливо потащил на себя рукоять, лезвие меча выползло наружу целиком, дым повалил гуще.

Он пал на колени, я услышал его шепот:

— Везде обман...

— А ты не знал? — спросил я. — Здесь еще тот ад.

Он рухнул лицом вниз, тело странно сплющилось и опало. Черный дым на мгновение стал гуще, а затем без всякого ветра развеялся так, словно ничего здесь и не было, лишь остался быстро исчезающий запах серы.

Я осмотрел меч, на нем ни капли крови. Сердце тревожно стучит. Почему это я не ощутил даже момента нападения? Такое впервые, обычно чутье успевает предупредить, даже если враг за десяток шагов в кустах и лишь ловит меня в прицел арбалета.

Но, видимо, это не относится к мертвым.



Глава 9

Крестьяне благодарили со слезами на глазах, я напомнил, что нужно и самим защищаться, это же точно не власть, а нарушающий законы разбойник. Прото, что такого нельзя убить простым оружием, благо-разумно промолчал, второй раз из ада вряд ли кто-то сбежит, Вельзевул там сейчас рвет и мечет, а от простых здесь могут защититься и сами, их всегда больше.

Бобик в нетерпении убежал вперед, останавливался, подпрыгивал на всех четырех. Арбогастр идет красиво и ровно вскачь, слева в небе красиво и торжественно поднимаются темные горы с белыми вершинами вечных снегов, девственно чистых, словно остались такими же с первого дня творения. Небо за ними скромно уступает в величии, лишь подчеркивая дикую красоту мест, где еще не ступала нога человека.

Дорога извивается над краем глубокой пропасти, я придерживал арбогастра, чтобы не сорвался на крутом повороте в бездну. На камнях часто проступает наледь, копыта разбивают ее с сухим хрустом, но это если скачет обычным галопом...

Воздух чист и непорочен, а проморожен до такой степени, что его как будто и нет вовсе, прозрачен до мурашек по коже, удастся рассмотреть сучок на дереве за десятки миль впереди.

Бобик ломанулся напрямик, поднялись на холм, а оттуда открылся прекраснейший вид на заснеженную долину, далекий замок из белого камня, два небольших села, одно почти у самого замка, другое ближе к нам.

Бобик уже начал принюхиваться, явно чувствует, где у кого что варят, жарят или тушат.

— Хорошо, хорошо, — сказал я. — На обратном пути...

Я прервал себя на полуслове. Из-за соседнего празднично сверкающего на солнце снежного холма показались красные знамена, блестящие наконечники длинных пик, неспешно выросли, затем солнце заиграло на сверкающих доспехах.

На вершину холма выехали трое всадников с трепещущими под свежим ветерком знаменами в руках. Остановились, гордые и прекрасные в своем могуществе, а спустя пару минут показалась повозка, поставленная на широкие полозья, старая и ветхая, две лошади тянут ее медленно и устало.

Я понаблюдал, как всадники то мчатся порывисто вперед, то возвращаются к повозке, один даже соскочил и помогал лошадям тащить, преодолевая небольшой подъем, затем дорога пошла под легкий уклон, и он снова легко вспрыгнул в седло.

Когда они подъехали к воротам, там уже открыли заранее. Все скрылись во дворе, ворота захлопнулись, а мы стремительно промчались к селу, где я придержал Зайчика у небольшого постоянного двора.

Ворота распахнуты, двор почищен от снега, вкусно пахнет сеном, две повозки с распряженными лошадьми, у колодца две женщины крутят ворот, поднимая бадью с водой.

Я оставил Зайчика у коновязи, Бобик идет рядом смиренный, за смиренность премия. В зале всего трое крестьян, у одного еще на кончиках волос тает снег, двое других уже отогрелись.

На собаку посмотрели с испугом и сразу застыли, страшась пошевелиться, но Бобик забрался под стол и затих. Все трое постепенно расслабились, разговор возобновился сперва тихий, а через пару минут



на меня и собаку под столом уже не обращали внимания.

Я заказал два бифштекса, один сразу бросил Бобику. На меня тоже обратили внимание, но меньше, чем на Бобика. Крепкий малый, это видно, но не богат, раз путешествует в одиночку и без солидных доспехов. В то же время явно рыцарь, видно по могучему коню и длинному мечу, что явно достались от родителей.

Я взмахом руки пригласил к своему столу одного из крестьян, лохматого и с тоскующими глазами.

— Что за люди здесь? — спросил я. — Кстати, замок очень красивый. Кто-то строил его с любовью.

Он сел на ту сторону стола, чуть отодвинувшись, чтобы ногами не задеть громадного пса, ответил нехотя:

— Для жены.

— Красивая была?

Он пожал плечами.

— Говорят, что да. Но разве это важно?

— А что важно?

— Чтобы любил... И чтоб она его.

Я подумал, сказал медленно:

— Да, это самое главное. А чей замок?.. Эй, хозяин! Кувшин вина на стол. И сразу наполни моему другу его кружку.

Хозяин, крупный огромный мужик, он же и вышибала, как понимаю, с кувшином вина подошел сразу, налил крестьянину, кувшин оставил, довольно ухмыльнувшись. Я щедро расплатился сразу, я же рыцарь, мы обязаны быть щедрыми, даже если сами голодаем, он взял монеты и удалился, очень довольный.

— Кувшин твой, — сказал я крестьянину, — а мне ехать надо.

Он поспешно подгрел ближе кувшин и кружку, глаза заблестели восторгом, сказал словоохотливо:

— Этот замок раньше принадлежал семье Шарфшютценов, но нынешний глава рода, сэр Карлеман Шарфшютцен, к несчастью, оказался в родстве с герцогом Гинтером, поднявшим мятеж против короля, отца нынешнего Леопольда. После подавления мятежа король жестоко расправился с заговорщиками, но владений сэра Шарфшютцена не тронул, тот был слишком далек от мятежа, участия в нем не принимал, так как защищал интересы короля на границе с Мордантом, где вскоре и погиб.

— И что случилось потом? — спросил я в нетерпении. — Говори быстро!

Он торопливо допил вино из кружки, перевел дух и сказал торопливо:

— Однако виконт Гольштейн, сосед сэра Карлемана, что всегда завидовал его богатству и положению в обществе, сумел через знакомых в окружении короля добиться конфискации земель семьи Шарфшютценов, после чего изгнал его жену и детей, а замок захватил и объявил своим.

— Сволочь, — сказал я.

Он взглянул на меня коротко, кивнул.

— Еще какая! Он установил право первой брачной ночи, его люди забирали из деревень молодых девушек в замок на поругание, а налоги стали просто непосильные...

— Жаловались?

Он старательно наполнил кружку доверху, стараясь не пролить ни капли, ответил несколько уныло, несмотря на то, что в кувшине вина осталось еще больше половины:

— Король обещал принять меры, но наши земли далеко от столицы, у короля никак не доходили руки.



Затем он умер, а виконт Гольштейн распоясался все больше...

Однако его лицо вдруг просияло, я тут же спросил:

— Однако что-то случилось?

Он сказал радостно:

— Вы как в воду глядите, ваша милость!

— Ну-ну, рассказывай!

Он просиял еще больше, даже глаза счастливо заблестели, ответил с радостным вздохом:

— Явился сэр Карлеман Шарфшютцен, которого все считали давно погибшим. Что удивительно, за эти двадцать лет, что его никто не видел, совсем не постарел! Барон Гольштейн, он стал к тому времени уже бароном, бросил против него всю дружину, а они у него все наглые, здоровые, на дармовых харчах такие морды наели, но сэр Карлеман каким-то чудом ухитрился всех перебить, а это были такие насильники, что им только в аду место, а затем он отыскал барона и убил его на месте...

— Я видел, — сказал я, — как сегодня к замку проехал рыцарь на крупном черном коне, а за ним повозка, которую сопровождали трое всадников.

Он вскрикнул:

— Правда? Это мог быть только сэр Карлеман, возвращающий свою жену в ее владения. А три всадника — подростки и взматеревшие за это время сыновья. Они, бедные, все это время вместе с матерью находились в нищете и бедности, проживая в изгнании.

— Гм, — проговорил я. — Весьма... да, весьма. Благодарю за весьма пристрастную информацию.

Он прокричал мне в спину обиженно:

— Я сказал чистую правду!

Бобик вылез из-под стола, потягиваясь так мощно, что затрещала даже шкура, посмотрел на меня с недоумением и укором: как, все? А где жареные гуси?

— Обойдешься, — сказал я. — Ты вот тоже какую морду наел!.. Даже мне смотреть не весьма зело. Ты обло и озорно, понял?

Он обиженно опустил голову, я поскреб ему между ушей, это такое извинение, и мы вышли во двор.

Замок приближался, чистый и светлый, а еще чувствуется, что, несмотря на воинское назначение, строился для женщины, любимой женщины, с которой хорошо не только спать, но и просыпаться.

Никакого защитного рва и вала, просто расположен на небольшом холме, уже просевшем в землю, не слишком уж и высокая стена вокруг головного здания, земля от стены на сотню ярдов вычищена от деревьев и даже кустарника, чтобы никто незамеченным не подкрался к стенам, ворота закрыты, но когда я приблизился, из сторожевой будки вышел охранник, с любопытством и опаской посмотрел на Бобика, потом на меня.

— Ваша милость?

— Просто гость, — объяснил я. — Еду мимо.

Он не сказал, что едешь, так и едь, спросил вежливо:

— Хотите согреться по дороге?

— Было бы неплохо, — ответил я.

Он обернулся, крикнул:

— Ганс, отвори господину рыцарю ворота!

Далекий голос отозвался:

— А через калитку почему не... А, вижу, такие в калитку не очень, что вообще-то хозяину понравится, ха-ха!

Ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы я проехал на арбогастре, Бобик проскользнул на миг раньше, вызвав во дворе испуганные вопли, но тут же



сел толстой жопой на снег и прикинулся черным столбиком из камня.

Во дворе снег убран, остался только в щелях между плитами, укрывающими землю, слуги шустро носятся по двору, как бывает только в первые дни после переезда.

Один из слуг бросился навстречу, опасливо косясь на огромного черного пса, но раз тот без ошейника и не на поводке, то хозяин за него ручается, можно не бояться особенно, если получится.

— Держу, — крикнул он, ухватив повод.

Я ухмыльнулся, соскочил на землю, поскользнулся на обледенелых плитах, где расплескали воды из близкого колодца.

— Мило у вас тут, — сказал я.

Слуга ответил с готовностью:

— Еще и не то будет!

Глава 10

В холле навстречу вышел высокий мужчина, еще молодой, но по виду побывавший в жерновах жизни, в глазах невеселая мудрость, она почему-то всегда невеселая, еще не встречал веселой или радостной, как будто во много мудрости обязательно много печали...

Я слегка поклонился.

— Сэр Ричард, проездом. Рад был встретить по дороге ваш милый и гостеприимный замок, у которого такие замечательные хозяева!

Он хмуро улыбнулся.

— Замок мил, вы правы, но насчет хозяев вы поспешили...

— Ничуть, — заверил я, — люди о вас уже говорят!
И только хорошее.

Он чуть растянул губы в улыбке.

— Я Карлеман Шарфшютцен. Этот мой замок.
Здесь мои жена и дети.

— Малыши? — спросил я.

Он покачал головой.

— Н-нет... дети теперь растут удивительно быстро.
Проходите, сэр Ричард, в каминную. Если пожелаете
остаться на ночь, вам приготовят комнату с постелью.
А сейчас переведете дух, пообедаете...

Я сказал серьезно:

— Барон... мне очень важно поговорить с вами.
Наедине.

Он посерьезнел, всмотрелся в мое лицо, медленно
кивнул.

— Хорошо. Пойдемте вон в ту комнату, пока нас
не перехватили.

Комната небольшая, обставлена небогато,
но мило, пол выложен черными и белыми плитами
мрамора в шахматном порядке, стены доверху отде-
ланы темным деревом ценных пород, напольные под-
свечники справа и слева от двери, старинный стол,
а мебель настолько добротная, словно здесь никогда
никто не был молодым, а сразу старики.

Камин не просто большая ниша в стене, где го-
рят дрова, а мощное сооружение, где с обеих сторон
по толстой и приземистой колонне, поддерживающих
широкую каменную плиту. На ней свечи разного раз-
мера, искусно изготовленные чаши и кубки из сере-
бра и золота.

Я сел не в кресло, а на бордюрчик камина; за спи-
ной вкусно потрескивают поленья, в поясницу греет
мощно, однако приятно.



Сэр Карлеман сел рядом, но его широкое лицо быстро покраснелось, заблестело, а затем пошло капельками пота.

— Сэр Ричард, — пропыхтел он и поднялся, — что за холод у вас внутри, что и жар этого камина не согревает?

— Вы правы, — ответил я медленно, — холод просто зверский... Я его ношу в себе и в жаркое лето. В то время как у вас... избыток жара?

Он смотрел на меня очень внимательно.

— Сэр Ричард?

— У меня трудная задача, — произнес я медленно. — По дороге сюда я убил несколько человек...

Он помедлил, спросил напряженным голосом:

— Надеюсь, они заслужили? Иначе вы преступник...

— Один убивал священников, — ответил я, — другой просто жег дома, убивал мужчин и насиловал их женщин... В общем, на мой взгляд, все они смерти заслужили.

Он кивнул.

— Да, за такое, конечно... А что у вас за такая... трудная задача? Я могу чем-то помочь?

— Вряд ли, — ответил я честно. — Понимаете ли, барон... Из ада сбежала группа грешников. Их нужно вернуть.

Он вздрогнул, напрягся. Рука дернулась к поясу, но там пусто, в то время как мой меч под рукой, а сижу я так, что дорогу к двери перекрываю полностью.

Он помолчал, на лицо набежала тень, некоторое время всматривался в меня пристально.

— Кто вы, сэр Ричард?

— Если откровенно, — ответил я, — а я не вижу причины быть с вами скрытным, вы человек достойный и благородный, сужу по рассказам крестьян...

то я — принц Ричард Завоеватель, который привел сюда армию и разгромил Мунтвига.

Он пробормотал:

— Но... я полагал, вы... живы?

— Да, — согласился я, — даже не стану доказывать, что это не жизнь, а... В общем, я согласился с доводами Вельзевула, что вы не просто сбежали от него, а нарушаете порядок, установленный самим Господом. И что нужно принять меры, чтобы вас всех вернуть обратно. На отбывание срока.

Он чуть-чуть отступил, даже не на шаг или полшага, а на полступни.

— Однако, сэра Ричард... ваше высочество, странно, что вы взяли за такое неблагодарное и не совсем... высокородное дело. И вообще я полагал, что смертным убить нас невозможно... А добровольно возвращаться в ад никто не намерен, как я полагаю.

Я сказал невесело:

— Догадываюсь, там режим... не для праведников. Однако если законы будут нарушать все — мир рухнет. Если только некоторые... то за что им такие льготы? Мир будет ворчать и разрушаться медленнее, но все равно рухнет. Потому законы нарушать нельзя никому!

Он прошептал:

— В ваших словах очень жестокая логика.

— Вся наша жизнь жестокая, — ответил я. — А живем для того, чтобы сделать ее не такой... со временем. Насчет того что убить сбежавших невозможно, барон, вас обманули. Первым я отправил снова в ад Конрада Синезубого, вы наверняка его помните, у остальных даже не спрашивал их имена. Выследить вас легко, барон. Видите, собачка не сводит с вас глаз? И вот этот камень, взгляните, он не кажется вам знакомым?



Я продемонстрировал рукоять меча, лицо барона болезненно дернулось при виде Адского Рубина.

— Вижу, — прошептал он, — вы от Вельзевула.

Я покачал головой.

— Нет, я не служу ему. Просто его доводы показались мне верными. А так я вообще-то паладин, воин Господа. Как видите, если даже взгляды церкви и ада совпадают...

Он опустил голову, видно было, как борется с собой, наконец сказал:

— Я дам слово, что не стану противиться. Но позвольте этот вечер провести с детьми, а ночь с женой?.. Уже темнеет, вы отдохнете на своем трудном пути.

Я рассматривал его очень внимательно, здесь уже научился читать в людских душах, все они пока что весьма простенькие, но барон уже не человек, во всяком случае он погиб и прошел потом ад, так что...

— Хорошо, — ответил я, — но только сперва расскажите, как случилось, что вы, сэр, в общем и целом очень хороший человек, любящий муж и заботливый отец, все же угодили в ад?

Он помрачнел, из груди вырвался тяжелый вздох. Я сотворил большую чашу и наполнил ее коньяком.

— Выпейте, барон. Чаша создана для блага, а вино — дьяволом. Вот такова и наша жизнь, добро и зло идут в ней рука об руку.

Он принял чашу машинально, сделал глоток, по лицу видно, что ощутил все оттенки, взглянул на меня с уважением и опаской.

— По лезвию меча идете, — сказал он, — сэр Ричард! Опасно так близко совмещать хорошее и дурное.

— Знаю, — ответил я. — Но либо тлеть, либо гореть.

Он сделал еще глоток, побольше, произнес мрачным голосом:

— Виконта Гольштейна я убил всего лишь за то, что он захватил мои владения и бесчестно поступил с моей женой и детьми. Даже зверь защищает своих детей, это заложено в природе, в моем поступке нет ничего возвышенного и благородного. Даже трусливая перепелка, что всего страшится, набирается отваги, когда нужно увести лису от гнезда, и, прикидываясь раненой, ковыляет кое-как в кусты, заманивая за собой зверя как можно дальше. Не знаю, был бы ли я теперь более справедливым хозяином моих владений... хотя ныне кажется, что, познав те ужасы и мучения в аду, я понимаю, насколько был неправ, глуп и жесток.

Я напомнил:

— Так из-за чего же в ад?

Он снова поморщился.

— Мы охраняли земли на границе с Мордантом. А когда отгоняли врага, то вторгались следом, грабили попавшиеся по дороге села, убивали мужчин, насиловали женщин, а потом поджигали, потому что врагу нужно наносить урон.

Я пробормотал:

— Понятно...

— Мы знали, — сказал он с досадой, — что это нехорошо. Еще бы не знали! Я жену любил и люблю, потому дома никогда не слова о том, что мы... гм... вытворяли. Это как бы шалости, а дома я любящий муж и заботливый отец.

— Но Господь видит все, — сказал я.

— Наверное, — ответил он, — наказание оказалось бы меньшим, если бы был глупее и не знал, что делаю! Но я знал, что поступаю дурно. Но все мы, подзуживая друг друга, старались перещеголять один



другого в жестокости, низости, чванстве, даже пьянстве...

Я пробормотал угрюмо:

— Знакомо.

— Бахвалясь, — произнес он горько, — мы кричали друг другу: «Встретимся в аду!», хотя, конечно, никто из нас туда не хотел попасть, но мы не могли признаться в этом один перед другим и творили все большие гнусности, чтобы показать свое презрение ко всем нормам, правилам и законам. И вот за то, что мнение дружков ставили выше всего, мы и попали в ад... Да, именно за то, что знали, но... делали.

Я посмотрел в его лицо, снова вздохнул. Его лицо открыто, взгляд чист. Знает, что сейчас умрет, и готов принять смерть спокойно и с достоинством.

— Барон, — сказал я медленно, — вы... исправились. Заключение в аду пошло вам на пользу. Я уверен, отныне станете вести жизнь достойного человека. Что с каждым прожитым днем будете насаждать справедливость в своих землях.

Он посмотрел сперва с удивлением, еще не проникнув в смысл слов, затем переспросил со вспыхнувшей надеждой:

— Как вы... сказали?

— Я не стану возвращать вас в ад, — ответил я просто.

Его глаза расширились, несколько мгновений пытливо всматривался в мое лицо.

— Но разве вы... можете?

— Я не работаю на ад, — напомнил я. — Вельзевулу пообещал вернуть сбежавших, так как здесь творят зло, убивают и мучают, накопив в аду море ярости и дикую жажду крови... Так и было, они убивали, за это я убил их самих.

— Я тоже...

— Вы сразили виконта Гольштейна, — уточнил я, — и его банду насильников, а это совсем другое дело. Таких и я... без зазрения совести. Более того, церковь даже не налагает за это епитимии, так как убить плохого человека — малый грех, а очень плохого — почти благодеяние.

Он смотрел с благодарностью, а когда заговорил, голос его дрожал от переполняющих его чувств:

— Сэр... я даже не знаю, как вас благодарить! Вы не жизнь мне спасли, вы спасли мою честь, что для мужчины всегда намного ценнее самой жизни.

Из коридора донесся тягучий звук гонга, Карлеман взглянул на меня с нерешительностью во взгляде.

— Поужинаете с нами, сэр Ричард?

— С удовольствием, — ответил я.

Глава 11

На ужине помимо барона присутствовали трое сыновей, все почти его ровесники по виду, затем появилась баронесса в сопровождении леди Бланшет, подруги, у которой она ютилась последние годы и которая теперь прибыла, чтобы убедиться, что ее подругу не обижают.

Баронесса из числа тех женщин, что выглядит очень долго молодой и красивой, одета скромно и целомудренно, серьги свисают из ее нежных мочек, длинные и тяжелые, насыщенные темным фиолетовым огнем, волосы убраны под плотную золотую сеточку, в то время как леди Бланшет, как шепнул мне хозяин, молодая вдова, старается показать себя во всей красе, что ей удастся неплохо.

Ее обнаженную шею опоясывают два ряда золотых цепочек, между которыми развешаны бледные



и очень плоские драгоценные камни под цвет ее бледному платью пастельных оттенков. Видимо, это вот и называется колье, самые нижние опускаются в вырез платья, а один то и дело соскальзывает в глубокую ложбинку между вторичными, и я все посматривал на него, несколько глубоко заберется и что там почувствует.

Рядом хрюкнул сэр Коллет, старший сын барона, я скосил глаза в его сторону и увидел, как он тоже с живейшим интересом следит за этим камешком и больше ни на что не обращает внимания.

Барон прочел молитву перед едой, все сложили смиренно руки у груди и, опустив голову, сделали вид, что тоже повторяют слова из Писания.

После ужина, что закончился поздно ночью, я вышел на балкон, куда намело снегу до колен, отсюда дорога внизу видна отчетливо, похожая на белую бесконечную змею, что ползла по долинам и взгорьям, извиваясь, да так и околела. Справа и слева иногда лес, иногда невысокие горные кряжи, рощи, а то и просторные пустоши, но дорога огибает их так старательно, словно там нечто опасное.

Наверное, так когда-то зигзагами прошел первый охотник, выслеживая прячущегося от него то там, то здесь зверя, а потом по его следам прошли другие, а затем еще и еще, вытоптав тропку и превратив ее в извилистую и неудобную дорогу.

Зато внизу в долине все белым-бело, снег смело с гор и предгорий на эту равнину, и здесь уже точно не пройдет ни одно войско, если не поставить всех на лыжи, хотя, по-моему, кони на лыжах вряд ли захотят идти вскачь...

В дверь осторожно стукнули, я сказал громко:
— Открыто!

Заглянул слуга, не решаясь войти в комнату, сказал тихонько:

— Леди Бланшет хочет задать вам пару вопросов.

— Пусть приходит, — сказал я.

Он поялся, сказал с неловкостью:

— Это будет непристойно, если леди зайдет одна в комнату одинокого мужчины...

— А-а, — сказал я, — понял-понял. Сейчас приду, так и скажи.

Он исчез, я прошелся перед зеркалом, выпячивая грудь и втягивая живот, хотя с ним пока что все в порядке, сделал значительное лицо, вот таким я выгляжу на троне, а вот так во время прогулки во дворе...

Леди Бланшет за это время сменила платье на светло-розовое, но в той же мере откровенное и подчеркивающее ее достоинства, волосы уложила в прическу затейливую, но, как я уже отметил, там все держится на одной-единственной заколке.

Она приняла меня сидя за небольшим столиком, я поцеловал ей руку, она милостивым жестом указала мне на кресло напротив.

— Садитесь, сэр Ричард... Вы в карты играете?

— Только в военные, — сообщил я. — Но там страшнее проигрывать...

Она улыбнулась.

— А в те, что попроще?

— В постели? — переспросил я. — Согласен, уговарили.

Она покачала головой.

— Ну и шуточки у вас, странствующих рыцарей... Чувствуется, при дворах бываете редко, а все в приключениях тешитесь.

— Только душу, — уточнил я, — но не плоть. Вообще иногда хочется осесть, но потом думаешь, а как же



спасать мир? И вот вздыхаешь, слезаешь с постели и, натянув штаны, топаешь спасать его снова и снова.

— Вы давно знакомы с бароном Карлеманом? — спросила она.

— Сегодня встретил впервые.

— Да? — переспросила она. — А мне почудилось, вы знакомы. Что-то такое между вами проскальзывало.

— Это симпатия, — пояснил я. — А что проскальзывает между нами, вы замечаете?

Она улыбнулась.

— Ричард, вы слишком... откровенны. Учитесь быть галантным. Ничего между нами пока что не проскальзывает. Как вам показался барон?

Я пожал плечами.

— Барон? Я больше рассматривал баронессу. Очень милая женщина.

— Сэр Ричард, — сказала она с укором, — это не галантно в присутствии женщины хвалить другую... хотя я вам это прощаю. Она моя подруга, я ее очень люблю за мягкий нрав и незлобивый характер. А барон... меня удивило, что он исчез двадцать лет тому, все говорили, что погиб, а сейчас вернулся почти такой же молодой, как и тогда... только стал строже и взрослее... по манерам. Как я ему завидую!

— Что стал взрослее?

— Только по манерам, — повторила она. — Он же такой молодой, как и его дети! Это меня сводит с ума. Молодость — что важнее для женщины?

— Потому вы здесь?

Она чуть-чуть улыбнулась.

— Отчасти. Но я в самом деле люблю свою подругу, она все это время жила у меня, и ее дети были и моими детьми.

— А сейчас проверяете, все ли здесь... правильно?

Она посмотрела на меня с новым интересом.

— Кто вы, сэр Ричард?

— Странствующий, — сказал я, — очень даже странствующий рыцарь.

— Вы здесь оказались случайно?

— Разумеется, — ответил я, — просто ехал мимо. А что вас тревожит? Где он был все это время и почему молод? Мы говорим привычно, все в руке Господа, но сами подразумеваем, что не все. Дескать, Всевышний сам по себе, дьявол сам по себе. Однако на самом деле все сотворено по единому плану, никакого противопоставления рая и ада нет, это все одна система. Так что не ломайте голову, где бы он ни был, сейчас он здесь, а это главное, и только это идет в счет.

Говоря это, я медленно потащил через голову перевязь с мечом, затем сбросил камзол, рубашку, а когда сел на край ложа и начал стаскивать сапоги, она спросила изумленно и шокированно:

— Сэр Ричард... что вы себе позволяете?

— Уже ночь, — напомнил я, — если не выспитесь, у вас будут морщинки возле глаз.

Она выпрямилась весьма гордо и даже надменно, глаза мечут молнии, открыла рот... подумала и сказала, пожав плечами:

— Впрочем, мужчины иногда бывают правы. Только чур не стаскивать одеяло.

— И не лягаться, — предупредил я.

— И не храпеть, — добавила она.

— И не закидывать на меня ноги, — сказал я, потом подумал и смиростивился: — Впрочем, закидывайте.

Но и сквозь сон я слышал все усиливающийся шум и свист за стенами, словно мириады мелких снежных демонов осаждают замок, воют и скребутся в запертые двери и закрытые окна.



Города и так все тонут в снегу, а тут еще эта буря. В Сен-Мари и представить себе не могут такую снежную зиму, а здесь, надеюсь, крестьяне и все люди давно приспособились, и как только утихнет, в город потянутся нагруженные продуктами сани, целые караваны... теперь это моя основная забота.

Я очнулся от крепкого сна, мысли все еще продолжают разматывать клубок решений, как обеспечить Генгаузгуз продовольствием, и лишь потом ощутил, что лежу в постели леди Бланшет, а ее прелестная головка покоится на моем плече.

Ногу она, конечно, закинула не просто мне на живот, а почти на грудь, пышные волосы щекают лицо. Как я предположил, ее высокая прическа держалась на одной заколке, и когда перед сном вытащила одним эффектным и красивым движением, те освоенно хлынули целым водопадом на плечи, грудь и спину.

Я попытался осторожно высвободиться, она улыбнулась и прошептала:

— А я не сплю...

— Ну так спи, — посоветовал я строго, — сон крепит здоровье.

Она распахнула глаза, чистые и ясные, лицо уже свежее, в самом деле отоспавшееся, с такой женщиной приятно просыпаться, сказала нежно:

— Ты не груб, каким кажешься... Уверен, что тебе нужно ехать дальше? Любым скитаниям когда-то приходит конец.

— А как же спасти мир? — спросил я. — Вставайте, леди. Скоро завтрак. Опоздаем — нас оставят голодными.

Она села на постели, сладко потянувшись.

— Не оставят. Подайте мне вот платье; хорошо, что у него высокий ворот, прикроет пятна, что вы оставили... И зашнуруйте на спине... Нет, без щекотки!

Барон Карлеман встретил нас внизу у лестницы. Леди Бланшет и не подумала смутиться, напротив, посмотрела ясными и чистыми глазами невинного ребенка, а он поклонился, поцеловал ей руку и сказал просительно:

— Леди Бланшет, можно сэра Ричарда похитить на минутку?

Она хитро посмотрела на меня.

— Он как чувствовал, что останется без завтрака... Хорошо, только верните мне его потом. Ваш друг такой... необычный! Как и вы, кстати, сэр Карлеман.

Мы отошли в сторону, лицо Карлемана за ночь стало еще бледнее, глаза покраснели от бессонницы, а под ними повисли двухъярусные темные мешки.

— Что-то стряслось? — спросил я.

Он сказал с тяжелым вздохом:

— Не мог заснуть, хотя для жены и притворялся, что сплю. Душа моя неспокойна, сэр Ричард.

— В чем же?

— Я не из плена бежал, — ответил он сумрачно, — хотя, если бы даже из плена, если дал слово, недопустимо для благородного человека. Я бежал не из мест, где меня карали несправедливо... Я ведь знал, когда убивал мужчин в той чужой деревне и насиловал их жен, что поступаю неправильно! Я знал, что переступаю закон, данный Всевышним, но я все равно делал... хотя мог бы и не делать! Все дело в том, по своей воле человек делает зло или не по своей. Если солдат, выполняя мой приказ, поджигает дом с людьми, то виноват не он, а я, потому что он не может послушаться.

Я сказал хмуро:

— Вообще-то может, но вы продолжайте, продолжайте.



— Да, — согласился он, — его вина тоже есть, но совсем крохотная в сравнении с виной того, кто отдал такой приказ. Меня никто не принуждал насиловать женщин и поджигать их дома!.. И потому я действительно виноват. И потому попал в ад справедливо.

— Барон, — поинтересовался я с настороженностью, — вы к чему клоните?

Его лицо потемнело, как мне показалось, еще сильнее.

— Сэр Ричард, — произнес он со все возрастающей твердостью, — я думаю, правильнее будет мне вернуться.

— Куда? — спросил я туповато.

Он сказал невесело:

— Не знаю, насколько справедлив был приговор, но что я виноват... это признаю.

Я ответил с запинкой:

— Вы готовы вернуться... в ад?

— Да, сэр.

Я пробормотал:

— Признание вины учитывается всегда... Как и добровольная явка с повинной. Но... вы уверены?

Он признался:

— Не очень, если честно. Но если останусь, остаток жизни проведу, терзаясь чувством вины и... зная, что потом все равно мне дорога в ад. Если вы не против, я выеду вместе с вами сразу после завтрака.

— Что скажете баронессе? — спросил я. — Она может не пережить ваше вторичное исчезновение.

— Тогда увидимся на небесах, — ответил он и пояснил: — Я надеюсь отбыть наказание и заслужить прощение за свои поступки. А дети мои достаточно взрослые. Они прошли жестокую школу жизни, сумеют обеспечить защиту моих земель.

— Вернемся к завтраку, — сказал я, — может быть, за хорошо приготовленным гусем вы передумаете...

Он сказал со вздохом:

— Ну почему, почему все мы каждый в отдельности — прекрасные люди, но когда берем в руки мечи и врываемся в деревню противника, соревнуемся не в благородстве, а в гнусностях?.. Да-да, пойдемте.

Глава 12

Во время завтрака Карлеман сообщил, что ему крайне важно выехать немедленно для выполнения особо важного долга. Сыновья насторожились, на меня поглядывали враждебно, баронесса молча глотала слезы, а леди Бланшет покачала головой, не сводя с меня пристального взгляда, дескать, твоя роль здесь все-таки главная, я была права...

Мы отбыли после завтрака, но промчались не больше двух миль, только бы холмы и лес закрыли замок, и Карлеман решительно остановил коня.

— Сэр Ричард...

— Не передумаете? — спросил я неуклюже.

Лицо его оставалось бледным и решительным, но глаза заблестали, словно в них зажглись звезды.

— Свидание с любимой женой, — ответил он, — лишь укрепило мою решимость. Ее душа чиста и невинна, я не могу теперь быть рядом, зная, насколько я виноват.

Я протянул ему меч рукоятью вперед.

— Может быть, вы сами... себя? Это учтется, что явились обратно добровольно...

Он протянул было руку, но отдернул до того, как пальцы коснулись рукояти.

— Но не возьму ли на себя грех самоубийства?



Я сказал с неловкостью:

— Но вы все равно не совсем как бы... живой.

Он вздохнул.

— Вижу, мы с вами оба не знатоки церковного права. Нет уж, рубите вы. Возможно, там учтут, что я хотя бы не противился.

Я взял меч за рукоять, а он опустился на колени и склонил голову. Я удержал клинок в замахе, не палач, а вонзил острие по-римски в шею у основания черепа.

Он умер мгновенно, это я ощутил сразу. Я даже не успел дернуть клинок на себя, как тело рухнуло на бок и почти сразу превратилось в черный дым, что моментально рассеялся.

Мир проносится мимо черно-белый: темные стволы деревьев с забившимися в щели белыми комьями снега и тяжелыми снежными пластами на ветвях, а такое же черно-белое у меня на душе.

И подленький стыд, что все разрешилось без конфликта с Вельзевулом, не люблю конфликтов вообще, а с таким мордоворотом спорить никто не захочет, и горечь от осознания, что барон поступил благородно, а я вот даже и не знаю... Нет благородства в том, что увильнул от решения, а все предоставил ему.

Бобик несется, как могучий бык, взрывая снег и оставляя в нем широкую борозду, арбогастр ревниво фыркает, но вынужденно смиряет себя, у нас с ним нет такого чутья, как у этой толстой жопы, которая мчится у нас перед глазами, а над нею хлопают уши, так что кажется, что скачем за жопой с ушами.

След вывел к придорожной харчевне в просторном двухэтажном доме типичной постройки, где внизу можно пообедать и выпить, а наверху переноче-

вать, а то и пожить несколько дней, пока будет чем платить.

Арбогастра я оставил у коновязи, все равно ненадолго, Бобик уже прыгает возле двери, не решаясь войти без меня, да и закрыта плотно, не лето.

Я вошел в харчевню и сразу, даже без подсказки Бобика, увидел ее, в простой крестьянской одежде и в плаще с накинутым на голову капюшоном, но выделяющуюся статью и нежной красотой, как может выделяться лебедь среди гусей... нет, даже среди уток, или изысканная лилия в окружении чертополоха.

Похоже, обедать она предпочитает в одиночестве, трактирщица в тот момент, когда я переступил порог, передавала ей плетенную из ивовых прутьев корзинку, содержимое накрыто белой тряпицей.

Женщина, расплатившись, наклонила голову и быстро пошла к лестнице. Я вошел в зал и остановился у подножия, давая ей возможность подняться по ступенькам, а мне снизу взглянуть на лицо, скрытое капюшоном.

Ее заметил не только я, сразу двое подвыпивших парней двинулись следом, один закричал весело:

— Красотка, у меня кое-что для тебя есть!

— И у меня, — поддержал второй. — Кое-что еще побольше!

Я пошел следом, догнал и сказал мирно:

— Парни, это не для вас.

Они обернулись, один сразу ощутил опасность, поклонился и пробормотал:

— Да мы так просто пошутили... Уже уходим.

Второй, крепкий малый с дерзким лицом, спросил нагло:

— Что, благородный?.. Не лезь, понял? А то и благородных могут придушить...



Я с силой вмазал ему кулаком в зубы. Голова его с яичным стуком ударилась о камень стены, звучно хрустнуло. Он сполз на землю, на стене осталась кровавая полоса.

— Забери этого дурака, — велел я второму жестко. — Если кто-то хоть пальцем здесь шелохнет, я сожгу ближайшие деревни на десять миль в округе!

И, не слушая его лепет, догнал женщину. Она уже быстро взбежала на самый верх скрипучей лестницы и быстро-быстро шла по коридору.

Я шел следом, а когда она остановилась у одной двери, голос мой прозвучал вежливо, но твердо:

— Леди, нам нужно поговорить.

Она обернулась, край капюшона закрывает глаза, но и она, думаю, видит меня только от пояса и ниже.

— Господин...

— Открывай дверь, — велел я.

Она покорно наклонила голову, ключ долго отказывался повернуться в большом висячем замке, наконец тот клацнул и повис на одной дужке.

Мы вошли в комнату, женщина откинула капюшон. Лицо странно чистое и невинное, что особенно должно привлекать распутников, особенно тех, кто постарше, глаза тоже чистые и доверчивые, как у ребенка.

— Господин желает моего тела?

Голос ее звучал покорно, и вся она выглядит очень тихой, послушной и покорной, что тоже нравится нам всем. Не любим болтливых в постели, это отвлекает, а еще не выносим тех, у кого еще и свои запросы.

— Боюсь, — ответил я, — что ты угадала, хотя еще не знаешь... в каком смысле.

Она подняла на меня взгляд больших чистых глаз, исполненных невинности, вот уж в самом деле повез-

ло ей с таким телом и такой внешностью, произнесла так же тихо и покорно:

— Хорошо, делайте со мной все, что хотите...

Она сбросила плащ, легла на ложе и, приподняв платье до пояса, раздвинула ноги, а глаза закрыла.

Я взял стул и сел, упершись руками и грудью на спинку. После некоторого молчания ее длинные ресницы затрепетали, она открыла глаза, теперь в них было слабое непонимание.

— Господи... чего желает господин?

Я сказал с неохотой:

— Расскажи о себе. Не волнуйся, я заплачу. Расскажи.

Она переспросила:

— Это... нужно?

— Даже не представляешь, — ответил я, — насколько.

Она медленно села, так же замедленным движением опустила платье, закрывая полные белые ноги изумительной и чувственной формы.

— Что именно?

— Я бродячий священник, — пояснил я. — Странствующий. Блуждающий, аки... в общем, сегодня здесь, завтра там. Можешь сказать все без утайки, тайна исповеди обеспечена.

— Я сирота, — ответила она, — родителей потеряла давно. Имя мое — Натарелла Дормер. Пропитание добываю случайными подработками.

Она прямо посмотрела мне в глаза, а я сказал мирно:

— Я понял, какими именно. Но, скажу сразу, не вижу в этом особого греха, а мелких у нас всех настолько много, что и говорить о них смешно, да и язык устанет перечислять. Прелюбодеяние входит в число смертных грехов, но запрет касается прелюбодеяния с женой брата, друга или женой или дочерью любо-



го человека, которому этим самым наносится вред... Но воспользоваться твоими услугами — это не прелюбодеяние. Да и за плату — это не прелюбодеяние.

Она слушала, как вижу по лицу, со странным чувством облегчения, тревоги и даже страха, а также недоумения, кто я такой и почему вдруг проявил к ней такой интерес, что выходит за рамки простого интереса мужчины к женщине.

— Господин, — сказала она тихонько, — вы сказали все правильно... сразу чувствуется благородный человек, что умеет красиво связывать слова... однако... что вы хотите от меня?

Я так же прямо смотрел ей в лицо.

— Дорогая, по некоторым непроверенным... и не вполне заслуживающих доверия данным, ты — великая грешница. Правда, надо признаться, хоть и с неохотой, предыдущие сведения подтвердились полностью... я о других грешниках, потому и насчет тебя готов почти поверить. Тем более ты — женщина, а, как известно, женщина — сосуд греха. И вообще, если бы не Ева, мы бы оставались безгрешными... наверное.

— Господин?

— Отвечай, — сказал я, — кто ты.

— Господин, я простая женщина...

— Женщины не путешествуют в одиночку, — прервал я. — Ни простые, ни очень даже не простые. А ты все-таки относишься больше к непростым.

— Господин?

— Видно же, — сказал я с досадой, — что не простолюдинка. — Твои руки никогда не знали тяжелого крестьянского труда! Никогда не держали в руках лопату или грабли... Мы оба с тобой знаем, что они держали, но умолчим из деликатности. Я просто хочу знать, почему тебя, блудницу, без всякого сомнения...

и не спорь не спорь, я это знаю!.. считают великой блудницей. Что такого особенного натворила?

Она опасливо отодвинулась на лавке, на лице уже откровенный страх.

— Господин?

— Давай начистоту, — сказал я в нетерпении. — Скажем сразу, я знаю, кто ты. Нет, не кто, а откуда.

— Я из маленького села...

— Ты из ада, — прервал я. — Сумела сбежать, хотя, глядя на тебя, не скажешь, что ты очень уж ловкая... Отвечай, кто помог, как бежали... Хотя нет, мне это надо?.. Я не хочу и не буду влезать в такие дела. Просто расскажи, за что тебя в ад. И помни, что хотя сбежавших оттуда обычное оружие не берет, но я уже отправил обратно, начиная с Конрада Синезубого, еще несколько человек, точно так же отправлю и тебя.

Она вздрагивала от моих слов, с мукой поглядывала то на окно, то на дверь, но я сел так, чтобы загородить дорогу, а меч обнажил и держал на коленях.

Я ждал, она пару раз взглянула на то, как я сжимаю рукоять. При малейшей попытке подняться с лавки тут же рука моя сделает короткий выпад и нацеленное в нее острие пронзит ее хрупкое тело насквозь.

— Я не знаю, — проговорила она вздрагивающим голосом, — кто вы... и зачем мне все это говорите. Да, я великая грешница.

— Что ты сделала?

— Я торговала своим телом, господин.

Я нетерпеливо отмахнулся.

— Это делают все женщины. Даже брак — это торговля телом, когда женщина за использование своего тела получает защиту и деньги мужа. Все женщины при дворах знатных людей торгуют интимными услугами, получая за это для своих мужей титулы, звания и земли. Это самый прибыльный вид торговли, ибо



товар всякий раз остается дома, а процент дохода зашкаливает... Но что-то еще?

Она посмотрела с недоумением.

— Разве этого мало?

— Тогда все женщины пойдут в ад, — сказал я, — а это вряд ли. Когда грех становится всеобщим и обыденным, то приходится объявлять его уже не грехом, а свободой отношений, свободой личности и всяческих прав на самовыражение... Что-то еще? Хотя зайдем с другого конца, как все началось?

Она тяжело вздохнула, быстро взглянула на меня. В глазах заблестели слезы, а еще в них появилось нечто похожее на старое страдание, которое очень долго находилось под множеством замков.

— Господин, просто убейте.

— Нет, — отрезал я. — Мало ли что кто-то хотел бы использовать меня только как гонимого и палача! Но я изволю присвоить себе и функции судьи.

Она произнесла безжизненным голосом:

— Я готовилась выйти замуж, но за день до этого меня похитили и зверски изнасиловали. Пятеро. Сильно избили, изнасиловали, а потом выбросили из повозки. Но я все-таки выжила...

— Соболезную, — сказал я с сочувствием.

Она взглянула остро, да пошел ты со своим сочувствием, продолжила тем же мертвым голосом:

— С того дня в моей душе что-то сломалось, там все выгорело, оставив только ненависть и жажду наказать их. Я запомнила только одного из них, потому долго готовилась ему отомстить. Он всегда был окружен семьей и детьми, но однажды, застав одного, подсыпала тайком сонного зелья, отволокла в подвал, а там уже, крепко связав и заткнув ему рот, начала выпрашивать, кто был с ним еще...

— Рассказал? — спросил я.

Она кивнула.

— Его не пришлось даже пытаться. Этот трус обмочился и выдал всех. Я не стала его мучить, просто вспорола живот и вытащила кишки наружу, а потом ушла, оставив его умирать медленно, чтобы успел подумать, что за все бывает расплата.

— Понял, — сказал я. — Но я бы за это в ад не отправил. Оштрафовал бы разве что. Дальше?

Она отвела взгляд в сторону.

— Я дождалась, когда вся его семья собралась, а потом там все легли спать. Двери я подперла кольями, а ставни они сами закрыли. И когда подошла к дому, никто не выскочил, я слушала крики и твердила себе, что если он лишил меня семьи и детей, то будет только справедливым, если и я лишу его точно так же всего. Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь.

Я пробормотал:

— Ну... это было понятно.

— А дальше, — сказала она уже без моего подталкивания, — так как я теперь знала остальных четверых, я выследила их тоже. Трех я сожгла вместе с их семьями в их же домах, но четвертый, догадавшись, вообще пустился в бег. Дом и его семью я все-таки сожгла, а его отыскала лишь на следующий год в другом городе.

— И как поступила?

— Я тоже подсыпала ему тайком сонного зелья, — ответила она, — потому что он был сильный и свирепый мужчина. А когда он проснулся, мы были уже в лесу, куда я его вывезла ночью. Это был последний, я его истязала четыре дня, сперва отрезав причинное место, затем медленно разбивая камнями пальцы на руках и ногах, а затем суставы... Я даже кожу пробовала сдирать с живого, но получилось неумело, в конце концов я выколола ему глаза, и он через час



умер... А я с тех пор, с пустым сердцем и мертвой душой, стала зарабатывать на жизнь, торгуя телом, пока меня не убили в какой-то случайной пьяной драке.

Голос ее звучал безжизненно, а взгляд теперь не отрывался от пола. Я слушал, похолодев всем телом, это не женщина, а настоящее чудовище... хотя, если вспомнить старые времена, когда матери спокойно приносили в жертву своих детей, когда отец имел право убить любого своего сына, так было даже в просвещенном Риме, в той же Библии масса примеров еще большей жестокости... то, гм, надо делать поправку на время и не лезть с современными нормами юриспруденции в те времена.

— Твой поступок, — проговорил я, медленно подбирая слова, — квалифицируется всего лишь как превышение необходимой обороны. Незначительное превышение. За это ограничиваются порицанием, в самом крайнем случае — штрафом. Вирой. Но в ад... гм...

Она вздрогнула, ее глаза трагически расширились.

— Господин...

— Полагаю, — сказал я, злясь на самого себя, что позволил втянуться в это не мое дело, — была допущена судебная ошибка. Однако ад — это не смертный приговор, а содержание в тюрьме самого строгого режима с полным запретом свиданий, передач и получения писем. Заключение даже в таком месте все же дает шанс в случае судебной ошибки пересмотреть дело, что я сейчас и делаю, чтобы восстановить справедливость... Компенсации пока не обещаю, еще не те времена, но все-таки в ад не отправлю. Постарайся жить теперь достойно. Ты насмотрелась, надеюсь, за что туда попадают.

Я убрал меч в ножны, поднялся, величественный и красивый. Она смотрела со страхом и робкой надеждой.

— Господин?

— Ричард, — сказал я с достоинством, — Длинные Руки. Паладин и защитник как бы справедливости. А она есть, есть. Или хотя бы должна быть. Мы творим ее сами.

Я повернулся и двинулся к двери, а она прокричала в спину тонким голоском:

— Господин... Ричард, но чем мне теперь... как дальше?

Я обернулся с порога.

— Ну, как тебе сказать... Попробуй найти какую-то работу, можно же прачкой, посудомойкой, еще кем-то. Попутно можешь подторговывать телом, но не явно, а как все остальные женщины, добиваясь от мужчин, которые правят этим миром, каких-то льгот. Тут такая юридическая тонкость, что хотя это одно и то же, но если не в лоб, а чуть сбоку, то это уже законно, хоть слегка как бы осуждаемо, но встречается обществом с пониманием. И хотя ты тем местом, которым зарабатывала гроши, можешь заработать высшие места в обществе, как вон блудница Феодора, в свое время ставшая императрицей самой великий державы мира, однако за это в ад уже не угодишь.

Я вышел с чувством досады и некой незавершенности, но уходить надо, а то снова придется объяснять тонкости юриспруденции, когда за одно и то же деяние можно как угодить под смертный приговор, так и под приказ о повышении по службе.

С другой стороны, это как бы запоздалое извинение перед бароном Карлеманом и вызов Вельзевулу: я судья, а не только разыскиватель его сбежавших заключенных!



Глава 13

Бобик, нажравшись в харчевне, мчится с такой же скоростью, только борозда остается глубже и шире, а мы следуем послушно, даже арбогастр не фыркает, признав, что у того жалкого бескопытного и безгривого есть некий нюх...

Вдали появились и начали подниматься стены небольшого монастыря, а мы едва не проскочили мимо бегущего навстречу человека, но арбогастр сам уперся в землю всеми четырьмя.

Бобик оглянулся, остановился, но возвращаться к нам не стал. Мужчина вскинулся испуганно, на лице кровь, правый рукав полушубка наполовину оторван, прокричал плачущим голосом:

— Ваша милость!

— Что стряслось? — спросил я резко.

Он вскрикнул отчаянно:

— Господин, соберите рыцарей, надо спасать монастырь!

— Что с ним? — спросил я.

— Появился, — сказал он торопливо и поспешно перекрестился, — словно из ниоткуда огромный такой воин...

— Рыцарь? — спросил я.

Он кивнул, затем потряс головой.

— Нет, хотя по росту и вообще... только доспехи на нем простые, хоть и очень хорошие... Но страшен с виду, свиреп и лют. Он убил всех, кто попался ему на дороге, как будто обезумел... и все время хохотал! Ваша милость, если его не остановить, он же просто ужас что натворит!

— Да, — процедил я сквозь зубы, — натворит — это точно...

На миг мелькнула безумная мысль, хотя на самом деле здравая, что ну и пусть творит, здесь не мои земли, я за них не отвечаю, здесь вообще как бы мои противники, с чего это я вдруг такой добренький, но мысль здравая только с точки зрения здравого смысла, но прогресс идет вопреки здравому смыслу. Я верую, ибо нелепо, как гениально сформулировал Тертуллиан, ибо верить в то, что нормально и доказуемо... ну даже не знаю, кем нужно быть...

— И что с монастырем? — сказал я. — Не пробил же он лбом ворота?

— Не знаю, — ответил он плачущим голосом, — но как-то он сумел туда ворваться!..

— А ты не видел?.. Ты же там был!

— Я работал в подвале, — вскричал он. — А когда поднялся, увидел мать-настоятельницу всю в крови посреди двора, уже убитую, рядом двое работников, что ремонтировали часовню... еще один на пороге, а изнутри келий дьявольский хохот, крики и плач сестер-монахинь...

— Он еще там?

— Он там пробудет, — ответил он торопливо, — долго... еще бы... Я бы сам на него кинулся, ваша милость, так сердце кипит, но воин из меня никакой, а так я хоть тревогу поднять могу, народ соберу...

Я сказал Бобику:

— Вперед!.. Но без драки. Я все сам, раз уж я прокурор, адвокат и судья. А заодно и экзекутор.

Арбогастр рванулся с таким рвением, словно и его возмутило, что кто-то насилует монахинь, когда это можем делать только мы, а все остальные обязаны жить по законам, которые устанавливаем опять же только мы, мудрые и справедливые.



Ворота монастыря целы и заперты, но на месте калитки сбоку зияет дыра, а сама дверь лежит во дворе в трех шагах, так что удар был еще тот, я вряд ли смог бы вот так, даже если бы очень захотел...

Бобик вбежал первым, арбогастра пришлось оставить по ту сторону, мне не до того, чтобы распахивать перед ним ворота, на белом чистом снегу пятна крови, а ближе к входу распласталась в крови немолодая женщина в монашеском платье и чуть дальше — двое мужчин в одежде плотников.

Все зарублены страшно и жестоко, каждому достался только один удар, но их буквально рассекло пополам. Крови вытекло столько, что если бы не впитывающий ее снег, залит был бы весь двор.

Я осматривался, прислушиваясь к голосам, наконец сам прокричал во весь голос:

— Эй, есть кто живой? Выходи и получи в морду!

Бобик побегал по двору и прыгал возле крыльца, указывая на единственную дверь в каменной стене.

Мне показалось, что сверху на втором этаже мелькнуло белое женское лицо, в это время Бобик насторожился, отпрыгнул и, вздыбив шерсть, глухо зарычал.

Дверь с треском распахнулась, вышел мужчина в металлических доспехах, огромный и свирепый, из-за плеча торчит рукоять двуручного меча, на сапогах пятна крови.

— А-а, — сказал он громко и хозяйски, — воин... Ты хорош с виду! Хочешь быть убитым или признаешь меня хозяином?

Я поинтересовался:

— С чего бы я признавал им тебя! Хозяин везде я.

Он с готовностью расхохотался, уперев руки в бока и откинувшись назад корпусом.

— Как мне нравятся эти слова!.. Я сам их постоянно твержу. Ты прав, никто не должен нами коман-

довать. Подчиняться будешь только мне. Ты воин, у тебя лицо убийцы. Ты не раз лишал мужчин жизни и тут же насиловал их женщин. Ты знаешь, что ничего нет выше и слаще этой свирепой радости!

— Жизнь такого воина коротка, — заметил я.

Он захохотал еще громче.

— И это знаю! Но на этот раз все будет иначе.

— Жизнь любит повторяться, — обронил я.

Он прервал смех, взгляд стал колючим.

— Ты о чем?

Я обнажил меч.

— Ты вел себя недостойно.

Он хмыкнул, лицо стало жестоким, привычным жестом потащил из ножен широкий клинок.

— Как скажешь, мальчик!

— Я тебя отправлю в ад, — пообещал я.

Он ухмыльнулся.

— Я только что оттуда.

Это прозвучало как шутка, я и сделал вид, что принял за шутку, не стоит противника настораживать раньше времени.

Он встал в картинную боевую стойку, не принимая меня всерьез. Я бросился на него со все возрастающей яростью, трупы невинных людей во дворе монастыря взбесят кого угодно, меч мой взлетел для удара, чтобы с первого же...

Он отскочил в сторону так быстро и умело, что я пронесся мимо, а мой удар поразил пустоту. А в следующее мгновение чудовищный удар в плечо выбил из-под меня почву, я грохнулся о промерзшую землю и покатился, хватаясь за снег.

Сквозь шум в ушах я услышал издевательский хохот:

— Не ожидал?..

Я откатился в сторону, избегая возможного удара, и вскочил на ноги, в голове звучат колокола, но воин



и не подумал добить поверженного, злобно улыбался, наслаждаясь беспомощностью и униженностью другого мужчины, для нас это всегда важно.

— Молодец, — произнес он, — меч не выронил. Я сразу заметил, боец умелый... Но этого мало.

Я торопливо встал в боевую стойку. На его лице злая ухмылка, меч держит одной рукой, хотя это двуручник, глаза сияют весельем.

— Я кое-что умею еще, — проговорил я.

— Все равно мало, — ответил он. — Теперь ты убедился, что я намного сильнее. Встань на колени и принеси мне присягу. И твоя жизнь пройдет в наших мужских радостях.

Я двинулся на него уже осторожно, он с усмешкой наблюдал, как я заносу меч, а я двигался нарочито неуклюже, словно все еще сильно оглушен падением, затем его фигура сдвинулась неуловимо быстро в сторону, лезвие моего меча рассекло воздух.

— Хорошая попытка, — сказал он с усмешкой. — Попробуй еще.

Я нанес косой удар, он даже не отступил, а лишь отклонился назад, и острый кончик просвистел в дюйме от его лица.

— Еще лучше, — сказал он. — А ты не дурак, умеешь прикинуться...

В моей голове стучат молоточки, а страх уже пропал и вопит, что враг слишком силен и быстр, я уступаю во всем.

Третий удар едва не достиг цели, но ему, похоже, надоела эта однообразная игра, он посуровел и сказал жестко:

— Ладно, пора тебе что-то показать...

Сердце колотится отчаянно, уже сам могу двигаться втрое быстрее, но когда вижу это жуткое лицо

с ухмылкой человека, побывавшего в аду, становится жутко.

Он легко парировал удар моего меча, шагнул в сторону и вперед, я даже успел заметить движение его левой руки, но тут же тяжелый удар в челюсть потряс с головы до ног так, словно боевой конь лягнул меня обоими копытами.

Я не просто рухнул, а ударился о землю, словно упал с крыши. Звон в ушах, в глазах огоньки, я инстинктивно попытался встать, но страшный удар сапогом опрокинул снова, я сделал еще одну попытку, и второй удар почти приподнял меня в воздух.

Над головой, словно гром, прогрехотал сильный голос:

— Не ожидал, сопляк?

Он остановился полюбоваться, я кое-как поднялся на ноги и ощутил с ужасом, что выронил меч, а мой противник держит свой в правой руке готовым к удару.

Перехватив мой полный ужаса взгляд, посмотрел на свой меч, с хохотом и красивым небрежным жестом отшвырнул его в сторону.

Я начал подниматься, он сделал быстрый шаг вперед, с силой ударил прямым в челюсть. Я видел, но не успел уклониться.

В голове взорвалась бомба, фейерверк вспыхнул такой, словно подожгли ящики с шутихами. Я отлетел назад и рухнул на спину.

Сквозь кровавый туман в глазах маячит огромная фигура, что приближается медленно, однако неотвратимо, как сама зима, а голос прогрехотал:

— Нет выше наслаждения, когда уничтожаешь вот так кулаками... Тебе это, думаю, знакомо?.. Даже меч не даст такой радости!



Я помнил сквозь грохот крови в ушах, что встать нужно, иначе он просто меня добьет ногами, а так, пока растягивает удовольствие, есть шансы...

Кулак его приблизился жутко медленно, но я все равно не смог уклониться, челюсть ожгло, голову трянуло, я выплюнул кровь, чувствуя соленый вкус во рту.

— Пустить врагу кровь, — прогрохотал он, — разве не наслаждение?

Я устоял на ногах, но меня раскачивает, я видел, как он замахивается, сделать ничего не мог, удар отшвырнул меня на пару шагов. Я ударился спиной о землю, ощутил снег на лице, перевернулся на бок и кое-как поднялся на ноги.

— Прекрасно, — сказал он с ликованием, — люблю сильного противника! Можно бить долго, это же такое наслаждение...

Он ударил снова, меня трянуло с головы до ног, однако я успел чуть сдвинуться и сам ударил, попав ему в плечо, но он удивился, даже отступил на шаг, затем бросился в бой.

Я отступал, но наносил ответные удары, уже не уступая ему в скорости. Никто и никогда не избивал меня так люто, никто столько раз не сбивал с ног, и сейчас мой страх перешел в ярость, я бил обеими руками быстро и сильно. Он все-таки продолжал теснить, по моему лицу стекают горячие струйки крови, а его остается чистым, хотя я несколько раз попал даже в нос, попал сильно...

Когда он придвинулся слишком близко, я поднырнул под его руки и с силой ударил в солнечное сплетение. Его трянуло с головы до ног, дыхание вылетело с жалобным всхлипом. Тут же я нанес два апперкота в нижнюю челюсть, там лишь клацнули

дважды зубы, но на ногах удержался, и тогда я из последних сил ударил прямо в лицо.

Кулак угодил в нос, послышался хруст. Он отшатнулся и, не удержавшись на ногах, завалился навзничь. Хрящи носа провалились, как в яму, жуткое и отвратительное зрелище, а он, ворочаясь на спине, прохрипел:

— Мальчик... ты еще не понял...

— Зачем понимать, — ответил я хрипло, — верить надо...

Он начал подниматься, все еще оглушенный, а я отыскал взглядом свой меч и поспешил к нему.

Когда уже с мокрой и холодной от снега рукоятью в ладони я повернулся к нему, он тоже поднялся на ноги, оглянулся на свой меч, что лежит в трех шагах, наполовину погрузившись в снег, просипел поврежденным горлом:

— Ты все равно... не сумеешь...

Я шагнул к нему с мечом в руке.

— Уверен?

— Преклони колени, — проговорил он, — я все еще приму твою клятву верности... А меч опусти. Ты рыцарь и не сможешь ударить безоружного человека.

— Да, — ответил я, — не могу. Человека!

Он вздрогнул, когда я с силой двинул клинком вперед. Острые вошло ему в живот и уперлось в спинной хребет. Я дернул на себя, меч вышел таким же чистым, без капли крови, а из широкой раны повалил черный дым.

Мое лицо, что сейчас не лицо, а кровавая маска, даже не дрогнуло, а он неверящими глазами смотрел на свою рану, потом перевел взгляд на меня.

— Ты... знал?

— Человек склонен знать многое, — сказал я.

— Но... как ты?



Я отмахнулся.

— Иди, не задерживайся! Вельзевул ждет.

Он закричал люто в бессильной злобе, но тело само по себе осело на заснеженную землю, черный дым бьет уже во все стороны с такой силой, что через несколько секунд на месте огромного трупa осталась горстка черной пыли.

Я провел ладонью по лицу, ускоренная регенерация спешно убирает следы моего позора, что-то доспех Нимврода не слишком постарался, или же защищает только от живых, а насчет выходцев из ада тогда как-то не подумали.

Все еще подрагивающей рукой убрал меч в ножны и двинулся по широкой дорожке к зданию. Там расчищено крыльцо и площадка перед ним, промерзлая земля посыпана свежей хвоей, это чтобы не скользко, весь двор выглядит чистым и ухоженным, если не считать кровь и трупы...

В распахнутые двери нанесло снега, я прошел через холл, затем по коридору, заглядывая в кельи, везде пусто, но издалека донесся плач, рыдания, стоны.

Ускорив шаг, вышел еще в один коридор длинный и мрачный. В дальнем конце Бобик, подпрыгивая, пытается то ли выбить дверь, то ли пролезть в щель внизу, куда не просунет и лапу.

Подбежав, услышал плач и стоны громче. Бобик оглянулся на меня с надеждой в глазах, я сказал быстро:

— Сейчас-сейчас... Эй, люди пришла помощь!.. Отойдите от двери, а то я без ключа...

Женский голос прокричал с той стороны:

— Мужчина? Мужчинам сюда нельзя...

Другие женские голоса с плачем начали уверять, что сейчас можно, я отодвинулся, сцепил челюсти

и грянулся плечом в плотные темные доски. Там затрещало, но дверь устояла.

— Бобик, — сказал я, — давай вместе.

Он посмотрел на меня, огонь в глазах стал багровым. Мы ударились оба разом, дверь слетела с петель, как простыня с веревки под ударом ветра.

Глава 14

Помещение наполнилось женским визгом, монахини сбились в кучу и ухватились друг за друга. На меня и на моего Бобика смотрят с ужасом, я сообразил, что выгляжу не лучше моего противника, и торопливо вскинул руки с обращенными в их сторону ладонями.

— Спокойнее, сестры!.. Враг убит, я на вашей стороне. Сейчас придет срочная и всякая другая помощь из села. Если чем-то могу помочь прямо сейчас, только скажите!

Плач стал тише, в обращенных ко мне лицах все еще ужас пережитого, на двух монахинях разорваны одежды, у третьей под глазом широкий кровоподтек, еще у одной разбиты, даже расквашены в лепешки губы.

Одна из женщин прокричала с плачем:

— Как так можно?.. Как Господь такое позволяет?

— Это всего лишь испытание, — сказал я строго, — вы должны выдержать и не сойти с пути.

Другая монахиня сказала тихо:

— Господь показал мерзость мира за стенами монастыря... чтоб никто больше не ушел вслед за Розалин...

Бобик прислушался, выбежал в коридор и посмотрел на меня.



— Сестры, — сказал я, — здесь все ваши... или еще где-то есть?

Одна заломила с плачем руки:

— Он забрал двух себе на блуд!.. И сказал, что каждый день будет лишать невинности одну из сестер!

— Только одну? — изумился я, но, наткнувшись на ее взгляд, сказал поспешно: — Наверное, очень устал в дороге. А где те сестры?

— Наверху, — ответила она с настороженностью в голосе и фигуре, — я вас проведу. Идите за мной.

— Буду счастлив, — сказал я галантно, стараясь говорить легко, чтобы развеять эту атмосферу ужаса. — А то здесь у вас эти... кельи, как у пчел.

— Божьи пчелки могут служить примером, — ответила она кротко, — но человеку ничто им не служит.

— Царю природы трудно учиться у простолюдинов, — согласился я.

Она не ответила, только взглянула странно. Мы поднялись по узкой лестнице, на втором этаже такой же узкий коридор, похожий на прорубленный в толще горы тоннель, двери идут по обе стороны часто, что говорит о крохотности келий.

Монахиня опередила меня, бросившись бегом и путаясь в длинном одеянии. Бобик тут же ринулся следом, мигом оказался впереди, а остановился только у дальней двери, что размерами отличается от остальных, а еще на ней приколочен большой крест.

— Да, — вскрикнула монашка, — да, божья собачка!

Бобик подпрыгнул на всех четырех, божьей собакой его еще никто не называл, а потом из избытка чувств лизнул ее в лицо.

— Здесь? — спросил я.

— Да, — ответила она и прокричала: — Сестры Мелинда и Серена, вы еще здесь?..

Из-за двери донесся слабый голос:

— Да... но мы заперты...

Монахиня сказала быстро:

— Мы отыщем ключи! Они где-то здесь... Господин, при нем ключей не было?

Я помотал головой.

— Если и были, то вместе с ним превратились в дым.

Она посмотрела на меня с надеждой.

— А как мы их вызволим?

Я хмыкнул.

— Сестра, да как и вас!.. Я человек простой и предпочитаю простые решения. Отойдите в сторонку. Бобик, ты все понял?

Бобик даже не улыбнулся, но посмотрел долгим мужским взглядом. Мы разом, как партнеры, ударились в по-монастырски крепкие и толстые доски. Петли протестующе взвизгнули, но следом раздался двойной хряск, словно переломили толстую морковку.

Дверь слетела под нашей объединенной мощью и тяжело грохнулась на простой каменный пол.

Двое монахинь в изорванных платьях, избитые и в слезах, сидят прямо на полу, прижавшись друг к другу, как брошенные под дождь щенки, а под противоположной стеной в глаза нагло и победно бросилось простое деревянное ложе с порванной монашеской одеждой и пятнами крови.

У меня сердце заныло, когда увидел их измученные лица в кровоподтеках. Одежду мерзавец, похоже, не просто сорвал с обеих, но еще и порвал на куски, чтобы насладиться их позором и страданием невинности и непорочности.

Сейчас обе как могут прикрываются лоскутками, прячут от меня стыдливые взгляды.



Я сказал твердо, стараясь, чтобы голос не дрожал от излишнего сострадания:

— Сестры, на вас нет греха.

Одна вскрикнула, заливаясь слезами:

— Нет, мы запятнаны грехом!

— Навеки, — простонала вторая.

— Мы попадем в ад...

— Это он попадет в ад, — крикнул я. — Он уже там!.. А вам Господь всего лишь дал испытание, которое вы с честью выдержали. Теперь вы обе отмечены этой, как ее... ага, благодатью. Благодатью Божьей!

Монахиня, что пришла со мной, упала перед ними на колени и заговорила со слезами:

— Сестры, сейчас принесут одежды!.. Крепитесь, все кончено. Этот посланный самим Господом человек спас всех нас...

Самая истерзанная из монахинь подняла обезображенное лицо с расквашенными в тесто губами и сказала мне обвиняюще:

— Мы видели в окно, когда вы прибыли! Это было ужасно!.. Вы дрались, как дикие звери при виде свежей крови!.. Вы сами наслаждались дракой, вы упились схваткой!.. Вы красовались с мечом в руках!.. Вы такой же зверь!..

Вторая, избитая едва ли меньше, только губы разбиты с одной стороны, там кровь уже запеклась темно-багровым сгустком, сказала со стоном:

— Мужчины все звери... Они просто животные!.. Как они могут, как они только могут...

У меня грудь разрывается от боли и сочувствия, я поднял ее с пола, несмотря на слабые попытки освободиться, и прижал к груди.

— Да, я похож на него. Но только как сосуд, — пояснил я. — Но в один наливают желчь, в другой — мед. Я этот самый... другой. Что с медом.

Она продолжала тихий беспомощный плач, уткнувшись мне в грудь. Я перехватил устремленный на меня взгляд монахини, что привела сюда. В нем кроме страха видна и понятная ненависть, как к члену стаи, которая несет людям только страдания.

— Мужчины все звери, — ответил я горько, — это верно, но не все ведут себя как звери. Убил вашего насильника тоже мужчина. И послал в деревню за помощью. Увидите, первыми сюда прибегут тоже мужчины... и помогут во всем, в чем позволите.

Монахиня, что привела меня в эту комнату, вздрогнула, отшатнулась и уставилась в меня расширенными глазами.

— Господин... кто вы?

Я ответил горько:

— Ваша сестра сказала, что я зверь. Но я хороший зверь. По крайней мере, сегодня точно. Еще с утра.

— Нет, — прошептала она, — но вы... кто вы?

Я нагнулся, легко подхватил легонькое тело другой избитой монахини, она, выкрикнув обвинение в мой адрес, почти потеряла сознание и почти не сопротивлялась, а я прижал и ее к себе рядом с первой.

А та вздрогнула, повела плечами, уперлась в мою грудь руками и прямо взглянула мне в лицо. Кроваподтеки исчезают на глазах, изнуренное молитвами и ночными бдениями бледное лицо становится ровнее, а бесформенные губы, похожие на безобразные олады, уже вернули прежнюю форму, не помонашески изысканную, даже чувственную, а судя по тому, с какой силой уперлась мне в грудь довольно тонкими руками, кроваподтеки исчезли и по всему ее телу.

Вторая монашка, что почти без чувств, зашевелилась, приходя в себя, подняла голову и с изумлением посмотрела снизу вверх в мое лицо, еще не соображая



после обморока, что я мужчина, нечто запретное в их женском монастыре. Надо застыдиться и с визгом убежать, но это такое блаженство, когда боль покидает зверски избитое тело, когда вместо нее возвращается жизнь...

А монашка, что привела меня наверх, упала на колени и взмолилась:

— Господи, благодарим Тебя, что прислал пресветлого ангела защитить верных тебе!.. Этот день мы занесем в святцы, как знак Твоей Любви и веры в нас!..

Я кашлянул, чувствуя себя неловко, будто украл что-то, сказал практично:

— Раны и кровоподтеки — да, но вот девственность вряд ли восстановить сумею. Хотя, если задержаться у вас погостить на недельку, то можно бы попробовать... Не гарантирую, но попытка не пытка... Впрочем, нет, надо идти дальше. Мало ли что хочется... даже очень.

Они смотрели на меня со светлыми и даже просветленными лицами, ничего не понимая из того, что я сказал, ибо сказано же, что слушать надо сердцем, а одна монахиня проговорила тихохонько, словно мышка пропищала под полом:

— Но... может быть... такой святой паладин может и остаться на пару ночей?

Сказала и сама застыдилась, а старшая монахиня, уже входя в роль настоятельницы, произнесла веско:

— Паладин тоже мужчина.

— Спасибо, — сказал я с удовольствием. — И вообще-то... неплохой.

— И хотя он стоек, — продолжила монахиня сурово, — но не следует у него отнимать силы, дабы боролся с соблазнами, когда проще их избежать вовсе.

Я сказал почтительно:

— Золотые слова.

Глава 15

По дороге из монастыря пожалел, что в кармане нет зеркала, а в сумку лезть за украденным у горных эльфов некогда. Интересно бы посмотреть, что у меня за лицо такое, почему он сказал, что лицо убийцы?.. Или становлюсь таким?

Или таким у меня становится, когда я смотрю на врага, которого надо... изъять из обращения?

Широкий человек, широкий...

Мои звери ликуют, что вот мчимся по заснеженным полям, лесам, перескакиваем овраги, проносимся по замерзшим рекам и озерам, находим могучих противников, что преступили закон, сражаемся и побеждаем, и когда в конце концов впереди показалось и стремительно приблизилось уже знакомое место с котлованом, наполовину засыпанным снегом, даже арбогастр тихонько заржал, а Бобик сказал громкое «Гав!».

Снег в котловане разом провалился, тут же взметнулся белым шипящим паром, а следом в небо победно ударил красный столб огня, шириной с основание большой башни замка.

Темно-багровая фигура возникла разом, словно поднялась вместе с адским огнем, могучий голос прогрохотал:

— Смертный... ты все сделал быстро...

Мне почудился намек на мое подчиненное положение, и я отпарировал с достоинством:

— Это сделано не для тебя. Я лишь очищал землю от нечисти, что оказалась в моих владениях из-за твоего неумелого правления.

Вельзевул чуть пригнулся, рассматривая меня с изумлением.



— Смертный! А в тебе не больше гордыни, чем у любого из нас?

Я сказал сердито:

— Если она обоснованна... то это не гордыня. Это у вас гордыня, когда гордиться было еще нечем, а еще хари задирали!

— Ладно, — сказал он, — ты оказался неожиданно хорош. Хотя монахинь мог бы и не освобождать, лишняя потеря времени. Из-за них ты потерял целый день, а мог бы отправить остальных пятерых в ад на сутки раньше...

— Да? — спросил я саркастически. — Может быть, чтобы тебя обрадовать, надо было еще и монастырь поджечь?

Он ухмыльнулся.

— Неплохо бы. Кстати, почему бы тебе этого не сделать?.. Или хотя бы перенасиловать всех?.. Признайся, смертный, такая мысль была? Была, была, я по глазам вижу! А сказано же, не греши даже в мыслях.

Я буркнул:

— Ну, за грешные мысли, думаю, в ад еще никто не попал. Все мы — потомство Змея и Евы, потому в нас не только мысли, но немало всякой дряни еще. А ты, я вижу, знаешь Святое Писание?

Он посмотрел на меня как на редкостного дурака.

— А кто его знает лучше всех?.. Ладно-ладно, это поймешь потом. А сейчас признаю, ты выполнил очень важную работу.

— Я сделал это не для тебя, — повторил я зло. — И это не работа! Благородные люди не унижаются до работы.

Он поморщился.

— Хорошо, ты сделал важное дело.

— Не буду спорить, — ответил я с достоинством. — Но старался не для тебя, как уже сказал.

— Но ты не вернул Натареллу, — напомнил он, — хотя, как кажется, отыскал.

— Что, — спросил я с недоверием, — ты как-то следил за мной?

— На тебе ее запах, — произнес он с иронией, — что неудивительно, учитывая ее занятие.

— Ее грех невелик, — возразил я. — К тому же понятие прелюбодеяния... постоянно менялось. Вон даже фараоны отдавали своих дочерей в публичные дома, чтобы те научились искусству любви, лишь потом их выдавали замуж. А дочь фараона Хуфу брала плату за свои услуги кирпичами, из которых строили пирамиду для отца. Потом тоже были периоды, когда блудницы то были в почете, то подвергались гонениям... Потому несправедливо законы одного короткого периода на земле распространять на сотни, а то и тысячи лет в аду.

Он посмотрел на меня с интересом.

— А ты не глуп, смертный. Но у нас с тобой будет время поболтать на эти темы, когда попадешь ко мне. А пока... да, согласен я с тобой или нет — неважно. Скажи теперь, что я должен сделать в ответ. За всякую работу должна быть какая-то награда.

Я попросил:

— Оставь Натареллу. Среди живых. Не посылай за ней никого. Пусть ее никто не разыскивает. Она слишком мелкая грешница.

Он спросил с удивлением:

— Это и есть твоя просьба?.. Ты мог бы пожелать для себя горы золота, сундуки с алмазами!.. Или что-то и поважнее. Оружие, к примеру. Кстати, Адский Рубин останется у тебя.

Я помотал головой.

— Просто пусть она останется доживать свою жизнь.



Он прорычал грозно и недовольно:

— Она слишком молода, ждать ее в аду придется долго. С другой стороны, нагрешить сумеет больше... Хорошо, если это твоя единственная и окончательная просьба...

— Да.

— Будь по-твоему, смертный, — проревел он. — Прощай.

Я молча повернулся к нему спиной и, вставив носок сапога в стремя, поднялся в седло. Арбогастр легонько ржанул, показывая, что готов рвануться стрелой.

Столб адского пламени, который должен был уже исчезнуть, оставался на месте, освещая болото страшными багровыми сполохами. Вельзевул прорычал мощно, в его грохочущем, как подземные скалы, голосе я уловил сомнение:

— Но вот так, отказываясь от своих благ и отдавая их другим, ты обретаешь больше святости... что совсем как-то противно и гадко. Нет, я не могу пользоваться твоей слабостью, именуемой благородством и рыцарственностью...

Я сказал в тревоге:

— Ты обещал!

— С той блудницей все будет в порядке, — заверил он снисходительно, — а если у кого-то сверху возникнут вопросы, я отправлю их выяснять причину их недовольства к тебе.

Я пробормотал:

— Не хотелось бы, но... ладно.

— С моей же стороны, — сказал он с некоторым высокомерием, — такая мелочность недостойна! Тем более к существу, что в некоторой мере... очень помогло. В общем, смертный, ты теперь единственный человек на свете, у кого такой статус.

Я разобрал повод и прикосновением кончика сапога дал понять арбогастру, что можно идти вскачь, но спросил невольно:

— Какой?

Арбогастр рванулся с такой скоростью, что ветер не засвистел, а заревел в ушах, однако я услышал далеко за спиной:

— Вельзевул в должниках!

На обратном пути я пытался вспомнить, был ли Вельзевул в числе мятежных ангелов, но история сохранила имена лишь вожаков. Но, судя по его гордыне и желанию соблюдать какой-то кодекс чести, явно был. Причем достаточно высокого ранга.

Наверное, иметь Вельзевула в должниках — это немало. Хотя бы одно желание у меня отыщется. Со временем. Может быть. И если оно будет... уместным, конечно.

Как теперь понимаю все отчетливее, Сатана, Вельзевул и все остальные падшие ангелы, хотя и люто ненавидят человека и стараются ему подгадить, все же вынуждены действовать в рамках неких правил.

К примеру, даже сам Сатана, будучи Князем Лжи и Обмана, не может нарушить ни одного договора, заключенного даже с самым мелким и презренным человечешкой, не может войти к нему в дом без разрешения хозяина и так далее, так далее.

Разумеется, все постараются обмануть, а при заключении договоров ввернуть такие пункты, которые, оставшись незамеченными, приведут в ад, но это уже зависит от самого человека. Первое — можно очень внимательно прочесть договор, обращая внимание на все оговорки и отступления, второе — вообще не иметь никаких дел с Врагом рода человеческого.



Бобик несется огромными прыжками, выскакивая из сверкающей белизны целиком, но иногда скрываясь в глубоких местах полностью. Мне кажется, он в таких случаях визжит от восторга, на что арбогастр солидно пофыркивает, но и сам, чувствую, счастлив мчаться по яркому солнечному дню, где вокруг такая сверкающая белизна...

Вдали недостижимо сияют снежные горы, их почему-то называют предвечными, по ту сторону дороги обмерзлые стволы деревьев, почти скрытые под заснеженными ветвями.

Арбогастр скачет красиво и гордо, наезженная санными дорога то и дело бросается под копыта, но он предпочитает идти напрямик, а дорога что-то слишком уж извивлялась до неприличия, мужчины так не ездят...

Вдали показался замок, верх стены в зубчиках, две башенки тоже с такими же выступами, окна непривычно большие, витражные, арка входа стрельчатая.

Аллея достаточно широкая, чтобы проехали три всадника стремя в стремя, плитка приятно желтоватого цвета, с обеих сторон густые и с виду непролазные кусты с аккуратно состриженными макушками.

Высокие стены поросли зеленым мхом, из щелей торчит покрытая снегом трава, а в одном месте ухитрился укорениться небольшой кустик.

— Прямо и мимо, — велел я строго. — Мало ли что хочется!.. Я тоже чую в этом замке некую тайну, яркую и волнующую... но все не ухватить, в сутках всего двадцать четыре часа, приходится выбирать...

Мы примчались в Генгаузгуз в разгар яркого солнечного дня, город уже не утопает в снегу, дороги прочищены, во дворе королевского дворца веселье, челядь бросается снежками, солнце слепит глаза, от-



ражаясь от каждой снежинки, настолько ясное и лучистое, что и завтра, значит, будет мороз и солнце...

Я бросил повод арбогастра слугам, а сам вслед за Бобиком взбежал на недавно очищенное от снега крыльцо. Стражи, широко и довольно улыбаясь, поспешно распахнули передо мной двери, а то открою сам, а для них это позор и пренебрежение службой.

В холле пусто, но в зале, где немало придворных, сразу же наткнулся на Джоанну, она обернулась, на лице мелькнул испуг при виде высокой мужской фигуры, затем глаза засветились откровенной радостью.

— Ох, это вы, ваше высочество...

— Увы, — сказал я, — всего лишь. Не сказочный принц на белом коне. У меня и конь черный, а собачка так вообще...

Она засмеялась.

— Зато принц, да еще какой!

— Да, — согласился я, — зато.

— Вас так долго не было, — сказала она. — Говорят, вы и в такую погоду выезжаете... далеко?

— Не слишком, — ответил я, — а вы о чем тут щебечете?

Она засмеялась мило и чарующе.

— Мы тут как раз обсуждали один интересный обычай Бриттии: незамужние женщины вот в такой солнечный зимний день берут вышитые ими платки и выбрасывают во двор или улицу, а потом стоят у окна и ждут; какой мужчина будет проходить мимо и поднимет, тот и станет их мужем.

Она замолчала и смотрела на меня уже серьезными глазами, я молчал тупо, наконец проговорил первое, что пришло в голову, надо же что-то сказать:

— И кого ты увидела первым?

Она сказала нежно:

— Ваше высочество... вас!



Некоторое время мы стояли молча, она явно ждала ответа, но я не сказал ни слова, да и что я могу, а она вдруг расхохоталась:

— Как здорово, что мы не в Бритнии!

Я с благодарностью улыбнулся, но присоединяться к ее наигранной радости неуместно и даже жестоковато, потому просто молчал и молчал, чувствуя себя весьма хреново и даже виновато.

В конце зала показался спешащий в нашу сторону Альбрехт, я сказал с облегчением:

— Дорогой граф, вы как нельзя кстати! Пойдемте к кабинет, у меня есть дело... Простите, принцесса, у мужчин всегда дела-дела...

Когда за нами захлопнулась дверь, он спросил живо:

— Что за дело? А то я уже навицеканцлерил столько, что год разгрести будут...

Я отмахнулся.

— Да никакого пока, сам только-только прибыл, еще не рассмотрел, где вы все тут дров наломали.

— Это, — сказал он понимающе, — чтобы удрать от принцессы? Нужно быть тверже, ваше высочество. К вам будет липнуть все больше женщин. А уже не отличить, кто искренне, а кто... Как съездили?

— Успешно, — ответил я коротко.

— Философский вопрос решили?

— Да.

Он сказал понимающе:

— По-своему, по-философски? То есть мечом по голове? Или топором?

— Мечом, — ответил я. — Не понял только, почему не оказалось ни одного из достаточно великих злодеев? Последний, которого я экзекутнул, простой здоровенный мясник, обделенный не только умом, но и зачатками сообразительности.

— Великих? — переспросил он. — Кого это великих? Я подумал, пожал плечами.

— К примеру, Александр Македонский, Ксеркс, Дарий, Аттила... Каждый из них пролил столько крови, сколько не сумели все остальные злодеи во всем мире и за все эпохи!

Он сказал рассудительно:

— Ваш мясник, как вы его называете, наверняка в самом деле злобная тупая тварь, с ним все просто. Но Александр Великий, проливая реки крови и убивая всех на пути великого похода на Восток и в Индию, пронес греческую культуру далеко за пределы своей крохотной Македонии, что есть благо, не так ли? Аттила призвал бедные и погибающие от голода племена объединиться и двинуться на изобильные земли, где богатые лопаются от жира... в общем, все действовали во имя добра, так что, думаю, с ними до сих пор разбираются, если там наверху в самом деле справедливые судьи.

Я вздохнул.

— Хорошо, граф. Идите вице-канцлеровать, а я пока переведу дух и посмотрю, что и где горит вовсю, а где только начинает...

Он поклонился и вышел, я пошел к столу, стащил через голову перевязь с мечом и с облегчением отшвырнул в сторону, слуги подберут и поставят в угол у постели, а сам сотворил большую чашку кофе...

Глава 16

Справа у стены пугающе ярко и неожиданно вспыхнуло оранжево-золотое пламя, словно разом приблизилось огромное солнце и заглянуло во все окна сразу. Из огня выступила, но не отделилась от него,



огромная фигура вроде бы человека, но и больше, чем человека.

Мне показалось, что намного, намного больше, сердце заняло от тоски, слишком многое ускользает от моего понимания, а зрение передает в мозг лишь то, что ему удастся ухватить, а непонятное отбрасывает вовсе, выдавая мне картинку, которую я хоть и с трудом, но воспринять способен.

Это существо всмотрелось в меня оранжевыми глазами, в которых бушует море плазменного огня. Я ощутил дрожь во всем теле, а страшный в своем величии голос прогрехотал мощно и красиво, словно на органе заиграл сам Иоганн Себастьян Страус, или Бах, неважно:

— Смертный...

Я сглотнул ком в пересохшем горле и, осторожно опустив чашку на столешницу, ответил хрипло:

— Вообще-то вся вселенная смертна... Началось Большим Бангом, кончится Большим Схлопом.

Он прогрехотал величественно и еще красивее, хотя более красивый голос и вообразить трудно:

— Ты тот, который нам нужен...

— Заказы не принимаю, — ответил я с достоинством, — вообще-то я лорд и потому размещаю заказы сам. Говоря проще, повелеваю, а там хоть трава не расти.

— Ты хоть понимаешь, — произнес он органичным голосом, в котором, подозреваю, большую часть частот, расположенных в районе инфра- и ультразвука, просто не воспринимаю из-за примитивности строения слухового аппарата высших приматов, — ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь?

— С посланником, — ответил я.

— Но посланники там, — пояснил он оскорбительно ласково, будто разговаривает с недоразвитым ребенком, — выше земных королей здесь.

Я ответил нагло:

— Я не знаю, насколько это правда. Всего лишь слухи. К тому же лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе. Намек ясен или скорее как?

В комнате заблистало еще ярче, все тот же свет первого дня творения, которого нет чище, в другом конце зала возникла вторая фигура, такая же исполинская и блистающая, разве что у этого гиганта больше победно-багрового огня.

— Приветствую, смертный, — произнес он тем же рычаще-победным голосом героя, — ты избран...

— Нет уж, — отрезал я. — Ищите кого попроще. И для простых, намек ясен? Все эти избранные — для простых и очень простых! А я — фигура сложная, многогранная, противоречивая и очень морально как бы богатая во всех смыслах...

Он сказал грохочуще:

— Ты не понял! Не в том смысле избран, то в самом деле для самых тупых, а ты избран разрешить наш крохотный спор. Вот смотри...

Он повел руками, я успел увидеть, что первый тоже делает те же движения одновременно. В зале возникла третья фигура, на этот раз человек в сильно посеченных доспехах, с двумя обломанными стрелами в левом бедре, глубокой кровавой раной в левой стороне груди и еще глубоким разрезом под стальной кирасой, где он зажимает рану, не давая вывалиться кишкам.

Лицо его еще дышит жаром боя, грудь вздымается часто, и с каждым вздохом выплескивается немного крови, хотя лицо смертельно бледное, а я с жутковатым морозцем по коже понял, что человек этот если уже не мертв, то вот-вот умрет.

Первый сверкающий небесным огнем сказал с сочувствием и состраданием:



— Это сотник отборного отряда охраны, что должен был охранять дочь лорда Шеллена. Вел праведную жизнь, хотя и участвовал во многих битвах, но вел себя достойно, мирных жителей не убивал и если и насиловал, то не часто, что говорит о его чистоте и высокой нравственности...

— А в чем загвоздка? — спросил я.

Второй гигант сказал победно:

— Враги сумели его отвлечь обходным маневром, а пока он гнался за ними, выкрали дочь лорда и зверски изнасиловали. Когда он вернулся и увидел, что произошло, он впал в гнев, что есть смертный грех, разыскал насильников, всех их убил вместе с семьями и детьми, а дома сжег...

Первый сказал быстро:

— Он был вне себя! Женщин защищать нужно, он не помнил себя от праведной ярости!

Второй возразил:

— Дочь лорда даже не убили, а всего лишь изнасиловали.

— Ничего себе «всего лишь»!

Ангел ада сказал с нажимом:

— Через неделю она полностью пришла в себя. Если заглянуть в будущее, то можно увидеть, что играет со своими детьми, у нее семья и любящий муж... Но этот человек убил из-за нее четверых мужчин, троих женщин и пятерых детей!

Первый покачал головой:

— Первое, после такого никогда и никто не может прийти в себя, как будто ничего не случилось. И еще раз: что значит «всего лишь изнасиловал»? Это в будущем, если не врут расчетчики линий, такое будет считаться пустяком, а сейчас изнасилование есть преступление тяжелее смерти! Что смерть, все ходят под нею, но изнасилование — это гораздо больше, чем смерть...

Я слушал-слушал, начиная понимать, что это адвокат и прокурор, один считает, что представший перед судом может быть отправлен в рай, другой уверен, что обвиняемому место в аду.

И доводы у обоих примерно одинаковые, чаши весов сравнивались, боевая ничья, сейчас любая песчинка качнет чашу в ту или другую сторону.

— Я весьма польщен, — сказал я вежливо, — что вы обратились ко мне. Хотя и не знаю, с какого перепугу...

Светлый ангел сказал ровным голосом:

— У тебя, смертный, неплохая репутация.

Я повернулся к ангелу ада, тот развел сверкающими дланями в жесте удивления.

— Должен сказать, что и у нас поговаривают...

Я спросил невольно, все мы обожаем слушать, что о нас где-то говорят и как говорят:

— И что обо мне слышно?

— Сэр Ричард, — сообщил ангел ада, — хитрая и коварная сволочь, так отзываются о нем большинство, а это значит, что так и есть, но все также говорят, что он верен слову, честен и ему можно довериться.

Я пробормотал, раздираемый противоречивыми чувствами:

— Ну, спасибо...

— Что есть, — сказал ангел ада. — И еще говорят, что все его суждения справедливы, исполнены мудрости, но обычно это понимается потом, когда его успеют попроклинать...

— Как приятно, — сказал я угрюмо, — а я думал, мной только восторгаются! Вот брехуны.

Ангел небес сказал покровительственным тоном:

— Это и есть лучшая оценка. В наших кругах с нею, как ни странно, большинство согласны, хотя и с серьезными оговорками.



Я раздумывал, краем глаза поглядывал на сотника, он все еще бурно дышит, кровь бесконечными ручьями струится из ран, словно его выдернули через секунду после гибели и остановили это мгновение, пока не решится быстрый полевой суд.

С одной стороны, я вроде бы как раз тот, кто им нужен, недавно расследовал примерно такой же случай, хотя за изнасилование мстила сама изнасилованная, но она тоже вместе с изнасилователями убила их семьи, так что прецедент есть, я самый свежий знаток по мести за изнасилование, однако если с другой стороны и чуточку сбоку, то вид несколько иной...

Ангелы, не глядя друг на друга, устремили требовательные взоры огненных глаз на меня. Я уже немножко привык к их нещадному блеску, пытаюсь взвесить поступок взбешенного человека, который жестоко мстит за изнасилование, оценить со стороны... хотя какое тут со стороны, я на его месте вообще бы стер с лица земли все селение, где жили мерзавцы, они тоже виноваты, могли бы остановить их раньше, подав добрые примеры, как вести себя прилично, учиться, трудиться, вышивать крестиком...

С другой стороны, не случайно существует ограничение в ответных мерах, хотя пока что не понимаю, зачем оно существует, я бы за любое преступление вешал, крупное оно или мелкое, все эти люди вредят обществу... но почему-то надо вот за одно рубить голову, а за другое всего лишь бить кнутом на площади.

Я вздохнул и сказал невесело:

— Спасибо за ваше столь высокое мнение о моей скромной, теперь и сам понимаю, что весьма скромной персоне... вот уж не думал, что признаю такое!.. И скажу вслух.

Они переглянулись, ангел неба сказал одобрительно:

— Адекватная оценка собственной личности — залог успешных решений.

— Хорошо сказано, — обронил ангел ада, но я не понял, относится это к моим словам или реплике его коллеги.

— Вы заставили меня, — сказал я, — посмотреть на проблему преступления и наказания несколько с неожиданной стороны. Тварь я дрожащая или право имею? Вот уж никогда не думал, что скачусь до такой хрени!.. Потому я вам бесконечно признателен, вы открыли во мне черту, где целое море всяких мерехлюндий, я обнаружил как бы богатство своей безразмерной души, где столько хлама...

Оба морщились, наконец ангел ада, как более бесцеремонный, прервал:

— Сэр Ричард, вами займемся позже. Сейчас нужно разобраться с этим доблестным воином.

Я развел руками.

— Увы, мои суждения, как вы помогли мне понять, весьма поверхностны, а также неглубоки и вообще мелковаты. Потому смиренно кланяюсь вам, благодарю за честь, но отказываюсь даже принимать обсуждение в таких пока еще сложных, как вдруг оказалось, для меня вопросах. Я государь простой: мечи из ножен и — в атаку!.. А тут высокие материи...

Они оба вздыбились, как бойцовские петухи, свет стал ярче и злее, фигуры размылись, превращаясь в море огня.

Оттуда прогрехотало:

— Но о тебе говорят как о человеке, который...

— Ты сможешь!

Я покачал головой и ответил как можно тверже:

— Нет!.. Это не только скромность, которая при-
суща мне в огромной степени и буквально освещает
с головы до ног мою исполинскую фигуру в истории



человечества. Это и мое признание, что пока еще не дорос не только до решения, но даже понимания таких вопросов. Потому еще раз: благодарю за оказанную честь... высокую честь!.. Но вынужден отказаться, хоть и хотелось бы поблистать умом и эрудицией, которой у меня ух ты сколько!

Они переглянулись, это я утадывал в бешеном клокотании огня, затем оттуда прогремел злой голос: — Хорошо. Мы отыщем другого посредника.

Свет из комнаты исчез мгновенно, и хотя день в разгаре, на несколько секунд мне казалось, что я в полной темноте.

Наконец стены и мебель выступили из сумрака, я нашел себя в привычном сером и скучном мире. Сердце стучит сильно и взволнованно, даже екает, словно быстро-быстро бежит на месте и часто спотыкается.

Я перевел дыхание, выпрямился и посмотрел на себя в зеркало. Мало ли что трясется у меня внутри. Мы живем тем, что снаружи, а внутри внутренности, показывать их стыдно и даже мерзко. Внутри мы вообще-то все сволочи, но ежедневно выдавливаем из себя этот сволочизм, ежедневно выходим из Египта, ежедневно и ежечасно ведем себя так, словно все вокруг видят нас, слышат каждое слово и оценивают нас.

В углу комнаты, что по диагонали от меня, появился приятный свет малинового оттенка, разросся мягко и нежно, я смотрел с подозрением и даже опустил ладонь на рукоять меча, но там возникла фигура человека в старинном костюме, иссиня-черные волосы падают на плечи, на лбу подрезаны неровно — на палец выше бровей, таких же смоляных, красиво и грозно изломанных зигзагами.

Я перевел дыхание, убрал руку от меча, стараясь делать это незаметнее, хотя от взгляда Сатаны вряд ли что-то укроется, сказал чуточку сварливо:

— Что это вы, как блондинка, весь в розовом?.. И костюм какой-то...

Он хмыкнул.

— Делаете успехи, сэр Ричард! Уже обращаете внимание на костюм, а это шаг ко мне. Начните одеваться модно — еще шаг ко падению... Это из эпохи, что особенно прославилась рыцарством... в смысле, началом рыцарства, когда оно выглядело особенно героично, хотя иногда и нелепо.

Я кивнул в сторону стола.

— Вина?.. Жареного мяса?.. А то я еще и кофе хлебнуть не успеваю! Что за жизнь? Прынец я или не прынец?

— Спасибо, — ответил он, — только вина. Оно у вас особенно... дьявольское, ха-ха!.. приятно понимать, как много сил, времени и таланта потрачено впустую на создание новых сортов вин.

— Когда вы его придумывали, — спросил я, — так далеко не просчитывали?

Он сел, с явным удовольствием вытянул ноги в охотничьих сапогах с голенищами выше колен.

— Нет, — признался он. — Я много чего напридумывал, но многое человек не принял. Хотя вино в падении человека роль сыграло. Содом и Гоморра, позор Ноя...

— Ага, человек не все принял!

— Не по чистоте помыслов, — уточнил он, — просто большинство оказалось преждевременным. Я переоценил потенциал созданного Всевышним. Но большинство из моих придумок будут использованы позже...



Я ощутил угрозу в его словах, но молча сотворил марочный коньяк и вежливо придвинул к нему наполненный бокал.

— Спасибо, сэр Ричард, — сказал он и, ухватив бокал, одним махом осушил до дна.

Я наблюдал за ним с любопытством, а он задержал дыхание, покрутил головой, глаза загорелись восторгом.

— Понравилось? — спросил я любезно.

— Прелесть, — выдохнул он. — Представляю, сколько человек это сведет в преждевременную могилу, сколько разобьет счастливых семей, сколько погубит судеб, сколько людей встанет на путь преступлений...

Я буркнул:

— В малых дозах он вроде бы даже полезен...

Он широко улыбнулся.

— В малых дозах он полезен в любом количестве, так будет сформулировано! Эта отравка настолько хороша, что будут написаны трактаты о его пользе, вот увидите.

— Увижу, — подтвердил я нехотя, а он по моему лицу, похоже, понял, что я в самом деле видел или читал подобное, человек всегда находит себе оправдание, улыбнулся с великим самодовольством.

— А вы прекрасно справились, сэр!

Я спросил с настороженностью:

— Вы о чем?

— К вам являлись ангелы Акадриль и Энревилль, — произнес он. — Оба с неба звезд не хватают, хотя и не самые глупые. Сейчас они по разные стороны баррикады...

Я сказал мрачно:

— Какое, к черту, прекрасно? Я не стал даже пытаться что-то решать, осознав, что при всей моей самоуверенности там для меня непаханое поле. Соотно-

шение вины и адекватного наказания... там не только черт ногу сломит, но и его хозяин!

Он улыбнулся, подставил бокал под возникающую над хрустальным краем коричневую струю коньяка.

— Это вы правы, хитрый мой друг. Тем более что там не только нет ясности, но и быть, в принципе, не может. Все зависит от того, кто трактует. И даже от того, как и чем пообедал перед тем, как идти на суд.

— Ну вот...

— В вашем решении увильнуть и была прекрасность, — заверил он. — Вы еще не поняли, сэр Ричард?

Я спросил с подозрением:

— А что я должен был понять? Это было что-то не то, что я видел?

— То, — заверил он. — Они в самом деле не могут решить, куда отправить того героя. Доводы «за» и «против» абсолютно уравнивали друг друга. Но вашим решением они бы только решили свою проблему, зато создали бы для вас проблему посерьезнее...

Я напрягся.

— Какую?

Он сказал наставительно:

— На мой взгляд, присутствовала, так сказать, проверка, хотя и в не слишком явном виде. Нет, если хотите, даже, точнее, настоящая провокация. И очень опасная. Даже не знаю, было это задумано заранее или так получилось, но вы в ловушку не полезли. Это у вас трусость или осторожность?

— Мудрость, — огрызнулся я. — Что, трудно поверить? Мне тоже, если уж честно. Как я понимаю, чью бы сторону ни взял, другую восстановил бы против?

— Разумеется...

— А так пока что меня никто не трогает.

Он покачал головой.



— Нет-нет, это все пустяки. Провокация намного глубже и серьезнее! Чью сторону выбрали бы, это важно, но не самое важное. Важнее сам факт, что беретесь за такие вопросы. Это показало бы, что занеслись слишком высоко в своем самомнении и оценке своей личности.

Я посмотрел на него исподлобья; у него странное выражение, словно готов утопить меня в дерьме, но не даст это делать другим.

— Это восстановило бы против меня тех и других?

— Абсолютно верно, дорогой друг. И даже третьих, которые выше и важнее.

Я не стал огрызаться, что я не его дорогой друг, он тут же упрекнет, что шуток не понимаю, это же такой оборот речи, ни к чему не обязывающий, а он смотрел с улыбкой, словно читает, как в детской книге с картинками, мои примитивные эмоции и простенькие мысли.

— Почему так? — спросил я упрямо. — Разве светлые не на моей стороне? В смысле, не на стороне человека?

Он поморщился.

— Всегда поражался, что люди помнят, кому в прошлом году пытались залезть под платье, но уже забыли, из-за чего начался Великий Раскол. Когда Всевышний создал человека, он созвал ангелов и велел всем поклониться ему, объявив, что именно его назначает царем природы, венцом творения и хозяином всего созданного им мира. Часть ангелов повиновалась, часть отказалась... Была война, победители сбросили побежденных на землю и поместили в ад.

— Это я помню, — прервал я. — А что нового в этой интересной версии, написанной победителями?

— Ничего, — ответил он. — Просто ангелы, что поклонились человеку, далеко не все сделали это с охотой. Как и те, кто не возжелал поклониться, далеко не все стали человеку врагами. Большинство к человеку остались равнодушны, но те, кто его не любит, есть на обеих сторонах.

Я пробормотал:

— Ничего себе. С каждым днем все радостнее жить...

Он сказал с усмешкой:

— Человек все и всех делит на хороших и плохих, полезных и вредных по отношению к себе любимому. Пчела — полезно, оса — вредно, хотя те и не подозревают о человеке и никак к нему не относятся. Так и ангелы... там нет хороших, как нет и плохих. Они все — ангелы, все в чем-то немножко разные.

Я пробормотал:

— Но как же тогда...

Он покачал головой.

— Не догадываешься?

— Ну... пока не совсем...

— Хорошими или плохими, — сказал он, — считает их человек. В зависимости от своих... убеждений. Это следствие свободы воли. И эта незримая черта, которую проводит между ангелами человек, постоянно сдвигается им же то в одну, то в другую сторону.

Я пробормотал:

— Скорее в одну...

Он кивнул.

— Быстро схватываете, дорогой сэръ Ричард. Я всегда вами восхищался.

— Как мы восхищаемся самой быstroногой черепахой, — поинтересовался я, — обогнавшей других на соревнованиях?



Он улыбнулся.

— Зачем же так... Вы в самом деле хороши.

— Спасибо, — ответил я. — Ничего сложного. Черта, за которой наши поступки становятся... э-э, считаются непозволительными, тоже сдвигается. В одну сторону. Человек уходит от дикости, если вы, сэр Сатана, еще не знаете.

— И приближается ко мне, — сказал он.

Я хмуро посмотрел в его довольное лицо. Он прав, хотя мне и не нравится такая правота, но это от меня не зависит.

Его лицо внезапно помрачнело, он произнес неожиданно мягко и, как мне показалось, с некоторой неуверенностью:

— Даже не знаю, есть ли свобода воли у меня самого?.. Или это нечто вложенное Всевышним: искушать нестойких и тем самым отсеивать плевелы от здоровых зерен?

Я фыркнул:

— Тогда у человека тоже нет. Мы следуем твердо заданной программе — плодиться и доминировать, захватывая новые территории. Ибо Господь велел плодиться и размножаться. И все подчинено этому, даже любовная лирика. Так что, сэр Сатана, уверяю, если вы рискнули отказаться кланяться человеку, то проявили именно свободу воли! Иначе пришлось бы заподозрить Всевышнего в продуманном коварстве, а этого даже вы о нем не скажете.

— Вы меня успокоили, — сказал он с непонятным выражением.

— Так что, — закончил я, — отвечать придется по полной. И мне, и вам. Чашечку кофе?

— Да, — ответил он, — только побольше, а то становитесь то ли жадным, то ли интеллигентным.

Глава 17

После его ухода я сотворил еще две большие чашки горячего и сладкого кофе, выдул одну за другой и, помотав головой так, что уши почти захлопали по голове, как у Бобика, сел за стол и вытащил бумаги из самого нижнего ящика.

Чем Сатана понятнее, так это тем, что он человеческое. И все действия его понятны и близки нам. Если деяния Господа неисповедимы, то все, что исходит от Сатаны, нам понятно и даже близко. Сами бы так делали, будь у нас чуть больше силы и власти, а уж всего остального, ну там наглости, дерзости или нежелания слушаться авторитетов — у нас и так в избытке.

Через час явился Альбрехт, поклонился с порога, я видел, как дернулись крылья его породистого носа, будто в комнате все еще витают запахи ладана и серы, посмотрел на меня с вопросом в серых внимательных глазах.

— Сэр Альбрехт, — сказал я нетерпеливо, — мы одни, давайте без церемоний. Раз уж явились раньше, чем я изволил вызвать вас перед свои ясны государевы очи, то давайте хрюкайте, что там у вас за гадость для меня в ваших безразмерных карманах, куда складываете украденное из казенной казны.

— Ваше высочество...

— Вон стул, — прервал я и указал на кресло. — Садитесь, располагайтесь. Вам коньяк или кофе?

Он подумал, спросил серьезно:

— А можно то и другое?

— Ага, — сказал я, — вот кто изобрел кофе с коньяком!.. Хорошо, получайте.

Он придвинул к себе ближе чашку с горячим кофе и фужер с коньяком, улыбнулся.

— Спасибо за щедрость.



— Только пейте по отдельности, — предупредил я. — А то невежды льют коньяк в кофе, что недопустимо для таких изысканных гурманов, как мы с вами.

— Правда? — спросил он с недоверием, то ли сомневался в своем гурманстве, то ли не верил, что так делать в самом деле недопустимо.

— Из коньяка в горячем кофе испаряется спирт, — пояснил я, — а кофе становится просто противнее... А теперь о деле, сэр Альбрехт. Не знаю, с какой ерундой вы пришли, но я тут пришел к выводу, что не следует особенно усердствовать с наказаниями виновных на временно оккупированных нами с целью принуждения к миру территориях. Существуют же какие-то ограничения в ответных мерах!

— Правда? — спросил он с любопытством. — Какие?

— Не существуют? — спросил я. — Тогда нам придется разработать этот кодекс. Нехорошо, когда за проступок какого-то негодяя страдает вся его семья, а то и деревня.

— Но так проще, — ответил он с недоумением. — И наглядно. Жестокость наказания предотвращает повторение со стороны тех, кто видел наказание. Не только жена, даже соседи будут удерживать друг друга от проступков!

— Это верно, — признал я, — но верно как бы сверху, мы же орлы, летаем высоко и видим всю страну в целом. И народ как статистику. А вот по мелочи это как бы несправедливо бить и невиновных, чтобы запугать на будущее. В общем, граф, продумайте ограничительные меры. А также ограничение необходимой обороны.

— А это что?

Я подумал, проямлил в поисках примера:

— Если, скажем, кто-то назвал вас дураком или плюнул вам под ноги, то не следует его тут же убивать. Это неадекватно, хотя, понимаю, руки так и чешутся, а рукоять меча, зараза, сама лезет в ладонь.

Он посмотрел на меня с неодобрением.

— Ваше высочество, каким вы становитесь скучным!

Я огрызнулся:

— Думаете, сам не вижу?.. Эх, граф, бросить бы все да помчаться нам вдвоем по землям королевств, совершая подвиги и дурости!.. А мы упускаем такую интересную жизнь.

Он некоторое время отхлебывал кофе мелкими глотками, спеша осушить чашку, пока там не остыло, иногда подносил к губам фужер, где уровень коньяка медленно, но все же опускался.

— В такую зиму, — сказал он с чувством, — это самое лучшее, что человек придумал... Кстати, ваше высочество, есть одна интересная новость...

— Что там еще? — спросил я с подозрением. — Давайте, граф, бейте сразу. Что-то от вас одни неприятности. Пора вас в самом деле в канцлеры.

— Напротив, — проговорил он, понижая голос, — новости вроде бы положительные. Хотя, конечно, как посмотреть. Но у вас все положительное, не так ли?

— Граф, — сказал я с укором, — не играйте словами. А то у меня такие ассоциации, когда на вас смотрю и слушаю про положительность...

Он вздохнул, сказал четко:

— Прибыл вильдграф Зальм-Грумбах.

— Что значит прибыл? — спросил я. — Он вроде бы последнее время как раз и обитает во дворце!

Он помотал головой.

— Нет-нет, прибыл для приватной беседы с вами. Лично. Без свидетелей.



Я нахмурился.

— А мне это надо?

— Мне кажется, — сказал он тихо, — вильдграфу предложено вам посулить нечто.

— От кого?

Он покосился по сторонам и сказал еще тише:

— От короля Леопольда.

Я нахмурился.

— Какие-то данные или ваши домыслы?

— И то, — сказал он, — и другое. У меня есть интуиция, основанная на огромном опыте и частных предположениях. Король Леопольд уже понимает, что трон потерял, а Мунтвиг вряд ли сумеет помочь в деле возвращения. Значит, нужно с вами вступить в переговоры, что-то уступить, что-то отдать, на что-то согласиться...

Я спросил с недоверием:

— А вильдграф точно от Леопольда?

Он покачал головой.

— Не точно. Это мое предположение. Больно вид у него важный, торжественный, смотрит поверх голов, словно это он спасает мир...

— Гордыня, — определил я. — И даже наглость. Ладно, граф, мне теперь тоже весьма любопытно. Не будем мариновать, проводите его ко мне. Но сами далеко не уходите, где-нить в коридоре лягте в уголке на тряпочке, дождитесь, пока закончим. Потом обсудим.

Дверь распахнулась, я успел увидеть за плечом входящего вильдграфа Зальма-Грумбаху голову Альбрехта, он и прикрыл за гостем, а сам, как догадываюсь, пошел искать уголок и тряпочку.

Зальм-Грумбах, осанистый и надменный, даже без доспехов неимоверно широкий в плечах, сделал пару

шагов и поклонился со всей, впрочем, учтивостью и почтительностью.

— Сэр Вильдан, — сказал я приветливо.

— Ваше высочество, — ответил он.

— Сэр Вильдан, — сказал я, — мы высоко пеним ваш вклад в дело взаимопонимания между жителями Генгаузгуза и нашими солдатами. А также жителями других городов и сел Сакранта...

Он ответил с поклоном:

— Ваше высочество, я сердечно благодарю за столь высокую и лестную оценку. Я и прибыл для того, чтобы расширить и углубить...

— Ах так, — ответил я, — тогда присядьте, граф. Вина?

Он ответил с улыбкой:

— Если вас это не затруднит. Вы привезли с собой столь чудесное вино, что отказаться непросто.

Я наклонился к кувшину, что ждет своего часа у моих ног, подержал за ручку, создавая коньяк, наконец поднял на стол и сам налил вильдграфу.

— Для таких пустяков, — сказал я, — обходимся без слуг. Мы все еще в походе, и у нас все пока просто.

— Спасибо, — сказал он, — вы очень добры и великодушны, ваше высочество. А просил о встрече я вот по какому делу. Мой король Леопольд Кронекер сердечно благодарит вас, что в захваченном городе нет резни, разрушений, убийств и вообще не разгромлены даже дворцы и церкви...

Я ответил холодно:

— Как вы понимаете, мы так поступили вовсе не потому, что хотели заслужить благодарность Его Величества.

Он сказал с поклоном:

— Да, это и не в ваших интересах, понимаю. Но король тоже прав, выражая вам свою благодар-



ность. И еще он хотел бы продолжить с вами переговоры...

— А они уже начаты?

Он сказал с достоинством:

— Мы с вами люди военные, можем решать быстро и без долгих совещаний с советов дряхлых стариков. Его Величество всего лишь выражает вам признательность за сохранение города и людей, а за это намерен дать вам титул коронного принца.

Я изумился:

— Кронпринца? С какой стати?

Он сказал с заметной печалью:

— У Его Величества три великолепные дочери, но был только один сын, да и тот умер во младенчестве. Ему некому оставить корону!.. А после смерти Его Величества неизбежно начнется гражданская война, если заранее не найдется наследник, против которого не посмеют обнажить оружие.

— И что, — спросил я враждебно, — оставить корону мне — лучший выход?

Он помолчал, давая время и мне хорошенько подумать, сказал внятно:

— Разве не лучший?

— Для кого, — ответил я резко, — лучший, для кого нет. Для меня... да мне такое даже в голову не приходило!

Он не спросил, а куда приходило, сказал очень серьезно и настойчиво:

— Ваше высочество, подумайте, что получите с таким титулом в придачу...

Я огрызнулся:

— Я вижу, что получит король Леопольд!

— Он получит, — согласился он, — и вы получите. В том числе вы получите поддержку населения, так как король Леопольд в народе любим и почитаем

за его доброту и незлобивость. Вам не придется держать в Сакранте армию за крепкими стенами городов и замков, опасаясь внезапного нападения. Это тот случай, когда все получают, почти ничего не теряя.

Я спросил, раздумывая:

— Это значит, король Леопольд возвращается на трон?

Он вздохнул, сказал просительно:

— Ваше высочество, вы же понимаете... что такое трон, когда армия в ваших руках, а у Его Величества вообще нет войск! Те, что были, забрал Мунтвиг и увел в южные дали. Вернутся ли? Теперь вера многих в могущество Мунтвига пошатнулась. Фактически власть останется все еще в ваших руках, а после кончины Его Величества вы, как кронпринц и его законный наследник, станете королем Сакранта! Законным и легитимным, что все-таки в нашем мире немаловажно.

Я подумал, сказал в раздумье:

— Знаете, сэр Вильдан, вы меня ошарашили, а это редко кому удавалось. Давайте отложим этот вопрос... нет-нет, не на годы. Ответ дам завтра. Посоветуюсь со своими лордами, там есть народ очень умный, и сразу же отвечу.

Он поклонился и отступил к двери.

— Ваше высочество...

— Сэр Вильдан, — ответил я.

Он поклонился и вышел, я выждал с минуту, чтобы он удалился к лестнице, а я мог незаметно позвать Альбрехта, как за спиной полыхнуло неистовое пламя.

Я в страхе подпрыгнул и резко обернулся, готовый и драться, и бежать. Половина кабинета охвачена яростным огнем, но нет жара, треска и запаха дыма,



это не огонь, всего лишь свет, что не слепит и не выжигает глаза, хотя я ощутил себя в самом ядре Солнца.

Яростное лицо Тертуллиана выступило резко и мощно, из глаз плещут протуберанцы, а изо рта вырывается багровое пламя.

— Ричард, — прогремел напористый голос, — никаких оправданий!..

Я всполошился:

— Я разве оправдываюсь?

— Да уж, — гроыхнуло мощно, — ты не из тех, кто оправдывается! Чем неправее, тем злее нападаешь.

— Да что стряслось?

Он воззрился в меня бешеными глазами из огня и плазмы.

— А то ты не знаешь?.. И не ведаешь, куда тебе идти?

Я пробормотал опасливо:

— Вообще-то догадываюсь... кто меня туда только не посылал... но, боюсь, там на дороге такое столпотворение...

Он перебил резко, словно припечатал большой королевской печатью:

— Ты едешь в Храм Истины!

Я охнул, дернулся.

— Прямо щас?

— Да, — отрезал он, добавил тут же, смирившись: — Можешь за день-другой привести дела в порядок, но не больше.

Я спросил с беспокойством:

— Тертуллиан... а что стряслось? Что за внезапная спешка? Что ускорило?

Он посмотрел на меня теми же бешеными глазами, где ярость разгорается в океан бушующего огня.

— Ты что, такой как все?.. Или смирился, что Маркус сотрет все с земли?..

Я вскочил, злость прокатилась по телу, а мускулы напряглись сами по себе и застыли, тяжелые, как из гранита.

— Нет, но... где хотя бы зацепка?

Он прорычал:

— Знал бы... Но в Храме могут что-то подсказать. Не обязательно подскажут, не всемогущи, но если не они, то кто?... Меня бесит это покорное ожидание!.. Как могут? Я бы...

Он ревел, как лесной пожар, уже весь кабинет превратился в море плазменного огня, а Тертуллиан метался по комнате, иногда в раздражении ускоряясь так, что сам превращался в сверкающую стену огня, и я чувствовал себя в недрах сверхновой.

— Да, — произнес я вздрагивающим голосом, — пришлось мне как-то полистать жизнеописания неистового Тертуллиана. У него чуть что — в морду. Замечательный был философ и мыслитель... И что, мне действовать в одиночку?

Огненный столб замедлил движение, но раздраженный голос стал еще злее:

— Нет, конечно!.. Даже конклав и то...

— Готов дать бой? — спросил я с надеждой.

Он остановился, огромные глазницы с бушующим плазменным огнем вперили в меня ощутимо давящий взгляд.

— Нет, конечно, но все же мнения кардиналов разделились. Церковь по-прежнему все прячет в подземелья, но на этот раз готова позволить добровольцам ударить по Маркусу...

— Если добровольцам, — сказал я осторожно, — то разрешения от церкви не потребуется.

Он кивнул.

— А поддержка? Для того тебя и рекомендуют на прохождение искуса в Храме...

— Искуса?

— Испытания, — пояснил он, переводя на понятный язык. — Как уже известно, Багровая Звезда сперва превращает всех в покорных рабов, лишь потом опускается. В Храме надеются на этот раз попробовать сопротивляться.

— Наконец-то!

— Ты мог бы...

Я сказал поспешно:

— Для этой цели — да!.. Куда угодно, не только в Храм. Меня самого прямо корежит от нашей дурости: Маркус вот-вот всех нас с лица земли, как тараканов, а мы что? Огромные армии сшибаются за королевства, которых завтра уже не будет!..

— Тогда не медли, — прорычал он с угрозой. — Быстро заверши дела и — на Север!.. В Храм добираться непросто, но через неделю будешь там, если отправишься завтра с утра. Запомнил? Завтра с утра.

Содержание

| | |
|---------------------------|------------|
| ЧАСТЬ ПЕРВАЯ | 5 |
| ЧАСТЬ ВТОРАЯ | 144 |
| ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ | 268 |

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ПРИНЦ КОРОНЫ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Л. Огнева*

Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «ЭКСМО»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,

Домбровский көшесі, 3кә, Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,

факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан

Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3кә, Б литері, 1 кеңсе.

Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 14.03.2013. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 33 000 экз.) Заказ № 6526.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru



ISBN 978-5-699-63856-7



9 785699 638567 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: International@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**

E-mail: vlpzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.

Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601

www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru



ISBN 978-5-699-63856-7



9 785699 638567 >

Фичор

Длинные Руки —
принц короны

